

А. Г. ТИМОФЕЕВЪ,

ПРИВАТЪ-ДОЦЕНТЪ ИМПЕРАТОРСКАГО С.-ПЕТЕРБУРГСКАГО
УНИВЕРСИТЕТА.

ИСТОРИЯ

ТѢЛЕСНЫХЪ НАКАЗАНИЙ

ВЪ РУССКОМЪ ПРАВѢ.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія С.-Петербургской тюрьмы.
1897.

3345

СП6ГУ

ОГЛАВЛЕНІЕ

ОТДѢЛЪ ПЕРВЫЙ.

Стр.

Общія условія развитія и вымиранія тѣлесныхъ наказаній. Западно-европейское право	1
---	---

ОТДѢЛЪ ВТОРОЙ.

Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи.

Глава I. Періодъ развитія и господства тѣлесныхъ наказаній	49
Глава II. Періодъ вымиранія тѣлесныхъ наказаній	83

ОТДѢЛЪ ТРЕТІЙ.

Виды тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ.

Глава I. Членовредительныя наказанія и клейменіе	130
Глава II. Болѣзненныя тѣлесныя наказанія. Кнутъ	150
Глава III. Болѣзненныя тѣлесныя наказанія. Батоги и плети	180
Глава IV. Болѣзненныя тѣлесныя наказанія. Шпицрутенны и розги	202

Содержание

Всего страниц 100

1993

1. Введение

2. Глава I

3. Глава II

4. Глава III

5. Глава IV

6. Глава V

7. Глава VI

8. Глава VII

9. Глава VIII

10. Глава IX

11. Глава X

12. Глава XI

13. Глава XII

14. Глава XIII

15. Глава XIV

16. Глава XV

17. Глава XVI

18. Глава XVII

19. Глава XVIII

20. Глава XIX

21. Глава XX

22. Глава XXI

23. Глава XXII

ОТДѢЛЪ I.

Общія условія развитія и вымиранія тѣлесныхъ наказаній. Западно-европейское право.

1) Подъ тѣлесными наказаніями ¹⁾ понимаются, карательныя мѣры, направляемыя непосредственно на причиненіе физическаго страданія, которое можетъ быть достигнуто весьма различными способами, чѣмъ и объясняется разнообразіе тѣлесныхъ наказаній. Вообще ихъ можно подраздѣлить на три вида: 1) членовредительныя, изувѣчивающія по опредѣленію г. Шишкина и проф. Н. Д. Сергѣевского, уродующія по опредѣленію проф. Кистяковскаго, состоящія въ лишеніи человѣка какого либо органа или части тѣла, или въ поврежденіи ихъ. Сюда подойдутъ—отсѣченіе руки, ноги, языка, носа, ушей, пальцевъ, губъ, кастрація и, наконецъ, употреблявшееся въ Россіи рваніе поздрей. ²⁾

¹⁾ *Кистяковскій, А. Θ.* Элементарный учебникъ общаго уголовного права. Кіевъ, 1882. стр. 800.

Сергѣевскій, Н. Д. Русское уголовное право. Часть общая изд. 3. Спб. 1890 г. стр. 138—140.

Таганцевъ, Н. С. Лекціи по русскому уголовному праву. Часть общая. В. IV Спб. 1892 г. стр. 1480. *Фойницкій, И. Я.* Ученіе о наказаніи. Спб. 1889. стр. 453.

²⁾ Сюда же Н. С. Таганцевъ относитъ и клейменіе, хотя по его же собственному опредѣленію членовредительныхъ наказаній, какъ отнятія какого либо органа тѣла, лишенія его способности дѣйствовать или причиненія неизгладимаго поврежденія, къ нимъ едва ли можно присоединить клейменіе, такъ какъ оно составляетъ не поврежденіе, а неизгладимое обезображеніе (въ нѣкоторыхъ случаяхъ, впрочемъ, клейма заживляли), и его правильнѣе отнести къ тѣмъ тѣлеснымъ наказаніямъ, которыя названный криминалистъ характеризуетъ какъ „разчитанныя не столько на физическое страданіе, сколько на испытываемый преступникомъ позоръ и униженіе. Таганцевъ, Н. С. Лекціи по русскому уголовному праву“ В. IV Спб. 1892 стр. 1480.

2) Болѣзненные тѣлесныя наказанія, причиняющія физическія страданія безъ поврежденія или лишенія органовъ тѣла, выражающіяся главнымъ образомъ въ побояхъ, чрезвычайно разнообразны по орудіямъ и способамъ исполненія. Къ этому виду тѣлесныхъ наказаній принадлежатъ, употреблявшіяся въ Россіи, битье кнутомъ, плетью, кошками, батогами, шпицрутенами, линьками и, наконецъ, розгами. Болѣзненные наказанія служили и служатъ до сихъ поръ дисциплинарными наказаніями.

3) Осрамительныя тѣлесныя наказанія, цѣль которыхъ была не въ причиненіи боли, игравшей въ этомъ видѣ наказаній сравнительно неважную роль, а въ опозореніи, въ униженіи нравственной стороны наказываемаго, „боль побочная сторона въ нихъ, говоритъ г. Шпшкінъ, цѣль ихъ наложить вѣчный позоръ, обозначить преступленіе“....¹⁾. Такова была употребляемая въ средніе вѣка декальвація, таково клейменіе, наложеніе оковъ и бритье головы; послѣднія три наказанія носили въ Россіи, главнымъ образомъ, характеръ предупредительной полицейской мѣры.

Выдѣляя послѣдній видъ тѣлесныхъ наказаній, согласно съ раздѣленіемъ ихъ проф. Н. Д. Сергѣевскимъ и Н. С. Таганцевымъ, необходимо оговориться, что вообще всѣ виды тѣлесныхъ наказаній можно назвать позорящими, безчестящими, но что въ членовредительныхъ и болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаніяхъ моментъ причиненія страданія имѣетъ существенное значеніе, въ осрамительныхъ же—второстепенное (на первомъ планѣ въ нихъ стоитъ опозореніе), словомъ этотъ видъ наказаній является какъ бы слабымъ болѣзненнымъ наказаніемъ, его низшей ступенью.

Тѣлесныя наказанія въ настоящее время почти не применяются у западно-европейскихъ народовъ, въ небольшомъ сравнительно объемѣ сохранились они и у насъ. Тѣмъ не менѣе вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ до сихъ поръ представляетъ не только теоретическій, но живой, практический интересъ, такъ какъ они тѣснымъ образомъ связаны съ государственнымъ и общественнымъ бытомъ.

¹⁾ Шпшкінъ. Тѣлесныя наказанія. Юридическій Вѣстникъ изд. Калачовымъ. 1860—61, В. X, ст. 52.

Самое легкое тѣлесное наказаніе, не представляющее никакой опасности не только для жизни, но и для здоровья наказуемаго, въ цивилизованной странѣ соединено съ такимъ позоромъ, является настолько унижительнымъ и тягостнымъ въ нравственномъ смыслѣ, что можетъ оказаться несоразмѣрнымъ даже, напр., съ продолжительнымъ тюремнымъ заключеніемъ. Слѣдуетъ замѣтить, что позорность тѣлесныхъ наказаній въ этомъ смыслѣ падаетъ не только на подлежащихъ имъ, но на всѣхъ вообще: для первыхъ — это непосредственное безчестіе, для другихъ — косвенное страданіе, вызываемое въ человѣкѣ совершаемой на его глазахъ несправедливостью, идущей въ разрѣзъ съ его понятіями объ общественныхъ и правовыхъ отношеніяхъ. Степень физической боли съ указанной точки зрѣнія безразлична.

Но если теперь тѣлесныя наказанія по тяжести, принимаемаго ими страданія, физической боли, представляются малозначительнымъ карательнымъ средствомъ, то не таково было ихъ положеніе еще недавно (до 1863 г.) въ Россіи и въ началѣ XIX вѣка въ западной Европѣ: тѣлесныя наказанія были тогда очень серьезной карой, игравшей большую роль въ системѣ наказаній; еще больше было ихъ значеніе въ то время, когда примѣнялись не только болѣзненные, но и членовредительныя наказанія, а при такомъ порядкѣ прожило не одно поколѣніе.

Тѣлесныя наказанія стояли тогда на верху карательной лѣстницы, слѣдуя непосредственно за смертной казнью, отъ которой иногда отличались очень немногимъ. Ихъ разнообразіе дѣлало изъ нихъ универсальное средство: они назначались и за тяжкія преступленія и за легкія провинности. Тѣлесныя наказанія прибавлялись и къ другимъ: ссылкѣ, тюрьмѣ, штрафу, были ихъ неизмѣнными спутниками. Превъсходивъ безспорный перевѣсъ тѣлесныхъ наказаній надъ господствующимъ нынѣ лишеніемъ свободы дѣлаетъ исторію ихъ примѣненія важной и поучительной для настоящаго времени; исторія тѣлесныхъ наказаній интересна и потому, что она представляетъ полную картину развитія ихъ, господства и вымиранія; въ такихъ условіяхъ находятся лишь немногія другія наказанія гораздо менѣ важныя и распространенныя. Въ этомъ смыслѣ право западно-европейскихъ

народовъ даетъ много цѣннаго и любопытнаго матеріала, къ сожалѣнію, до сихъ поръ недостаточно разработаннаго. Не претендуя на сколько нибудь полное изслѣдованіе въ этой области, я счелъ необходимымъ разсмотрѣть главные моменты исторіи тѣлесныхъ наказаній на западѣ, чтобы уяснить нѣкоторыя основныя условія ихъ развитія и исчезновенія, носяція общечеловѣческой характеръ, вызываемыя социальными экономическими и бытовыми факторами, общими въ большей или меньшей степени различнымъ народамъ на опредѣленномъ уровнѣ цивилизаціи, о которыхъ можно сказать, что одинаковыя причины порождаютъ и одинаковыя послѣдствія. Съ этой точки зрѣнія исторической очеркъ тѣлесныхъ наказаній въ западной Европѣ можетъ послужить для сравненія и сопоставленія съ матеріаломъ, добытымъ исключительно изъ русскихъ источниковъ, и содѣйствовать ихъ возможно лучшему освѣщенію.

Первый трудный вопросъ въ исторіи тѣлесныхъ наказаній — это опредѣленіе времени и условій ихъ появленія въ карательной системѣ.

Какъ можно предположить тѣлесныя наказанія возникли въ семьѣ, въ родѣ, съ того времени, когда одинъ человѣкъ оказался въ подчиненіи и власти другого. При грубости первобытныхъ нравовъ, естественно, эта власть главы семьи или рода, часто зависѣвшая отъ его силы, и высказывалась въ проявленіи физической силы — въ тѣлесныхъ наказаніяхъ¹⁾. Такимъ образомъ съ самаго начала они были удѣломъ слабыхъ и беззащитныхъ, отсюда понятно, что самъ родоначальникъ или вообще сильный, самостоятельный человѣкъ считалъ для себя недостойнымъ и позорнымъ примѣненіе такого наказанія. Въ тѣсныхъ границахъ семьи или рода тѣлесное наказаніе не переходило предѣловъ дисциплинарной мѣры: способы и жестокость его зависѣли отъ усмотрѣнія наказывавшаго. Но положеніе вещей рѣзко измѣнилось, когда родъ сталъ складываться въ тѣсно сплоченныя племена, начали образовываться государства, и надъ отдѣль-

¹⁾ Ковалевскій М. Обычное право, II. стр. 170. *Post. Grundlagen des Rechts Oldenburg*, 1884. стр. 34 *Loiseleur. Les crimes et les peines. Paris*, 1863 стр. 27 *Letourneau. L'évolution politique.* стр. 256.

ными родоначальниками возвысилась государственная, верховная власть, общая для цѣлаго племени. Въ это время и тѣлесныя наказанія расширяются за предѣлы рода и получаютъ постепенно значительное развитіе, степень котораго обуславливается разнообразными условіями общественнаго и государственнаго быта; примѣненіе ихъ тѣсно связывается съ положеніемъ личности въ государствѣ, съ его общественной и сословной организаціей, съ религіозными воззрѣніями, съ состояніемъ карательной системы.

Выше было замѣчено, что тѣлесныя наказанія съ момента ихъ появленія были какъ бы признакомъ подчиненія и слабости; понятно, они должны были широко примѣняться въ позднѣйшій періодъ сложенія государствъ къ лицамъ, не имѣвшимъ гражданской правоспособности, къ рабамъ, входившимъ въ имущественный инвентарь, жизнь и смерть которыхъ зависѣла отъ хозяина. Стѣсняться съ рабами не было надобности, сдерживать ихъ, конечно, должно было страхомъ и силой, поэтому нисколько не удивительно, что повсюду карательными мѣрами для рабовъ были самыя жестокія наказанія, преимущественно тѣлесныя. Въ Аѳинахъ рабы подвергались ослѣпленію, привязывались къ колесу,¹⁾ для нихъ существовала особая четыреххвостая плеть изъ воловьихъ жилъ, хвосты которой при ударѣ достигали груди. Наказываемыхъ привязывали къ низкому столбу, такъ что они находились въ наклонномъ положеніи, и били ихъ по обнаженной спинѣ; ²⁾ для предупрежденія побѣговъ рабы клеймились. Еще хуже было положеніе рабовъ въ Спартѣ: тамъ илоты подвергались бичеванію нѣсколько разъ въ годъ, просто для напоминанія объ ихъ положеніи. ³⁾ Тяжело было положеніе и римскихъ рабовъ, тысячами населявшихъ имѣнія богатыхъ патриціевъ. Кастрированіе рабовъ было въ Римѣ даже промысломъ (запрещеннымъ при императорахъ), такъ какъ внухи дорого цѣнились изнѣженной знатью⁴⁾. Наложеніе клеймъ на разныхъ частяхъ тѣла употребля-

¹⁾ *Dubois*. Histoire du droit criminel des peuples anciens, Paris, 1845, стр. 180.

²⁾ *Saint Edme*. Dictionnaire de pénalité. T. V. le mot Tympanum.

³⁾ *Loiseau*. Les crimes et les peines. стр. 45.

⁴⁾ *Loiseau*. стр. 90.

лось очень часто, какъ дисциплинарная мѣра, напр. у лакоможь клеймили животъ. На рабовъ надѣвались также оковы или на шею и руки тяжелыя колодки ¹⁾). Плеть (flagellum) была специально рабскимъ орудіемъ наказанія; дѣлалась она изъ ремней съ узлами и свинцовыми шариками, существовали и особыя плети (flagella talaria), въ которыя ввязывались острия бараньи кости, наказаніе ими могло быть смертельнымъ. ²⁾ За преступленія, судимыя въ общемъ порядкѣ, для рабовъ существовала особая система наказаній, въ ней важное мѣсто занимало, битье плетью (flagellorum castigatio). ³⁾ Изъ одного указа императора Константина видно, какъ велика была еще власть господъ въ его время: „если, — говорится въ указѣ, — господинъ бьетъ раба розгами или ремнями, или заключаетъ въ оковы.... онъ не отвѣчаетъ въ случаѣ его смерти, такъ какъ пользовался своимъ правомъ умѣренно; но онъ виновенъ въ убійствѣ, если намѣренно убиваетъ палкою или камнемъ, или наноситъ смертельную рану копьемъ, или предаетъ его пыткамъ.... или отравляетъ или отдаетъ на растерзаніе звѣрямъ или мучить огнемъ“. ⁴⁾ Что перечисленные способы наказанія взяты были закономъ изъ жизни доказываетъ примѣръ супруги Велизарія Антонины, которая приказала вырвать языкъ у рабынь, донесшихъ объ ея супружеской нечестности, и потомъ искрошить ихъ въ куски. ⁵⁾ О древнихъ германцахъ существуетъ извѣстіе Тацита, что они мягко обходились съ рабами ⁶⁾; въ этомъ слышится намѣренное ослабленіе красокъ въ упрекъ современному римскому обществу. Трудно предположить, чтобы дикіе и грубые германцы слишкомъ мягко обращались съ людьми, вполнѣ зависѣвшими отъ ихъ доброй воли. Рабы были вполнѣ безправны: по Грагасу (исландскій сборникъ законовъ), госпо-

¹⁾ Loiseleur, о. с. стр. 88—89. Duboys, о. с. стр. 450.

²⁾ Saint—Edme. Dictionnaire. т. III. flagelation.

³⁾ Digestae XLVIII, Т. XIX, 7.

⁴⁾ Codex. Liber. IX. Т. 14, 1.

⁵⁾ Гиббонъ. Исторія упадка и разрушенія римской имперіи. IV стр. 463.

⁶⁾ Tacitus. De germania. с XXV. Verberare servos ac vincula coërcere rarum.

динъ не отвѣчаетъ за убійство раба, если оно не совершено въ праздникъ или великій постъ ¹⁾).

Въ сборникахъ варварскихъ законовъ рабы наказываются съ особенной строгостью и всегда тѣлесно, что указываетъ какъ на ихъ безправіе, такъ и на невозможность примѣнять къ нимъ постановленія о выкупахъ, и объ изгнаніи въ виду нарушенія интересовъ владѣльца. По Салическому закону за крупную кражу рабъ долженъ былъ уплатить 6 солидовъ или кастрировался ²⁾. По Баварскимъ законамъ рабы за похищеніе свободныхъ ослѣплялись или теряли руки и при всякихъ преступленіяхъ подвергались клейменію. ³⁾ За менѣ важныя преступленія рабовъ безпощадно наказывали плетью или палками и розгами, весьма большимъ числомъ ударовъ, иногда опредѣленнымъ въ законѣ, иногда назначаемымъ по опредѣленію суда, при чемъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ господинъ могъ выкупить раба, заплативъ за 40 ударовъ по солиду. ⁴⁾ Въ Салическомъ законѣ указывается и способъ исполненія тѣлесныхъ наказаній: господинъ при обвиненіи кѣмъ либо раба долженъ имѣть наготовѣ скамейку, на которой растягивали виновнаго, и розги ⁵⁾; число ударовъ опредѣлялось въ 120—240. Въ Бургундскомъ законѣ число ударовъ плетью опредѣлялось въ 300, 200, 100—50 ⁶⁾; Болѣзненные тѣлесныя наказанія безъ опредѣленія числа ударовъ назначались въ Бургундскихъ, Фризскихъ, Алеманскихъ и Баварскихъ законахъ за весьма различныя провинности, говорилось просто: „да будетъ бить“. ⁷⁾

Тѣлесныя наказанія въ германскомъ правѣ VIII—IX вѣка рѣдко еще назначались для свободныхъ, напр. въ со-

¹⁾ Gragas, Codex Jslendorum. CVIII hrgn. v. Schlegel, Haunia, 1829.

²⁾ Lex Salica. T. XII, 2.

³⁾ Lex Baiuw II, 3. Sine signe nunquam evadat.

⁴⁾ Lex. Salica. XII, 1. XXV, VIII. XL, 11.

⁵⁾ Lex. Salica XL, 16. XLII, 1. Super scamnum tensus.

⁶⁾ Lex Burgund. T. IV, 2. 4. VI, g. XXV, 2, XXX, 1. XXXIII, 1. XXXV, 1 XXXIX, 3. LVIII, 2. LXXIII, 2. XCI, 2. CIII, 3, 5, 6. XCIV, 1. Lex Burgund VI, 9.

⁷⁾ Ib. IV, 7. XXVII, 4. XXXVIII, 9 LXX, 1. Lex Frisionu. III, 7 „servus vapulet“; Lex Alam. IX, T, 14, 1. XXXVIII. Lex Baiuw VIII, 18, IX, 6. XII, 2.

браніи капитуляріевъ аббата Анзегиза только одна статья, опредѣляющая наказаніе за подачу жалобы по дѣлу рѣшенному уже шеффенами, назначаетъ 15 содливовъ или 15 ударовъ и для свободнаго, ¹⁾ но тѣлесное наказаніе назначается для рабовъ, причемъ ударъ для раба соотвѣтствуетъ почти всегда 1 солиду штрафа для свободнаго. За нѣкоторые виды кражи тѣлесное наказаніе полагалось для рабовъ сверхъ тройнаго вознагражденія. Въ слѣдующіе вѣка положеніе мало измѣнилось ²⁾, и за неважные проступки рабамъ назначалось отсѣченіе ногъ и т. п. наказанія ³⁾.

Указаніемъ на то, что тѣлесныя наказанія примѣнялись издавна только къ низшимъ невліятельнымъ классамъ населенія служить и тотъ фактъ, что даже въ эпоху выкуповъ, когда вообще тѣлесныя наказанія не примѣнялись къ свободнымъ, они равно, какъ и смертная казнь, назначались для бѣдныхъ, не могшихъ вносить выкупа. По Фризскимъ законамъ виновный въ кражѣ скота долженъ былъ выкупить свою жизнь или подлежалъ смертной казни ⁴⁾. У Лангобардовъ свободный, не могшій уплатить выкупа, подвергался болѣзненнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ ⁵⁾. По капитуляріямъ IX вѣка третій разбой наказывался смертью, если преступникъ не выкупалъ своей жизни ⁶⁾. Отдача несостоятельныхъ воровъ въ заработки была запрещена капитуляріями, которыми приказывается судить ихъ, взамѣнъ отдачи, справедливымъ судомъ ⁷⁾, тѣлесное наказаніе для нихъ дѣлается, такимъ образомъ, неизбѣжнымъ. Въ нѣкоторыхъ средневѣковыхъ городскихъ правахъ тѣлесное наказаніе назначалось уже независимо отъ состоятельности, напр. по Вѣнскому праву 1221 года богохульство каралось отсѣченіемъ языка, отъ котораго запрещалось откупаться ⁸⁾,

1) Caroli M. Hludovici et. Hlotarii mimp. Capit. ab Ansegiso. Abb. C. III c II Pertz. T. I. Leg. стр. 306.

2) Giraud. Essai sur l'histoire du droit français. I. Paris. 1846. стр. 300

3) Michelet. Origines du droit français. 150.

4) Lex Frisionum XVIII.

5) Loiseleur, о. с. стр. 513.

6) Capit. 779 стр. 23.

7) Cap. alia add. c. 13 Pertz I Leg. c. 120.

8) Stadtrecht von Wien an 1221. c 38 Gaupp. II. стр. 241.

но въ общемъ различіе сохраняется: такъ въ правѣ города Энса нанесеніе легкой раны наказывается бичеваніемъ, если виновный не можетъ уплатить штрафа ¹⁾. Саксонское зеркало (XIV в.) устанавливаетъ за кражу тѣлесныя наказанія или выкупъ въ три шиллинга ²⁾; выкупъ былъ возможенъ и въ другихъ случаяхъ, но уже съ важнымъ ограниченіемъ: онъ допускался по усмотрѣнію судьи ³⁾, что указываетъ какъ на побѣду государственныхъ наказаній, такъ и на то, что тѣлесныя наказанія примѣнялись въ то время, несмотря на состоятельность виновнаго. На практикѣ выкупъ примѣнялся довольно часто, такъ что вызывалъ жалобы на то, что вѣшаютъ только мелкихъ воровъ, а крупныхъ выпускаютъ на свободу. Въ XVI вѣкѣ тѣлесныя наказанія, наоборотъ, стали обычнымъ наказаніемъ, выкупъ—видомъ помилованія ⁴⁾. Стремясь къ извлеченію доходовъ изъ отправленія правосудія, феодальныя суды часто ограничивались назначеніемъ выкуповъ, что вызывало неудовольствіе современниковъ и выгодно отличало королевскія суды, пользовавшіеся корыстолюбіемъ феодаловъ для укрѣпленія своего престижа ⁵⁾.

Большое вліяніе на развитіе тѣлесныхъ наказаній имѣло и положеніе верховной королевской власти, являвшейся вообще проводникомъ государственныхъ наказаній. Въ родовомъ бытѣ тѣлесныя наказанія употреблялись для подчиненныхъ членовъ семьи и рабовъ ⁶⁾. По мѣрѣ возростанія значенія верховной племенной власти на нее переходили мало по малу права родоначальниковъ, власть которыхъ служила прототипомъ королевской; послѣдняя возростала

¹⁾ Stadtrecht von Ens 1212 c. 8 Si denarios non habuerit verberetur et amittat. cutem et crines coram iudicio non. ubi fures verberantur. Gaupp. II. стр. 219.

²⁾ Sachsenspiegels erster Theil (Nach Handschrift 1369) Hrgn. v. C. Homeger Bln. 1835 II Bach 13 art. 1, 2, 3.

³⁾ Eichhorn. Geschichte II, 714.

⁴⁾ Siegel. Deutsche Bechtsgeschichte. 1886 г. Kaiserl Landrecht c. 317. so soll man in henke.n... wil der clager, er mag sich auch miinelichen verrithen mit dem diebe oder mit dem rauber das mus geschehen mit des Richters Urlobe. стр. 399—400.

⁵⁾ Stein. Geschichte des Fränzösischen Strafrechts und Processes. Basel. 1846 стр. 86.

⁶⁾ Post. Grundlagen. стр. 318.

по мѣрѣ ослабленія первой ¹⁾. „Король, герцогъ, князь стали подвергать убійцъ.... тѣмъ самымъ послѣдствіямъ, которыми до тѣхъ поръ имъ грозили родовыя сообщества“, но казнь производилась отъ имени всего общества или представляющаго его правительства“ ²⁾. Благодаря постояннымъ войнамъ и скопленію богатствъ и военной добычи въ рукахъ счастливыхъ вождей, ихъ власть скоро достигаетъ высшихъ предѣловъ, и государственное устройство переходитъ въ деспотическое ³⁾. Блестящее развитіе деспотическая власть получила въ древнихъ восточныхъ имперіяхъ: Египтѣ, Персіи, Ассиріи и др., цари которыхъ считались божествами. Египетскій фараонъ назывался добрымъ богомъ, государь въ Персіи—сыномъ солнца ⁴⁾; подданные были ихъ рабами, слѣдовательно, и въ наказаніи ихъ не было никакихъ ограниченій кромѣ воли властителей, жестокость которыхъ въ отношеніи къ вышнимъ и внутреннимъ врагамъ доходила иногда до виртуозности, напр. Ассирійскій царь Асуръ-Назаръ-Габаль въ одной надписи такъ описываетъ свои подвиги: „я снялъ кожу съ начальниковъ и покрылъ ею стѣны, другихъ замуравилъ, третьихъ распялъ и посадилъ на колья.... собралъ головы въ видѣ вѣнковъ и трупы гирляндами“ ⁵⁾. Жестокія казни находимъ и въ древнемъ индійскомъ кодексѣ Ману ⁶⁾. Къ членовредительнымъ и болѣзненнымъ наказаніямъ постоянно прибѣгали Византійскіе императоры, не стѣснявшіеся существующими узаконеніями, наказывалась тѣлесно даже и высшая знать. Императоръ Теофилъ приказалъ публично бичевать своего шурина за то, что послѣдній построилъ свой дворецъ слишкомъ высоко и лишилъ этимъ воздуха и свѣта домъ своей бѣдной сосѣдки ⁷⁾. Съ усиленіемъ королевской власти у германскихъ племенъ, короли стали пользоваться своей силой и въ области правосудія; сначала, вѣроятно, ихъ власть

¹⁾ Post. Anfänge d. Staatslebens. стр. 172.

²⁾ Ковалевскій, обычное право. II. стр. 174.

³⁾ Post. Bausteine. I. стр. 139. Letourneau. Evolution. стр. 58.

⁴⁾ Ib. стр. 125, 143.

⁵⁾ Letourneau. о. с. стр. 246.

⁶⁾ Thonissen. Etudes sur l'histoire du droit criminel des peuples anciens Paris. 1869. Т. I. стр. 38.

⁷⁾ Гиббонъ, о. с. т. V. стр. 334—335.

распространялась на низшіе классы свободнаго населенія, напр. въ Баварскихъ законахъ прямо говорится, что наказаніе незнатныхъ зависитъ отъ усмотрѣнія герцога ¹⁾; въ послѣдствіи сильныя короли не стѣснялись, какъ уже было сказано, и со знатью, особенно съ государственными преступниками, наказаніе которыхъ иногда было не столько дѣломъ правосудія или охраненія общественной безопасности, сколько безпощадною местию. Особенно богата такими фактами лѣтопись Григорія Турскаго. Короли назначали въ то время жестокія тѣлесныя наказанія вполнѣ произвольно, напр. Хильперикъ наказывалъ обыкновенно нарушителей своихъ повелѣній ослѣпленіемъ ²⁾. Какъ мало стѣснялись законами, полагавшіеся на свою силу королевскіе суды, видно изъ эдикта Клотара II 614 года, въ которомъ онъ подѣ страхомъ смертной казни запрещаетъ судьямъ казнить свободныхъ или рабовъ, кромѣ захваченныхъ съ поличнымъ, не выслушавъ ихъ предварительно ³⁾. Король, замѣчаетъ Глассонъ, становится хранителемъ земнаго и божественнаго порядка, естественно, что къ нему переходитъ и право устанавливать наказанія, вытѣсняющія мечь и выкупъ ⁴⁾.

Короли привыкли мало по малу смотрѣть на всѣ подвластныя имъ земли, какъ на домены, въ которыхъ они распоряжались также, какъ и феодалыне владѣльцы, считавшіе себя „господами земли, имѣвшими право на ея поверхность и нѣдра, распоряжавшимися жизнью и смертью, водой, вѣтромъ и лугами, птицей въ воздухѣ и рыбой въ рѣкѣ“ ⁵⁾. Получивъ возможность наказывать по усмотрѣнію своихъ подданныхъ, короли, по аналогіи, наказывали ихъ какъ рабовъ; конечно, тѣлесныя наказанія здѣсь преобладали, иногда даже они считались проявленіемъ королевскаго милосердія: они назначались взамѣнъ смертной казни

¹⁾ Lex Baiuw. II, De minoribus autem hominibus in ducis sit potestate qualem poenam sustineant.

²⁾ Въ его эдиктахъ писалось: Si quis praecepta noetra contempserit, oculorum eyulsione mulctetur. Gregorius Thur. I. II. c. 46.

³⁾ Chlotaris II. Edict an. 614. § 22. Pertz. I Leg. стр. 14.

⁴⁾ Glasson. Histoire du droit et des institutions de la France. III. Paris. 1887. 581, 584.

⁵⁾ Michelet. Origines du droit français. Paris, 1837. стр. 228.

государственнымъ преступникамъ. Людовикъ Благочестивый, по свидѣтельству его біографа Тегана, напр., наказывалъ вмѣсто смерти ослѣпленіемъ, участниковъ въ заговорахъ противъ его особы ¹⁾. Точно также Карлъ Великій наказывалъ заговорщиковъ ослѣпленіемъ и лишеніемъ членовъ, къ которымъ присоединялось изгнаніе ²⁾. Въ капитуляріяхъ 805 г. устанавливалось правило, чтобы смертной казни за государственныя преступленія подвергать только главныхъ виновниковъ, остальныхъ наказывать бичеваніемъ и урѣзаніемъ носа ³⁾. Въ домашнемъ управленіи Карлъ Великій придерживался взглядовъ своего времени и назначалъ своимъ рабамъ тѣлесныя болѣзненныя наказанія за самыя различныя проступки ⁴⁾. Въ Англіи норманскіе короли, занявшіе престолъ силой оружія и опиравшіеся на значительную военную силу, ввели въ XII вѣкѣ смертную казнь и тѣлесныя наказанія и уничтожили право выкупа ⁵⁾. Въ царствованіе Вильгельма Завоевателя щедро назначались всевозможныя членовредительныя наказанія. По свидѣтельству юриста XIII вѣка Бригтона членовредительныя наказанія были въ его время вполнѣ обыкновенными ⁶⁾.

Появленіе и распространеніе членовредительныхъ наказаній зависѣло также и отъ понятій о справедливости въ наказаніи, которая въ первобытныя времена совпадала съ идеей таліона, т. е. воздаянія равнымъ за равное. Преступникъ долженъ былъ подвергнуться страданію въ той же мѣрѣ, въ которой онъ причинилъ его потерпѣвшему, „око за око, зубъ за зубъ“—вотъ ясная формула таліона. Идея его настолько близка человѣческому уму, что примѣненія ея встрѣчается повсемѣстно, въ правѣ самыхъ различныхъ народовъ. Таліонъ исчезаетъ только тогда, когда въ наказаніи удовлетвореніе потерпѣвшаго и возмездіе отодвигаются иными стремленіями и задачами, явленіе замѣчаемое на сравни-

¹⁾ Thegani. Vita Hludovici Imr. XXV. Geuglers Rechtsdenkmäler. стр. 249

²⁾ Einharti. Vita Caroli Magni c. XX.

³⁾ Capit. missis. d-ata ad Theodonis villam an. 805. c. 10.

⁴⁾ Capit. de villis c. 1. Pertz I Leg. 181.

⁵⁾ Phillips. Englische Reichs u. Rechts Geschichte seit d. Ankunft der Normannen. Berlin. 1827. I. стр. 188.

⁶⁾ Crabb. Geschichte des Englischen Rechts. Darmstadt. 1839. 304—305.

тельно высокыхъ ступеняхъ культуры. Но и здѣсь стремленіе ограничить наказаніе, охранить не только государство, но и виновнаго отъ всякаго излишняго нарушенія его правъ или отвлеченныя метафизическія разсужденія о существѣ справедливости поддерживаютъ теоріи примѣненія наказанія по началамъ таліона, который, напр., считали необходимымъ знаменитые германскіе философы Кантъ и Гегель, имѣвшіе громадное вліяніе на уголовно правовую литературу.

Таліонъ былъ извѣстенъ всѣмъ европейскимъ народамъ, этотъ несомнѣнный фактъ истолковывается, однако, не всегда вѣрно. Авторъ спеціальной монографіи о значеніи таліона въ исторіи и философіи, Гюнтеръ, объясняетъ его вліяніемъ Моисеева права, говоря, что указанія послѣдняго пали на плодородную почву¹⁾, но заимствованіе идеи таліона было совершенно излишне: она появлялась у всякаго народа вполне естественно въ эпохи, когда месть ограничивалась и затѣмъ смѣнялась выкупами. Охрана общественного порядка побуждала государственную власть, лишь только она укрѣплялась, къ неустаннымъ усиліямъ, направленнымъ на прекращеніе мести, бывшей истребительной и безпощадной войной²⁾; месть вводилась въ рамки, государство начинало вмѣшиваться въ частные споры, стремясь возстановить нарушенный миръ, сдержатъ месть въ предѣлахъ разумнаго и терпимаго, и результатомъ этого стремленія являлось примѣненіе таліона, который справедливо называется Тониссеномъ „сдержкой мести“, „смягченной местью.“ Потерпѣвшій требовалъ удовлетворенія, государство и давало ему право причинить столько же вреда, сколько онъ понесъ самъ, такимъ образомъ обиженный долженъ былъ успокоиться, видя, что врагъ его ничего не выигралъ, а виновный, въ свою очередь, не могъ на что либо жаловаться, такъ какъ понесенный имъ ущербъ только возмѣщалъ за его прежнія дѣйствія³⁾.

1) Günther, L. Die Idee d. Widervergeltung in. d. Geschichte u. Philosophie Abt. I. стр. 29, 30.

2) Post. Bausteine I. стр. 142; Die Anfänge d. Staats u. Rechtslebens. стр. 174.

3) Thonissen. Etudes sur l'histoire du droit criminel des peuples anciens. II. стр. 66 --67 Post. Bausteine, стр. 158. Post. Afrikanische Jurisprudenz, стр. 27.

Къ таліону же неизбѣжно приводила и система выкуповъ, являвшаяся сначала, какъ противодѣйствіе мести: платить золотомъ были въ состояніи богатые, бѣдные же должны были расплачиваться жизнью или тѣломъ: удовлетвореніе нужно было во всякомъ случаѣ; значеніе состоятельности въ этомъ смыслѣ было указано выше. Наиболѣе вѣрнымъ выраженіемъ идеи возмездія можетъ служить примѣненіе таліона за тѣлесныя поврежденія, извѣстное у германскихъ народовъ, въ греческомъ и римскомъ правѣ; въ послѣднемъ таліонъ сохранился и въ законахъ Юстиніана, по которымъ назначался за кастрацію и лишеніе зрѣнія, при чемъ богатый могъ выкупить одинъ глазъ половиною своего имущества¹⁾. Здѣсь возмездіе осуществляется наглядно: чловѣкъ теряетъ то, чего лишилъ другого. Нетрудно также примѣнить таліонъ въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе совершено посредствомъ какого либо члена тѣла: кто поднялъ руку на убійство — лишается руки, бѣжалъ рабъ — ему отсѣкаютъ ноги (такъ наказывалось бѣгство рабовъ еще въ эпоху Константина)²⁾. Въ Индіи, по законамъ Ману, преступникъ долженъ былъ платиться тѣмъ членомъ тѣла, которымъ дѣйствовалъ при совершеніи преступленія. (Ману, VIII, 334).

Съ теченіемъ времени простая форма таліона дополняется другой — символическимъ таліономъ, при которомъ наказаніе обращается не непосредственно на органъ тѣла, послужившій для совершенія преступленія (рука при нанесеніи раны), но на органъ, находящійся въ извѣстномъ отношеніи къ преступному дѣйствию, напр. отсѣченіе пальцевъ, поднимаемыхъ во время присяги, за клятвopреступленіе. Оттѣнки и измѣненія таліона имѣли важное значеніе въ исторіи наказанія, но разсмотрѣніе ихъ выходитъ уже за предѣлы моей задачи: указанія роли таліона въ исторіи членовредительныхъ наказаній.

Наконецъ, извѣстное вліяніе на распространеніе тѣлесныхъ наказаній имѣло духовенство, достигшее въ эпоху развитія ихъ у германскихъ народовъ значительной силы и могущества. Значеніе дѣятельности духовенства въ этомъ

¹⁾ Günther. о. с. стр. 38, 40, 93, 95, 97, 121 и слѣд.

²⁾ Günther, о. с. стр. 156.

смыслъ было далеко не вездѣ и не всегда однообразно: характеръ ея мѣнялся по народностямъ и эпохамъ. Часто каноническое право и вмѣшательство духовенства въ мірскую юстицію было благотѣльнымъ: въ вѣка кулачнаго права, церковь во имя высшихъ завѣтовъ ученія милосердія и любви, являлась защитницей слабыхъ и гонимыхъ, что особенно ярко выражалось въ правѣ убѣжищъ, которымъ долгое время пользовались церкви и монастыри; это право было важнымъ средствомъ смягчать участь несчастныхъ и предупредить пролитіе крови, такъ какъ искавшіе спасенія въ церквахъ выдавались только подъ торжественнымъ обѣщаніемъ, что они не будутъ наказаны смертью и лишены членовъ тѣла. (Reum... расem et vitam et membra conservare... tamen legitime conponat quod fecir См. Fuld, Das Asylrecht im Alterthum, стр. 103 и слѣд). Эти привилегіи поддерживались и римскими и германскими императорами, напр. Карлъ Великій передалъ саксонскимъ церквамъ всѣ права убѣжищъ, которыми обладали низвергнутыя языческія капища. Исторія англійскаго права представляетъ примѣръ даже прямого смягчающаго воздѣйствія каноническаго права на свѣтское законодательство. Въ средніе вѣка церковной привилегіей (правомъ судиться въ церковныхъ судахъ) въ Англии обладали всѣ грамотные, такъ какъ грамотность въ тѣ времена была почти исключительной принадлежностью духовенства. Злоупотребленія духовныхъ судовъ и ихъ чрезмѣрная снисходительность къ важнымъ и опаснымъ преступникамъ вызвали въ царствованіе Елизаветы нѣкоторыя стѣсненія: пользованіе этой привилегіей было ограничено первымъ преступленіемъ, но и въ такомъ видѣ она была важнымъ правомъ, къ приобрѣтенію котораго стремились и другіе классы населенія. При Іаковѣ I она была распространена на женщинъ, совершившихъ кражу до 10 шиллинг., при Вильгельмѣ III на всѣхъ женщинъ, обвиняемыхъ въ преступленіяхъ (felonies); ею пользовались также и пары и ихъ семейства. Наконецъ, эта привилегія была уничтожена уже въ XIX стол., когда законы были смягчены для всѣхъ, и она утратила свое прежнее значеніе ¹⁾).

¹⁾ Blakstone. Commentaire sur les lois anglaises. Paris, 1823. VI. стр. 283, 287, 289, 296.

Будучи, однако, врагомъ жестокостей и пролитія крови, церкви, выросшая въ эпоху суроваго законодательства римской имперіи и воспринявшая основныя начала римскаго права, была слишкомъ тѣсно связана съ интересами общества среди котораго росла и крѣпла, чтобы уйти вполнѣ отъ его воззрѣній и взглядовъ на преступленіе и наказаніе: тѣлесныя наказанія были тогда обычными, и аскетическіе взгляды на умерщвленіе плоти дѣлали болѣзненные тѣлесныя наказанія (бичеваніе) въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже обязательнымъ богоугоднымъ дѣломъ. Понятно, что церковь пользовалась тѣлесными наказаніями въ качествѣ дисциплинарнаго средства, въ правомѣрности и справедливости котораго никто не сомнѣвался. Въ IX вѣкѣ аббаты имѣли право смирать строптивыхъ и гордыхъ монаховъ ударами и вообще тѣлесными наказаніями, которыя назывались *disciplina regularis* (что уже указываетъ на значеніе тѣлеснаго наказанія въ монастырскомъ обиходѣ). Цѣлью тѣлеснаго наказанія, какъ и вездѣ, было устрашеніе: производить его предписывалось передъ братіей „*ut ceteri metum habeant*“¹⁾. Даже лица уже лишеныя духовнаго званія подвергались бичеванію за дурное поведеніе и бродяжничество²⁾. При саксонскихъ короляхъ въ Англіи монахи по приговору церковныхъ судовъ подвергались публичному бичеванію за нарушеніе монастырскихъ уставовъ и преступленія противъ нравственности³⁾, послѣднее сопровождалось иногда лишеніемъ сана, декальваціей и заключеніемъ въ цѣпяхъ въ тѣсную тюрьму. Плеті встрѣчаются въ извѣстныхъ монастырскихъ уставахъ, напр. Св. Бенедикта, они назначались вообще духовными судьями и для свѣтскихъ лицъ за церковныя преступленія⁴⁾.

Иногда церковными судами употреблялись и членовредительныя наказанія, что доказывается такъ называемыми *Capitula Remedii*, по которымъ святотатцы и богохульники

1) *Regula monachorum*. 14,80 Pertz T. I. Legum. стр. 201.

2) *Capit.* 823. С. 3 Pertz Monumenta I Leg. стр. 360.

3) Phillips. Versuch einer Darstellung. d. Geschichte des Engelsächsischen Rechts. 1825. стр. 292.

4) Saint-Edme. Dictionnaire III. Fouet.

приговариваются въ первый разъ къ декальваціи, во второй — къ вырѣзанію языка и отсѣченію носа, въ третій выдаются свѣтскимъ судьямъ, т. е. на смертную казнь ¹⁾. Повтореніе убійства наказывалось ослѣпленіемъ, которое по милосердію могло быть замѣнено выкупомъ, за третье убійство неизбѣжно слѣдовала выдача свѣтскимъ судамъ. За клятвопреступленіе въ первый разъ назначалось болѣзненное тѣлесное наказаніе (fiat battutus), во второй разъ прибавлялось клейменіе лба раскаленнымъ желѣзомъ ²⁾.

Было и еще одно основаніе, по которому церковь предпочитала иногда наиболѣе суровыя тѣлесныя наказанія смертной казни, — это возможность при нихъ дать время наказанному подумать о вѣчномъ спасеніи. Въ законахъ Канута подъ вліяніемъ этихъ возрѣній, очевидно, и было постановлено, что за первую кражу полагается выкупъ, за вторую — отсѣченіе руки или ноги, за новое преступленіе полагалось отрѣзать носъ, уши, губы, выколоть глаза, такъ что отъ преступника, наконецъ, могло остаться только одно туловище, лишь бы онъ оставался живымъ, и его душа могла спастись ³⁾.

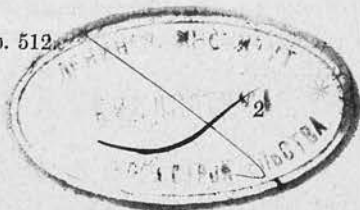
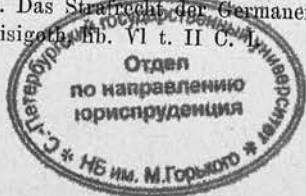
Вліяніе духовенства на развитіе тѣлесныхъ наказаній было главнымъ образомъ косвенное, выражалось въ поддержкѣ верховной власти, вводившей личныя государственныя наказанія; непосредственное же воздѣйствіе сказывалось путемъ разсмотрѣнной выше практики церковныхъ судовъ и путемъ вліянія духовенства, проникнутаго римскими началами, на составленіе свѣтскихъ законовъ. Такъ, напр., въ Вестготскомъ правѣ, особенно богатомъ болѣзненными тѣлесными наказаніями, воздѣйствіе каноническихъ началъ ясно чувствуется на самомъ опредѣленіи преступныхъ дѣяній: даже за совѣтъ обратиться къ заклинанію злыхъ духовъ полагалось 200 плетей, то же самое грозило справляющимся у предсказателей о чьемъ либо здоровьи или смерти ⁴⁾. За сношеніе съ евреями незнатные наказывались 100 ударами плетей, за удержаніе кого либо, даже собственныхъ

¹⁾ Capit. Remedii Cap. II, 9.

²⁾ Ib. III, IV, XI

³⁾ Wilda. Das Strafrecht der Germanen. стр. 512.

⁴⁾ Lex Visigoth. lib. VI t. II C. 4.

дѣтей, отъ крещенія еврей наказывались 100 ударами плетей, декальваціей и изгнаніемъ. Тѣлесному же наказанію подвергались они за празднованіе субботы или неупотребленіе въ пищу извѣстныхъ сортовъ мяса ¹⁾).

Если рабство, невозможность уплатить выкупъ, сложеніе сильной государственной власти и взглядъ на цѣль наказанія (устрашеніе) составляли условія, переносящія тѣлесныя наказанія въ карательную систему, то предѣлы ихъ примѣненія зависѣли вообще отъ положенія отдѣльной личности въ государствѣ, отъ общественнаго строя. Примѣръ, подтверждающій это положеніе представляетъ исторія тѣлесныхъ наказаній въ римскомъ правѣ.

Въ Римѣ тѣлесныя наказанія употреблялись въ царскій періодъ: даже смертная казнь совершалась засѣченіемъ до смерти преступника, котораго били розгами, привязавъ къ столбу ²⁾). Послѣ изгнанія царей началась великая внутренняя борьба патриціевъ и плебеевъ, во время которой были изданы законы, XII таблицъ, знающіе таліонъ для непримирившагося или несостоятельнаго членовредителя, тѣлесныя болѣзненныя наказанія и отдачу въ заработки; тѣлесныя же болѣзненныя наказанія назначались составителю пасквиля ³⁾ и неосторожно поджегшему зданіе. Словомъ, въ первые вѣка республики, когда вся власть принадлежала аристократіи, и большинство гражданъ было почти безправной массой, прежній порядокъ наказаній сохранился. Но затѣмъ по мѣрѣ развитія гражданской свободы измѣнялись и воззрѣнія на наказанія: прежде всего послѣдовало ограниченіе въ правѣ высшихъ сановниковъ налагать наказанія, (кромѣ диктаторовъ и военачальниковъ во время похода). Первый шагъ былъ сдѣланъ изданіемъ закона П. Валерія, по которому ни одинъ римскій магистратъ не имѣлъ права исполнить своего приговора о смертной казни или тѣлесномъ

¹⁾ Ib. l. XII. t. III, 3, 5, 7.

²⁾ Zumpft. Das Criminalrecht d. römischen Republik. T. I. Abt. 1, стр. 123--125 Bln. 1865 г.

³⁾ Rein. Das Criminalrecht der Römer. Göttingen. 1844. стр. 37. Talio est similitudo vindictae ut taliter quis patiat, ut fecit. Hoc est et natura et lege institutum.

наказаніи, не давъ осужденному провокаціи къ народу¹⁾. Въ 300 г. до Р. Х., по свидѣтельству Тита Ливія, появился новый законъ, запрещающій казнить смертью и наказывать тѣлесно обратившагося съ провокаціей къ народу²⁾. Наконецъ во II вѣкѣ до Р. Х., по закону Порція, запрещено подъ страхомъ тяжкаго наказанія казнить или тѣлесно наказывать римскаго гражданина: для нихъ съ этого времени остались только имущественныя наказанія и изгнаніе. Тѣлесное наказаніе въ мирное время сохранилось для рабовъ и даже называлось *roena servilis*, рабское наказаніе, примѣненіе его кромѣ рабовъ допускалось и къ покореннымъ народностямъ³⁾. Но и въ это время римскіе граждане могли подвергаться тѣлеснымъ наказаніямъ, когда находились въ рядахъ войска, здѣсь по старому права отдѣльнаго лица ступевывались передъ строгой военной дисциплиной: военачальникъ имѣлъ право наказывать тѣлесно и казнить смертью безъ провокаціи; солдаты наказывались палками, своими же товарищами⁴⁾.

Во времена имперіи картина измѣнилась: свободные римскіе граждане утратили всѣ политическія права и гарантіи; имперія стала вырождаться въ деспотію, императорское усмотрѣніе сдѣлалось закономъ, и скоро римскіе властители привыкли видѣть въ своихъ подданныхъ рабовъ, среди которыхъ выдѣлялась только аристократія, сохранившая кое-какія привилегіи въ томъ числѣ и изытаніе отъ тѣлесныхъ наказаній, которыя перешли на низшіе, бѣднѣйшіе классы населенія; потомки римскихъ гражданъ, выродившіеся въ толпы черни, жаждавшей хлѣба и зрѣлищъ, не протестовали; переходъ совершился незамѣтно. Раззорительныя войны, нашествія варваровъ, роскошь императорскаго двора требовали золота, налоги увеличивались, и гнетъ становился все тяжелѣе и тяжелѣе. Обѣднѣвшіе свободные земледѣльцы вслѣдствіе упадка экономическаго благосостоянія легко переходили въ разрядъ крѣпостныхъ,

1) Zumpft. I, стр. 156.

2) Titus Livius. Lib. X, c. g. Zumpft, o. c. I Abth. 2. стр. 44.

3) Zumpft, d. c. I. Abt. 2, стр. 60.

4) Duboys. Histoire. стр. 449—450.

которые вмѣстѣ съ рабами составляли большую часть населенія. При подобныхъ обстоятельствахъ увеличилась и область примѣненія тѣлесныхъ наказаній. Въ Дигестахъ система является уже законченной: тѣлесныя наказанія (*corporis coercitio*) заняли самостоятельное мѣсто ¹⁾. Каллистратъ даетъ точное опредѣленіе видамъ тѣлесныхъ наказаній, онъ раздѣляетъ ихъ на: 1) наказаніе палками (*fustium admonitio*), 2) — плетью (*flagellarum castigatio*), 3) — заключеніе въ оковы ²⁾. Плети и оковы назначались для рабовъ, палки для свободныхъ, это наказаніе сопровождалось для нихъ ссылкой въ каторжныя работы (*opus metalli*), здѣсь тѣлесное наказаніе было позорящимъ, влекшимъ безчестье ³⁾. Знатныя особы (*honestiores*) освобождались отъ тѣлеснаго наказанія. Бичеваніе назначалось для лицъ низшаго состоянія ⁴⁾ за весьма разнообразныя преступленія, какъ самостоятельное или какъ дополнительное наказаніе ⁵⁾. Размѣры бичеванія предоставлялись на усмотрѣніе суда ⁶⁾; въ то же время наказаніе за многія преступленія предоставлялось совершенно на волю судей ⁷⁾. Употреблялись и жестокія членовредительныя наказанія, какъ можно заключить изъ 134 новеллы Юстиніана, запрещающей отсѣченіе обѣихъ рукъ и ногъ ⁸⁾ изъ снисхожденія къ человѣческой слабости; такое снисхожденіе наводитъ на мысль о томъ, что на практикѣ примѣненіе тѣлесныхъ членовредительныхъ наказаній было весьма суровымъ; особенно часто упоминается отсѣченіе рукъ ⁹⁾. Часто употреблялось и клейменіе,

¹⁾ Digesta l. XLVIII, t. XIX, de poenis, 6.

²⁾ Dig. l. XLVIII, t. 19, 7.

³⁾ Dig. XLVIII, t. 19, 10, 2. . . . *fustibus caesus, licet in actione famosa vel furti . . . infamem non esse, quin et solus fustium ictus gravior est quam pecuniaris damnatio*“.

⁴⁾ Dig. ib. 28.

⁵⁾ Dig. XLVII t. IX, 9. XI, 7. XVIII, 2. X, 17, 4, 35. *Novellae CXXIV, 11, 12. XIV, § 1. XII, c. I.*

⁶⁾ Dig. XLVII, X, 17, 5. „*arbitratu iudicis utique quasi viri boni ut ille modum verberum imponat.*“

⁷⁾ Dig. XLVII, XI, g. XX, 3, 2.

⁸⁾ *Novellae CXXXIV, CXIII.*

⁹⁾ *Codex repet. praeleg. l. VII, t. 1, 3. Novellae CXLII praef. Rein Crimi naecht, 792. Padeletti Lehrbuch. Bln. 1879. crp. 404.*

бывшее не только позорнымъ тѣлеснымъ наказаніемъ, назначавшимся для преступниковъ, но также служившее иногда для отмѣтки лицъ, на которыхъ государство имѣло извѣстныя права, чтобы облегчить ихъ розыскъ (клеямили солдатъ, на руки которыхъ ставились императорскіе инициалы, что называлось *singulum militare* и дѣлалось въ предупрежденіе побѣговъ) ¹⁾. Константинъ Великій значительно смягчилъ это наказаніе, запретивъ наложеніе клеймъ на лицо, представлявшее, по его мнѣнію, „отблескъ божественной красоты“ ²⁾. Съ паденіемъ западной римской имперіи область примѣненія римскаго права сузилась, и само оно въ Византійской имперіи, измѣнило свой характеръ, стало греко-римскимъ въ соотвѣтствіи съ государственнымъ и общественнымъ строемъ Византіи, въ которой деспотизмъ не щадилъ никого. Сами императоры не были избавлены отъ возможности подвергнуться жестокимъ истязаніямъ. Въ VII вѣкѣ, напр. императоръ Константинъ Погонать приказалъ отрѣзать носы у своихъ братьевъ, составившихъ заговоръ. Леонтій, завладѣвшій престоломъ императора Юстиніана II, точно также велѣлъ отсѣчь носъ своему несчастному сопернику. Ослѣпленіе было частымъ послѣдствіемъ потери трона, напр. императоръ Романъ (въ XI стол.), которому не оставили крови, выколовъ глаза, умеръ чрезъ три дня ³⁾. Тѣлесныя наказанія приобрѣли въ Византіи важное значеніе: по замѣчанію извѣстнаго историка римскаго права Захаріа фонъ Лингенталь въ Византійскихъ кодексахъ даже смертная казнь въ нѣкоторыхъ случаяхъ замѣнялась членовредительными тѣлесными наказаніями (въ IX вѣкѣ) ⁴⁾. Въ такъ называемой Эклогѣ ⁵⁾ встрѣчаются отсѣченіе руки, языка, носа, ослѣпленіе, кастрація и бичеваніе. По прохирону от-

¹⁾ Döpler. *Theatrum poenarum supplicorum et executionum criminalium* 1693—7. I т. стр. 905.

²⁾ Codex IX, t. 47, 17.

³⁾ Гиббонъ о. с. V стр. 313, 316, 319, 321, 360. VII, стр. 65.

⁴⁾ Zachariä v. Lingenthal. *Geschichte des griechisch-römischen Rechts*. 2. Aufl. Bln. 1879, стр. 312.

⁵⁾ Т. XIII, 10, 11, 13, 14, 15, 16, 18, 19, 22—27, 30—35, 37, 38, 46, 47. Zachariä. о. с. стр. 308—310.

сѣченіе руки полагалось въ 10 случаяхъ ¹⁾. Отрѣзаніе носа назначалось за прелюбодѣяніе съ собственнымъ рабомъ ²⁾. Кастраціей каралось скотоложество ³⁾. Бичеваніе назначалось очень щедро, отдѣльно и въ связи съ ссылкой, имъ же замѣнялся для несостоятельныхъ штрафъ ⁴⁾. Невѣрные мужья наказывались тѣлесно за блудъ вдвойнѣ сравнительно съ холостыми, также наказывались оставлявшіе прелюбодѣяніе своихъ женъ, извѣстное имъ, безъ наказанія ⁵⁾. Послѣднія преступленія показываютъ, въ какой строгой опека находились подданные имперіи, насколько правительство позволяло себѣ вторгаться въ частную жизнь и устраивать ее, какъ считало необходимымъ. Такимъ образомъ, тѣлесное наказаніе находилось въ Римѣ и въ Византіи въ тѣсной зависимости отъ условій ея государственнаго и общественнаго строя, можно сказать, что въ греко-римскомъ мірѣ распространеніе тѣлесныхъ наказаній было обратно пропорціо-нально развитію гражданской свободы.

Разсмотрѣвъ условія возникновенія и развитія тѣлесныхъ наказаній, указавъ тѣсную зависимость ихъ отъ хода общаго историческаго развитія, я перехожу къ краткому очерку исторіи тѣлесныхъ наказаній въ Германіи и Франціи.

Первыя историческія извѣстія о Германцахъ относятся къ тому времени, когда они жили племенами, въ которыхъ власть князей не была велика и имѣла значеніе, главнымъ образомъ, въ военное время. Въ эту эпоху, слѣдовательно, личность главы семьи и ея интересы не перевѣшивались государственными, и по свидѣтельству Тацита, свободные германцы не знали тѣлесныхъ наказаній, они существовали у нихъ только для женщинъ и другихъ подчиненныхъ членовъ семьи и для рабовъ ⁶⁾. Отсутствіе тѣлесныхъ наказаній объясняется, какъ правильно замѣчаетъ Луазелеръ, не мягкостью нравовъ варваровъ, но глубокимъ чувствомъ ра-

¹⁾ Prochiron. t. XXXIX, 5, 14, 18, 22, 40, 53, 54, 56, 82, 83.

²⁾ Ib. 43, 45, 62, 64, 66—68—70.

³⁾ Ib. 74.

⁴⁾ Ib. 6, 7, 42—46, 58, 65, 53, 54, 60, 61.

⁵⁾ Ib. 55, 56, 59, 64, 71, 83, 84.

⁶⁾ Tacitus. De germania. Cap. XIX, XXV.

вешства и свободы, которое дѣлало невозможнымъ ихъ примѣненіе¹⁾. Тѣлесныя наказанія для свободныхъ появляются только тогда, когда королевская власть настолько усилилась, что могла не стѣсняться старыми традиціями и не боялась протеста. Въ древнихъ сборникахъ германскихъ законовъ, тѣлесныя наказанія назначаются, какъ было замѣчено, для свободныхъ по исключенію, и то членовредительныя, по закону таліона, за нѣкоторыя важныя преступленія на ряду съ выкупомъ, т. е. только для бѣдныхъ²⁾. Съ усиленіемъ королевской власти усиливалось и вліяніе каноническаго и римскаго права, начала которыхъ вполнѣ совпадали со стремленіями королей. Сильные короли могли налагать наказанія на свободныхъ по произволу; при грубости нравовъ того времени это усмотрѣніе должно было выражаться въ назначеніи смертной казни и тѣлесныхъ наказаній, тѣмъ болѣе, что они стояли рядомъ съ выкупами и изъятіе отъ нихъ было привилегіей, постепенно суживавшейся и сохранившейся впоследствии только для высшихъ сословій. Вліяніе новыхъ началъ уже замѣтно въ двухъ наиболѣе романизированныхъ кодексахъ Бургундскомъ и Вестготскомъ, гдѣ королевская власть и вліяніе духовенства были достаточно сильны³⁾; По Бургундскимъ законамъ, напр., свободный за поддѣлку паспорта наказывался отсѣченіемъ руки⁴⁾. Въ Вестготскомъ правѣ назначаются болѣзненные тѣлесныя наказанія для свободныхъ, допускаемыя въ другихъ сборникахъ, напр. въ *Gragas*'ѣ, только какъ дисциплинарная мѣра для малолѣтнихъ⁵⁾. Вообще же болѣзненные тѣлесныя наказанія не могли примѣняться къ свободнымъ, особенно къ знатымъ лицамъ, и нарушеніе этихъ привилегій вызывало иногда месть, напр. король Хильперикъ II велѣлъ привязать къ столбу и высѣчь одного изъ своихъ вельможъ; послѣдній, составивъ заговоръ противъ короля, убилъ его, и современ-

¹⁾ Loiseleur, о. с. стр. 112.

²⁾ Lex Baiuw T. II, 3, 6, 10—12. VIII, 14. Pertz III Leg. стр. 286, 287, 337.

³⁾ сравн. Leges Alfredi 28. Leges Kuuti. II, 35. Phillips. Uersuch. стр. 158, 161.

⁴⁾ Lex Burg. II, g. LIV, 3.

⁵⁾ *Gragas*. XXXII. Lex Yis. VII, T V, 2. tam humiles quam potentiores puniuntur centenis flagellis. Lex Yis, VI, t V с. 7.

ники считали его мечь справедливою ¹⁾. Различіе между свободными и рабами въ примѣненіи болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаній сохранилось и при слѣдующей династіи каролинговъ, такъ напр. въ капитуляріяхъ Пипина 765 г. за кровосмѣшеніе свободный наказывался тюрьмой или штрафомъ въ 60 солидовъ, рабъ—неопредѣленнымъ тѣлеснымъ болѣзненнымъ наказаніемъ, „*varuletur plagis multis*“ ²⁾.

Членовредительныя наказанія получили въ VIII вѣкѣ большее развитіе: въ капитуляріяхъ 779 г. устанавливалось за первую кражу лишеніе одного глаза, за 2-ю—другого и отрѣзаніе носа, за третью—смертная казнь ³⁾. Въ капитуляріяхъ уже дѣлаются попытки обязательной замѣны выкупа тѣлесными наказаніями. Въ названномъ капитуляріи 779 г. говорится, что клятвопреступникъ непременно теряетъ руку ⁴⁾, ложный свидѣтель, потерѣвшій поражение въ поединкѣ также наказывался потерей руки, но его соприсяжники могли внести выкупъ ⁵⁾; въ другихъ капитуляріяхъ выкупы допускались и для клятвопреступниковъ ⁶⁾. Болѣзненные тѣлесныя наказанія назначались для свободныхъ въ эпоху каролинговъ очень рѣдко, и плеть по прежнему считалась годной только для рабовъ. Нанесеніе удара палкою сюзереномъ своему вассалу наравнѣ съ покушеніемъ на его жизнь, съ обезщеченіемъ его жены или дочери и отнятіемъ наслѣдства было законнымъ поводомъ для нарушенія ленныхъ обязательствъ ⁷⁾. Но въ то время низшіе классы уже утрачивали свои права, народныя собранія прекращались, складывалась феодальная система, поэтому въ капитуляріяхъ тѣлесному наказанію подвергаются иногда и незнатные свободные, свѣтскіе и духовные ⁸⁾. Бичеваніе исполнялось публично на площади, причемъ осужденнаго обнажали и привязывали къ стол-

¹⁾ Saint-Edme, Dictionnaire T. V. mot „verges“.

²⁾ Capit. Pipini regis 765 c. I. Pertz I Leg. стр. 31.

³⁾ Capit. 779. c. 12. de vindicta in latronibus; ib. 23.

⁴⁾ Capit. 779. c. 10. qui periurium... nullam redemptionem nisi manum perdat.

⁵⁾ Capit. 816. c. 1. ab. Ateg. coll. Pertz. I Leg. стр. 315.

⁶⁾ Capit. 805. Mittis dati... manum perdat aut redimat.

⁷⁾ Capitula 813. c. 16. Pertz Momum I Leg. стр. 189.

⁸⁾ Capitula Pipini reg. 765. c. 2, 7.

бу. Били низшіе агенты при судѣ, или заинтересованныя лица, или сами преступники, исполнявшіе наказаніе по очереди другъ за другомъ ¹⁾. Съ окончательнымъ торжествомъ феодализма, когда значеніе свободныхъ, имѣвшихъ политическія права сословій, осталось за высшимъ дворянствомъ и духовенствомъ, къ которымъ постепенно присоединялись высшія классы городского населенія, тѣлесныя наказанія стали примѣняться чаще, чѣмъ прежде: они упоминаются во всѣхъ средневѣковыхъ законодательныхъ памятникахъ. И членовредительныя и болѣзненные тѣлесныя наказанія, напр., были обычной карательной мѣрой въ городахъ уже съ X вѣка. Въ привилегіи Магдебурга, данной этому городу Оттономъ Великимъ, назначается отсѣченіе рукъ за лжесвидѣтельство и нанесеніе раны, въ послѣднемъ случаѣ альтернативно съ выкупомъ ²⁾. Въ хартіи Страсбурга (980) находимъ общее постановленіе о томъ, какъ исполнялись тѣлесныя наказанія: бичеваніе производилось тюремщикомъ, особыя должностныя лица существовали и для членовредительныхъ наказаній: они должны были вырывать глаза, кастрировать, отсѣкать руки ³⁾. Въ городскихъ хартіяхъ встрѣчается также и таліонъ при тѣлесныхъ поврежденіяхъ ⁴⁾; за богохуленіе назначается отрѣзаніе языка, выкупъ не допускается ⁵⁾, словомъ продолжается порядокъ, начало которому положено при каролингахъ, при которыхъ мѣста судебныхъ засѣданій стали уже мѣстами, гдѣ „преступники осуждаются на смерть, лишаются членовъ и подвергаются бичеванію“ ⁶⁾. Болѣзненные наказанія назначаются въ городскихъ правахъ за

¹⁾ Cap. 817. c. 15, 16. Cap. 809. c. 3. Cap. 805. c. 10. Cap. coll abb. Ansegito I. III. c. 15. Wilda d. Strafrecht. 513. Geugler. № 51. Grimm. Deutsche Alterthümer. 704.

²⁾ Privilegium Ottonis M. R. J. Super locatiōne Magdeburgensis civil. 947. c. LXX. Rechtsdenkmäler d. deutsch. Mittelalters. I. B.—v. A. Daniel. Berlin.

³⁾ Coutumes de Strasburg an. 980. c. 21—23. Giraud. Histoire I, cnp. 1—18.

⁴⁾ Stadtrecht von Ensam 1212 c. 5—7. Gaupp. II. cnp. 218. Stadtrecht von Wien an 1221, 10—14. Gaupp. cnp. 241.

⁵⁾ Ib. 38.

⁶⁾ Cap. Caroli II, an. 853. Pertz. Monum. I Leg. cnp. 521.

мелкіе проступки, напр. за нанесеніе легкихъ ранъ для не могущихъ уплатить вознагражденія ¹⁾).

Распространенію тѣлесныхъ наказаній способствовала и продолжавшаяся романизация германскаго права, поддерживаемая императорами, особенно изъ дома Гогенштауфеновъ. Фридрихъ Барбаросса объявилъ свою имперію продолженіемъ Римской, и льстецы не замедлили сравнить его власть и права ²⁾ съ правами римскихъ императоровъ. Римское право начало преподаваться въ университетахъ, гдѣ воспитывались будущіе судьи, привыкавшіе въ годы студенчества смотрѣть на него, какъ на „ratio scripta“. Однако въ XIII и XIV вѣкахъ старыя германскія воззрѣнія не уступали еще новымъ началамъ: выкупы сохранились, судебный поединокъ рѣшалъ дѣло, но въ то же время судьи начали приговаривать проигравшихъ дѣло въ поединкѣ къ смертной казни и тѣлеснымъ наказаніямъ ³⁾. Въ сборникѣ законовъ, извѣстномъ подъ именемъ швабскаго зеркала упоминается отсѣченіе руки, урѣзаніе языка, отбитіе большаго пальца, болѣзненные наказанія ⁴⁾. Саксонское зеркало назначаетъ за мелкую кражу тѣлесное наказаніе или выкупъ, въ немъ же говорится и объ отсѣченіи руки и языка ⁵⁾.

Въ XVI вѣкѣ абсолютная власть германскихъ государей уже сложилась, и все населеніе Германіи распалось на привилегированныхъ и непривилегированныхъ, вмѣстѣ съ тѣмъ приобрѣла рѣшительный перевѣсъ и система государственныхъ наказаній, выкупъ и безправіе почти исчезли. Въ уголовномъ уложеніи Карла V (1532 г.) выкупы дозволяются только съ изволенія императора, т. е. рассматривались какъ помилованіе. ⁶⁾ Изъ членовредительныхъ наказаній

¹⁾ Murten Stadrodel (XIII в.) с. II, 13. Gaupp. II, 154.

²⁾ На сеймѣ 1158 г. Арх. Миланскій заявилъ императору: „tua voluntas jus est sicutdicitur: quod principi placuit, legis habet vigorem“. Eichhorn. II. 283.

³⁾ Eichhorn о. с. II. стр. 714.

⁴⁾ Caspar. Darstellung des Strafen Inhalts des Swabenspiegels. Lln. 1892. стр. 15.

⁵⁾ Sachenspiegel II Buch. 26. Ar., 2. 1—59.

⁶⁾ Eichhorn, о. с. III, 439.

Каролина знаетъ отрѣзаніе языка, совершавшееся публично у позорнаго столба, отсѣченіе двухъ пальцевъ, руки, отсѣченіе ушей. При исполненіи приговоровъ законодатель счелъ необходимымъ предписать нѣкоторыя правила осторожности: если, напр. на рукѣ, подлежащей отсѣченію, были какія либо поврежденія, наказаніе не должно было усиливать болѣзни. Въ это время, вмѣсто прежнихъ строго опредѣленныхъ наказаній, служившихъ гарантіей личной свободы и ставшихъ анахронизмомъ съ исчезновеніемъ послѣдней, получили преобладаніе неопредѣленныя кары *roepae arbitrarie*: законъ предоставлялъ судьямъ выборъ наказаній, по обстоятельствамъ дѣла, указывая его только въ общихъ чертахъ, такъ что преступникъ не могъ знать, какъ онъ будетъ наказанъ; такъ карались очень крупныя преступленія, напр. поддѣлка монеты; во многихъ случаяхъ Каролина прямо отсылала судью къ рѣшенію правовѣдovъ, т. е. ученыхъ и опытныхъ юристовъ, руководившихся не только туземнымъ, но и римскимъ правомъ ¹⁾.

Въ XVII в. положеніе германскаго общества измѣнилось во многомъ благодаря твердо установившемуся государственному порядку, прекращенію важныхъ злоупотребленій феодализма, развитію просвѣщенія и увеличенію экономическаго благосостоянія народа. Перемѣна не замедлила сказаться и на примѣненіи тѣлесныхъ наказаній, прежде всего членовредительныхъ, какъ такихъ, съ которыми могла мириться только средневѣковая грубость. Безъ всякой законодательной отмѣны, путемъ судебной практики начало сокращаться примѣненіе наиболѣе жестокихъ тѣлесныхъ наказаній. По свидѣтельству юриста XVII вѣка Деплера ослѣпленіе, отрѣзаніе языка употреблялись рѣдко. Въ концѣ XVII в. эти наказанія замѣнились другимъ; въ саксонскихъ земляхъ — болѣзненными тѣлесными наказаніями и изгнаніемъ ²⁾. Карщовъ передаетъ, что за 12 лѣтъ его судебной дѣятельности въ Лейпцигѣ не было ни одного случая

¹⁾ CCC. b. 110, 115, 118, 120, 222, 123, 127, 133, 148, 160, 161, 168—170 173, 177, 178.

²⁾ Doepler, o. c. I стр. 920, 942—54.

подобнаго наказанія ¹⁾. Отсѣченіе носа и ушей назначалось за побѣги со службы рекрутъ ²⁾. Отрубленные носы и уши прибывались къ висѣлицѣ, и такъ какъ побѣги, не смотря на наказаніе, были довольно часты, то висѣлицы, по свидѣтельству Деплера, никогда не оставались безъ этихъ украшеній ³⁾.

Клейменіе носило характеръ и карательной и предупредительной мѣры и примѣнялось довольно часто. Въ Саксоніи клеймили воровъ за первое воровство на щекѣ, за 2-е— близъ ушей, въ третій разъ ставили крестъ на лбу, чтобы остеречь честныхъ людей; клеймить полагалось и убійць; но практика значительно смягчала строгость постановленій закона, и клейма ставили на спину и на руки т. е. за ними сохраняли только полицейскій характеръ. Клейменіе, какъ и членовредительныя наказанія, вызывали уже энергичный протестъ юристовъ того времени, какъ своей непрактичностью такъ и жестокостью, напр. одинъ изъ нихъ Винтеръ писалъ, что наказанный отсѣченіемъ руки получаетъ возможность жить на счетъ благотворителей, милостыней въ полѣйшей лѣности ³⁾; выставяли на видъ, что клейменіе и членовредительныя наказанія, налагая неизгладимое пятно на чловѣка, дѣлають для него невыносимымъ возвращеніе на честную дорогу ⁴⁾. Но ослабленіе членовредительныхъ наказаній при отсутствіи тюремъ, при невозможности ограничиться штрафомъ въ виду измѣнившихся правовыхъ воззрѣній, выдвигало болѣзненные тѣлесныя наказанія, примѣненіе которыхъ не считалось жестокимъ въ XVII столѣтіи и не встрѣчало препятствій въ обществѣ, въ которомъ они примѣнялись ко всѣмъ, кромѣ высшихъ сословій, сохранившихъ въ числѣ привилегій, уцѣлѣвшихъ отъ прошлаго, и эту. Публичное сѣченіе по словамъ Деплера было самымъ обыкновеннымъ и очень жестокимъ наказаніемъ. Но если низшіе свободные классы городскаго и сельскаго населенія не могли избавить

²⁾ Carpzovius. Practica criminalis nova saxonica. Quest. 45. n. 3.

¹⁾ Günther. De amputatione membrorum. Diss. inauguralis Jena. 1681. § 11.

²⁾ Grimm. Deut. Alterthümer. стр. 704 и слѣд.

³⁾ Döpler I. 870, 995—999, 918.

⁴⁾ Döpler. о. с. I. 900—904, 910—915.

себя отъ позора тѣлесныхъ истязаній, тѣмъ не менѣе сознание этого позора вполне сохранилось; тѣлесныя наказанія были безчестными, сохраненію сознанія этого безчестія помогало и изъятіе отъ нихъ высшихъ сословій, постоянно напоминавшее низшимъ о разницѣ ихъ положеній. Понятно почему нѣкоторые старые практики совѣтывали употреблять болѣзненные тѣлесныя наказанія съ величайшею осторожностью. Ипполитъ Марсельскій, напр. признаетъ ихъ допустимыми только при отсутствіи возможности наказать какънибудь иначе. Какъ было упомянуто, болѣзненные тѣлесныя наказанія замѣнили собою и членовредительныя, и число ихъ замѣтно увеличилось. Ими наказывалось покушеніе на отравленіе, нанесеніе ранъ, признанныхъ врачомъ не смертельными, однако имѣвшихъ послѣдствіемъ смерть, неосторожное убійство и поджогъ, если виновный не въ состояніи уплатить вознагражденія и др. Точное опредѣленіе числа ударовъ зависѣло отъ усмотрѣнія суда, которому, впрочемъ, рекомендовалась извѣстная мягкость, и указывалось на еврейское право, которое не допускало наказаніе болѣе чѣмъ 40 ударами. Вообще наказаніе предполагалось на столько умѣреннымъ, чтобы не подвергать опасности жизнь осужденнаго ¹⁾.

Но и въ такой формѣ болѣзненные наказанія удовлетворяли далеко не всѣхъ юристовъ XVII в.: они не были такъ бессмысленно жестоки, какъ членовредительныя наказанія, не лишали преступника работоспособности, рукъ, ногъ или глазъ, но на этомъ и кончались ихъ преимущества. Развращающее вліяніе тѣлесныхъ наказаній не ускользнуло отъ авторовъ того времени. „Преступникъ, говорилъ цитированный уже юристъ Винтеръ, исключается ими вслѣдствіе безчестія изъ общенія съ другими, не терпится въ обществѣ, слѣд. какъ бы побуждается къ преступленію“ ²⁾.

Ольдекопъ требовалъ полной отмѣны тѣлесныхъ наказаній, только увеличивающихъ, по его мнѣнію, преступность, и

¹⁾ Doerpler, о. с. I. 874—899. Преступникъ послѣ экзекуціи завертывался въ баранью только что снятую шкуру. Paulus Zachias. Questiones medico-legales.

²⁾ Winter. о. с. II, 12. Döpler. о. с. I, 870.

предлагалъ замѣнить ихъ отдачею въ общественныя работы; эта мысль проводится и въ эдиктъ Виртембергскаго герцога Иоанна Фридриха, изданномъ въ 1627 году, въ которомъ указывается на то, что разъ побывавшій въ рукахъ палача преступникъ навсегда теряется для общества и не можетъ существовать честно.

Слѣдовательно, уже въ XVII вѣкѣ къ тѣлеснымъ наказаніямъ стали относиться критически, то же самое продолжалось и въ XVIII в. Правда строго полицейскій и сословный строй государствъ германскаго союза, оставшихся, какъ и въ XVII в., абсолютными монархіями, и полное отсутствіе всякаго намека на гражданскую свободу, составляли такія условія общественнаго быта, при которыхъ трудно было разсчитывать на рѣшительное измѣненіе карательной системы, но продолжавшееся въ то же время развитіе общественнаго сознанія, философскихъ и юридическихъ наукъ, выдвигавшихъ вопросъ о правахъ личности, объ отношеніяхъ ея къ государству, не могли не отразиться на законодательствѣ, поэтому исторія тѣлесныхъ наказаній въ XVIII в. носитъ двойственный характеръ: съ одной стороны, особенно въ началѣ столѣтія сохраняется старый порядокъ, находящій защитниковъ и въ наиболѣе образованныхъ слояхъ общества,—съ другой стороны, несоотвѣтствіе жестокихъ наказаній съ духомъ времени вызываетъ ихъ постепенное, но непрерывно продолжающееся смягченіе. Часто строгія кары сохраняются только въ кодексахъ, не примѣняясь на практикѣ. Въ Лексиконѣ Гайма, изданномъ въ 1733 г., перечисляются всѣ членовредительныя наказанія, клейменіе, наказаніе палками и наказаніе розгами. Публично тѣлесныя наказанія назначались по счету Гайма за 29 преступленій, важнѣйшія изъ нихъ: банкротство, растрата, клевета, кровосмѣшеніе въ боковыхъ степеняхъ, нарушеніе предѣловъ обороны, кража и др. ¹⁾ Хотя членовредительныя наказанія упоминались какъ существующія въ этомъ сборникѣ, предназначенномъ для практическаго пользованія, однако они вездѣ при назна-

¹⁾ Haimer, T. Lexicon juris criminalis. Leipz. 1733. стр. 170, 171, 250,—253.

чени за отдѣльныя преступленія ставились альтернативно съ другими наказаніями, иногда съ публичнымъ тѣлеснымъ наказаніемъ и изгнаніемъ, иногда даже со смертною казнью, напр. о богохульствѣ прямо говорилось, что оно наказывается не отсѣченіемъ языка, но обезщечивающимъ публичнымъ тѣлеснымъ наказаніемъ, или изгнаніемъ ¹⁾, за сводничество на ряду съ отсѣченіемъ ушей перечисляются другія тѣлесныя наказанія ²⁾. При королѣ Фридрихѣ Вильгельмѣ I въ Пруссіи членовредительныя тѣлесныя наказанія не употреблялись совсѣмъ, а жестокія квалифицированныя казни совершались, обыкновенно, согласно тайному приказу, надъ умерщвленными преступниками ³⁾. Однако, смягчая жестокость казней, Фридрихъ Вильгельмъ, пользуясь неограниченной властью, не стѣснялся вообще законами, даже изданными имъ самимъ, вслѣдствіе чего каждое дѣло велось на свой собственный лады и важныя преступленія иногда наказывались въ порядкѣ кабинетной юстиціи ⁴⁾. Такое неуваженіе къ гражданскимъ правамъ, неминуемо влекло за собой широкое примѣненіе болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаній, и они, дѣйствительно, были любимой карательной мѣрой Фридриха Вильгельма I, который, подобно Петру I расправлялся и собственноручно ⁵⁾. Болѣзненнымъ тѣлеснымъ наказаніямъ подвергались и высшіе сановники: въ 1739 г. былъ публично наказанъ т. с. Вильке ⁶⁾.

Въ средніе вѣка развитіе тѣлесныхъ наказаній во Франціи шло тѣмъ же путемъ, какъ и въ Германіи; они получили уже большое значеніе съ установленіемъ феодализма ⁷⁾. Въ городскихъ хартіяхъ XI вѣка встрѣ-

¹⁾ Haimer, стр. 292.

²⁾ Ib. стр. 163, 181.

³⁾ Holtze, F. Strafrechtspflege unter König Fr. Wilhelm I. Blr. 1894 стр. 41.

⁴⁾ Holtze, F. о. с. стр. 37.

⁵⁾ Ib. стр. 39.

⁶⁾ Ib. стр. 44.

⁷⁾ Loiseleur, о. с. стр. 140.

чается назначеніе таліона для членовредителей ¹⁾, несостоятельные воры точно также подлежали тѣлесному наказанію ²⁾; въ нихъ же дается право производить судъ надъ преступниками: отрубать ноги, руки, вырѣзывать глаза, заключать въ тюрьмы, женщинамъ отсѣкать носъ и губы, уши, груди и, если нужно, предавать ихъ сожженію. ³⁾ Подвергнутые членовредительнымъ наказаніямъ подлежали обыкновенно, изгнанію. ⁴⁾ Размѣръ болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаній опредѣлялся по усмотрѣнію судей. ⁵⁾ Сѣченіе производилось публично, на площади, и растягивалось для болѣшей примѣрности на возможно продолжительное время ⁶⁾. Въ королевскихъ ордонансахъ XIV и XV вв. тѣлесныя наказанія встрѣчаются очень часто даже безъ ближайшихъ опредѣленій „*reine de corps et d' avoir*“. ⁷⁾ Членовредительныя наказанія продолжали назначаться, напр. при Филиппѣ Валуа, въ 1330 г. за богохуленіе во второй и третій разъ, отрѣзались губы, за пятый—языкъ. ⁸⁾ Ордонансъ противъ богохульниковъ неоднократно подтверждался. ⁹⁾ Въ эдиктѣ 1540 г. за бродяжничество назначаются наказанія до членовредительныхъ (*punition de membres*), или смертной казни включительно. ¹⁰⁾ Въ 1576 г. въ указѣ о благочиніи въ королевскихъ дворцахъ за нанесеніе ранъ, обнаженіе оружія назначается отсѣченіе

¹⁾ Charte de commune de Laon (1128) c. 4. Recueil général des anciennes lois françaises depuis l'an 420. T. I. стр. 138—143.

²⁾ Coutumes de Montpellier. an 1264. c. 19. Giraud II. 47—49.

³⁾ Usaticae Barchinae in patria an 1068. c. 94, 95. Giraud. II. стр. 465,—584. Coutumes de Provence. Statuta Domini Raimundo an 1235. Giraud, II. стр. 77.

⁴⁾ Coutumes de Montpellier c. 23.

⁵⁾ Statuta Arelata. c. 25, 52. (1162—1205).

⁶⁾ Statuta D. Raumundi. Giraud. II. стр. 32, 88, стр. 21, 23.

⁷⁾ Ordonnance. 1312. № 456. Recueil T. III.

⁸⁾ № 1. Ordonnance. 1330. Recueil T. IV.

⁹⁾ № 228. Ordonnance. 1377. T. VI. № 59. Ordon. 1487. T. XI. № 96 Cride prevost de Paris. 1487. T. XI. № 253. Ord. 1460. T. IX. № 609. Ord. 1415. Lettres royales VIII.

¹⁰⁾ Recueil XII № 319. Edit sur l'administration de la justice en Normandie § 10.

руки. 1) Членовредительныя наказанія сохранились и въ послѣдующія эпохи: еще, напр. въ 1684 г. при Людовикѣ XIV состоялся указъ, запрещавшій публичнымъ женщинамъ на 2 мили подходить къ Версалю подъ угрозой потери носа и ушей. 2) Клейменіе, какъ замѣчаетъ Луазелеръ, было больше полицейской мѣрою охраны общественной безопасности, чѣмъ наказаніемъ. 3) Въ 1354 г. предписывалось клеймить бродягъ раскаленнымъ желѣзомъ въ лобъ⁴⁾, въ видахъ предупрежденія преступленій, съ этой же цѣлью клеймили дезертировъ 2 лиліями на каждой щекѣ, всѣхъ найденныхъ съ такими клеймами приказывалось препровождать безъ дальнѣйшаго разбирательства на галеры. Приговоренные къ вѣчной галерной работѣ клеймились тремя буквами „G. A. L“⁵⁾.

Болѣзненные тѣлесныя наказанія въ XVI и XVII вѣкѣ совершались или публично палачами, считались позорными и почти всегда сопровождались клейменіемъ и изгнаніемъ⁶⁾, или—въ тюрьмѣ, не публично (*sous la custode*), послѣднее считалось полицейскимъ наказаніемъ. Наказывали розгами или плетью: напр. за пьянство въ 1535 г. полагалось въ 1-й разъ содержаніе на хлѣбѣ и водѣ, во 2-й—наказаніе розгами въ тюрьмѣ, въ 3-й—публичное наказаніе плетью, за которымъ при неисправленіи слѣдовало членовредительное наказаніе⁷⁾. Число ударовъ не опредѣлялось, иногда при наказаніи розгами говорилось только, что наказывать до крови; розгами били иногда на мѣстѣ преступленія⁸⁾ или публично⁹⁾. Наказаніе плетью употреблялось, какъ наказаніе самостоятельное или

1) Recueil XII. № 56. Ordonnance 3, 5, 6, 18, 20.

2) Recueil XV. № 1120, 1122. Ordon. 1684.

3) Loiseleur, о. с. стр. 246.

4) Recueil V. № 207, и 1354. Lettres.

5) Recueil XXII. 1721. № 229. Declaration.

6) Loiseleur, о. с. стр. 247.

7) Recueil. XII. 1535 г. № 235. Edit. ch. III, 1.

8) Recueil. XII, № 33. Edit. 4, 8, г. 1515.

9) Recueil. 1536. XII, № 235. Edit.

дополнительное при ссылкѣ на галеры, или какъ дисциплинарная мѣра для каторжниковъ ¹⁾.

XVIII вѣкъ, казалось, не могъ принести очень крупныхъ измѣненій въ карательной системѣ. Тѣлесныя наказанія твердо стояли въ законодательствѣ, поддерживались практиками, не безусловно осуждались представителями нарождавшихся тогда философскихъ направленій, не отвергались и на основаніи „естественнаго права“. Правда, Монтескье вообще высказывался противъ жестокости наказаній: „Въ государствѣ благоустроенномъ, писалъ онъ, законодатель озабочивается не столько наказаніемъ сколько предупрежденіемъ преступленій. Китайскіе писатели всегда замѣчали, что чѣмъ больше увеличивалась жестокость наказаній, тѣмъ ближе была революція, потому что число казней увеличивается параллельно съ порчей нравовъ“. Доказывая бессиліе устрашительныхъ каръ, напр. въ борьбѣ съ разбоями, число которыхъ не уменьшалось не смотря на колесованіе, Монтескье выставляетъ общее положеніе, что причины благопріятствующія преступности лежатъ не въ умѣренности наказаній, а въ безнаказанности преступленій ²⁾ Прямое продолженіе развитія этихъ взглядовъ встрѣчаемъ у Беккарія: „Надежда на безнаказанность удаляетъ всегда мысль о сильныхъ страданіяхъ... Страны и эпохи наиболѣе жестокихъ наказаній всегда отличались кровавыми и безчеловѣчными преступленіями“. Беккарія мѣтко указываетъ на слабую сторону господствовавшего въ его время устрашенія, на то, что при послѣдовательномъ проведеніи его становится трудно сохранить соотвѣтствіе между преступленіемъ и наказаніемъ и на являющееся вслѣдствіе этого не примѣненіе закона, санкція котораго не можетъ быть выполнена по ея чрезмѣрной жестокости; „безнаказанность, заканчиваетъ онъ, получаетъ такимъ образомъ начало въ законахъ“ ³⁾. Но и Беккарія въ принципѣ не отвергаетъ совершенно тѣлесныя наказанія, напротивъ онъ признаетъ ихъ нужными за преступленія

¹⁾ Recueil XII. № 319. 1540 г. Edit. № 421. Edit. 1546 г. № 407. 1541 г. № 407. 1541 г. XV. № 1252, 1584, 1686, 1695. Declaration XVIII. № 379. 1661. E 654, Edit. 1671. № 850. Declatiou, 1677.

²⁾ Montesquieu. L'esprit des lois. T. I. стр. 196, 197, 200.

³⁾ Беккарія. О преступленіи и наказаніи перев. И. Соболева. 1878 г. стр. 82.

против личности и за кражу съ насиліемъ, и ограничивается положеніемъ, что ихъ не слѣдуетъ назначать за преступленія, стимуломъ которыхъ является гордость и т. п. не низкія чувства и побужденія ¹⁾). Французскіе юристы конца XVIII в. не отвергали въ теоріи даже членовредительныхъ наказаній: въ мемуарѣ, поданномъ въ 1778 г. экономическому Бернскому Обществу руанскимъ адвокатомъ Сервэнномъ, членовредительныя наказанія дѣлятся авторомъ на „обезображивающія и ослабляющія“ (т. е. лишающія работоспособности). Первые могутъ имѣть значеніе для женщинъ: „еслибъ дѣвушки съ раннихъ лѣтъ, восклицаетъ краснорѣчивый адвокатъ, были убѣждены, что преступленіе обезобразитъ ихъ, какой ужасъ питали бы онѣ къ нему въ продолженіи всей жизни!“ . Болѣзненные тѣлесныя наказанія находятъ въ Сервэнѣ убѣжденнаго защитника. „Плеть, по его словамъ, употребляемая какъ должно, имѣетъ право играть самую важную роль въ уголовной юстиціи. Одна изъ главныхъ ея выгодъ—это, способность къ громадному разнообразію по числу ударовъ, по устройству инструментовъ по способу исполненія, большей или меньшей публичности“. Плеть должна быть „отеческимъ поученіемъ, предназначеннымъ сдерживать страсти или пылъ чувственныхъ желаній, которые можно смирить только болью; цѣль ея причиненія—исправленіе виновнаго.“ Но Сервэнъ не могъ желать сохраненія болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаній въ такомъ видѣ, какъ они примѣнялись въ его время: ихъ недостатки были слишкомъ ясны: руанскій адвокатъ желалъ для преступника страданія, но не позора, который навсегда выбрасывалъ наказаннаго изъ общества. „Нужно остерегаться, говорить онъ, соединять съ наказаніемъ безчестье, пусть оно совершается у ногъ судьи въ присутствіи только нѣсколькихъ свидѣтелей“ ²⁾). Извѣстный англійскій юристъ Бентамъ въ своемъ сочиненіи о наказаніяхъ и наградахъ требуетъ, чтобы наказаніе было экономичнымъ, т. е. чтобы достигало

¹⁾ Ib. стр. 70—75.

²⁾ Servin. De la législation criminelle. Mémoire présentée à la Soc. économique de Berne. стр. 69—70, 153—154, 168, 176, 192, 195, 206, 211, 215, 220, 257, 326.

намѣченной имъ цѣли съ наименьшей суммой страданія для преступника. Наказаніе, по его мнѣнію, нужно для предупрежденія повторенія преступленій; т. е. столько же для преступника, сколько и для другихъ. „Елибы повѣшеніе куклы могло также утратить, какъ повѣшеніе преступника, говоритъ онъ, вѣшать послѣднихъ было бы бессмысленной жестокостью“. Оцѣнивая тѣлесныя наказанія, онъ видитъ ихъ положительныя стороны въ значительной способности къ дѣлимости болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаній, въ возможности соразмѣрять ихъ съ преступленіемъ, но высказывается противъ членовредительныхъ наказаній, которыя по его взгляду прежде всего не экономичны: изувѣченныхъ приходится содержать на общественный счетъ, кромѣ того они крайне неравномѣрны, такъ какъ, напр., далеко не все равно потерять руку художнику или какому нибудь бродягѣ, ихъ единственное преимущество въ примѣрности, „поэтому членовредительныя наказанія можно употреблять только въ самыхъ важныхъ случаяхъ, какъ наказаніе дополняющее вѣчное заключеніе“. Противъ болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаній Бентамъ возражаетъ не принципиально, а только противъ существовавшей въ его время практики: „въ Англии, говоритъ онъ, плоть употребляется съ крайней неравномѣрностью. Отъ палача зависитъ сдѣлать наказаніе легче или тяжелѣе. Продажа снисходительности для нихъ одинъ изъ источниковъ дохода, вслѣдствіе чего преступникъ наказывается не по винѣ, а по достатку“. Единственную поправку Бентамъ видитъ въ построеніи особыхъ цилиндрической формы машинъ, которыя приводили бы въ движеніе эластичныя тѣла, на подобіе вѣтвей или китовыхъ усовъ. Отвѣтственный чиновникъ долженъ наблюдать за правильностью дѣйствія машинъ. Одновременное дѣйствіе нѣсколькихъ машинъ могло бы увеличить ужасъ сцены наказанія ¹⁾.

Германскіе юристы теоретики точно также отводили тѣлеснымъ наказаніямъ важное мѣсто въ своихъ проектахъ

¹⁾ Bentham. Théorie des peines et de récompenses. Paris. 1825. T 1. Стр. 12, 14, 16, 18—20, 22. 35, 37—40, 47, 57—62, 68, 87—89, 91—96. 99—101. 104—107. 110—114.

улучшенія уголовного законодательства, такъ напр. Энгельгардтъ въ „Опытъ общаго уголовного права“, построенномъ на міровой мудрости и особенно, естественномъ правѣ (въ 1756 г.), прежде всего устанавливаетъ дѣленіе тѣлесныхъ наказаній на членовредительныя (Gliederstrafen) и болѣзненные (Schmerzenstrafen o. schmerzliche Strafen), съ нѣмецкой педантичностью останавливается на перечисленіи ихъ отдѣльныхъ видовъ и признаетъ членовредительныя наказанія болѣе тяжкими (въ чемъ и раньше никто не сомнѣвался), такъ какъ они недопускаютъ восстановленія прежняго состоянія, а послѣ болѣзненныхъ (по крайней мѣрѣ въ принципѣ) возможно полное выздоровленіе. Въ дальнѣйшемъ изложеніи авторъ, не давая общей оцѣнки тѣлеснаго наказанія, признаетъ ихъ цѣлесообразность какъ бы доказанной и прямо переходитъ къ отдѣльнымъ преступленіямъ; онъ считаетъ отнятіе языка наказаніемъ вполне подходящимъ за богохульство и т. д.¹⁾

Швейцарскіе юристы Глобигъ и Густеръ (1783 г.) находили, что въ правомѣрности тѣлесныхъ наказаній нѣтъ сомнѣнія, но что они не должны быть жестоки. Жестоко наказаніе, когда оно опасно для жизни, когда отнимаетъ руки, ноги, дѣлаетъ невыносимой остальную часть жизни, лишаетъ возможности заработка. Членовредительныя наказанія невыгодны прежде всего потому, что заставляютъ государство содержать на свой счетъ наказаннаго; отступленіе отъ этого взгляда допускается только въ видахъ устрашенія при таліонѣ за тѣлесныя поврежденія (кромѣ кастраціи). Болѣзненные тѣлесныя наказанія авторы допускаютъ до 200 ударовъ плетью или розгами. Тѣлесныя наказанія по ихъ предположенію должны были назначаться вмѣстѣ съ тюрьмой и каторгой, напр. за государственную измѣну они рекомендовали назначать вѣчную каторгу съ еженедѣльнымъ наказаніемъ розгами, съ закованіемъ въ ножны и ручныя

¹⁾ Engelhard, R. Versuch eines allgemeinen peinlichen Rechts auf den Grundsätzen der Weltweisheit insbesondere des Rechts der Natur, Leipz. 1756 стр. 149, 155, 156, 183, 184, 186, 202, 211, 212, 286, 292, 348, 370, 405, 483.

кандалы и желѣзный ошейникъ.¹⁾ Въ 1785 г. появилась работа о преступленіяхъ и наказаніяхъ Гмелина, который находилъ, что „болѣзненные тѣлесныя наказанія со всѣхъ точекъ зрѣнія хороши, вполнѣ удовлетворяютъ конечной цѣли наказанія (устрашенію), не противны человѣчности и разумному государственному управленію и имѣютъ еще особую выгоду въ томъ, что, напр. въ отношеніи числа ударовъ и инструментовъ можно всегда сообразоваться съ обстоятельствами.“ Гмелинъ рѣшительно высказывается противъ членовредительныхъ тѣлесныхъ наказаній, „которыя противорѣчатъ человѣчности и благоразумной уголовной политикѣ“, наказанные навсегда исключаются изъ общества, у нихъ отнимаются всѣ честныя средства къ жизни. Этотъ же авторъ касается и вопроса о болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаніяхъ, какъ дисциплинарной мѣры: родители, по его мнѣнію, могутъ наказывать тѣлесно и взрослыхъ дѣтей, только не причиняя имъ смерти или увѣчья.²⁾

Положеніе вещей рѣзко измѣнилось французской революціей, въ нѣсколько лѣтъ страшная буря смела остатки феодализма и сословный строй государства. Принципъ свободы личности, „правъ человѣка“ былъ торжественно провозглашенъ законодательнымъ собраніемъ. При новомъ порядкѣ не могли удержаться и тѣлесныя наказанія, они были отмѣнены республикой, и ихъ исторія собственно оканчивается для Франціи въ XVIII вѣкѣ. Правда, {при измѣнившихся политическихъ обстоятельствахъ во время Наполеона I уголовный кодексъ 1810 г. сохранилъ отсѣченіе руки передъ казнью у отцеубійцъ и клейменіе³⁾; болѣзненные наказанія остались, какъ дисциплинарныя взыскапія. О тѣлесныхъ наказаніяхъ во Франціи въ XIX в. любопытныя замѣтки находятся въ книгѣ Моленеса, написанной въ 1830 г. „Существуютъ оковы, говоритъ онъ, ужасной тяжести. Въ однихъ тюрьмахъ ихъ надѣваютъ на ноги, въ другихъ на ноги и на руки; каторжные кромѣ

1) Globig und Huster. Abhandlung v. der Criminalgesetzgebung. Zürich, 1783; стр. 73, 74, 172, 181, 188, 195, 196, 212, 236.

2) Gmelin. Grundsätze d. Gesetzgebung üb. Verbrechen und Strafen. Tübingen. 1785. 73—75, 76, 176, 178, 202, 249, 285,

3) Garraud. Précis du droit criminel. Paris. 1888. 3-me edit. стр. 201.

положеннаго по закону сковыванія по-парно и ядеръ, во время пути прикрѣпляются еще другъ къ другу желѣзными ошейниками, которые закрѣпляются сильными ударами молота, при малѣйшей ошибкѣ могущими причинить смерть“. Въ каторгѣ, по его свидѣтельству, болѣзненные наказанія палкою и линьками были обычнымъ явленіемъ и назначались по капризу начальства¹⁾. Но эти обломки прошлаго не встрѣчали сочувствія и поддержки въ общественномъ мнѣніи: въ 1832 г. имъ нанесенъ окончательный ударъ, и въ настоящее время тѣлесныя наказанія во Франціи уничтожены совершенно.

Въ Германіи въ XIX вѣкѣ вымираніе тѣлесныхъ наказаній шло гораздо медленнѣе, что вполнѣ соответствовало общественному и государственному порядку германскихъ земель, внутреннее состояніе которыхъ не измѣнила и война за освобожденіе 1813 г. Но распространеніе просвѣщенія и новыхъ идей, проникавшихъ повсюду, несмотря на строгость цензуры, смягченіе нравовъ, ослабленіе полицейскаго характера управленія сравнительно съ XVIII в. не могли не поколебать и не измѣнить взглядовъ на тѣлесное наказаніе и въ обществѣ и въ законодательствѣ. Съ начала XIX вѣка исчезли уже членовредительныя наказанія „человѣчность и благоразуміе, писалъ Фейербахъ въ своемъ учебникѣ, вывели ихъ изъ употребленія“²⁾. Болѣзненные наказанія оставались въ значительно смягченномъ видѣ. Въ кодексахъ первой половины XIX вѣка они назначались часто за мелкія проступки, напр. въ Ганноверскомъ кодексѣ замѣняли 6-ти недѣльное тюремное заключеніе для бродягъ; вообще они назначались въ дополненіе къ тюремному заключенію и самостоятельно для несовершеннолѣтнихъ 10—15 лѣтъ. Въ такомъ объемѣ тѣлесныя наказанія находили себѣ защитниковъ и среди криминалистовъ, смотрѣвшихъ на низшіе классы, какъ на не вполнѣ правоспособные, такъ напр.

¹⁾ De Molenès. De l'humanité dans les lois criminelles et de la jurisprudence. Paris, 1830. 194—7, 394—398, 490—404. Corre. Les Criminels P. 1889 стр. 148.

²⁾ Feuerbach, A. Lehrbuch d. gemeinen peinlichen Rechts, 10-te Auflage, Giessen, 1828. стр. 101, § 147, 148.

Ярке защищаль примѣненіе болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаній, считая массу народа по развитію равной несовершеннolѣтнимъ ¹⁾, Ширахъ указываль на то, что чувство чести въ массахъ недостаточно развито и считаль тѣлесныя наказанія вполне пригодными за безчестія преступленія указывающія на дерзость и грубость виновника ²⁾. Другіе держались золотой середины и, не становясь ни на ту, ни на другую сторону, признавали отмѣну наказаній несвоевременной, требовали указаній опыта (напр. Вехтеръ), хотя, конечно, трудно было ожидать этихъ указаній, разъ тѣлесныя наказанія продолжали бы примѣняться по прежнему.

Съ 30-хъ годовъ вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ болѣзненныхъ, такъ какъ о членовредительныхъ уже и не вспоминалось, снова выдвинулся въ литературѣ въ связи съ замѣчавшимся въ Германіи оживленіемъ общественной мысли. Въ 1831 г появилась статья извѣстнаго криминалиста Миттермайера, рѣшительно требовавшаго отмѣны тѣлесныхъ наказаній, какъ бесполезныхъ и несоотвѣтствующихъ строю конституціонныхъ государствъ ³⁾. Но эта статья не принесла никакого практическаго результата: борьба была начата еще слишкомъ рано. Она возобновилась съ большимъ успѣхомъ въ 40-хъ годахъ: въ 1841 г. въ томъ же „Архивѣ Уголовнаго Права“, гдѣ писалъ и Миттермайеръ, появилась статья Ягемана, который требоваль уничтоженія тѣлесныхъ наказаній не только по суду, но и какъ дисциплинарной мѣры. „Тѣлесныя наказанія, говорилъ авторъ, на 50 лѣтъ пережили пытку, пора имъ и исчезнуть.“ ⁴⁾ Въ энергичномъ тонѣ статьи слышался боевой вызовъ, смѣлыя слова соотвѣтствовали духу времени, наоборотъ заступники тѣлесныхъ наказаній значительно понизили свой тонъ. Отвѣчавшій Ягеману Гудвалькеръ указываль главнымъ образомъ, на

¹⁾ Jarke, Handbuch d. peinlichen Rechts T. I. c. 265.

Roshirt. Entwikelung d. Gtrundsätze d. Strafrechts. стр. 461—463.

²⁾ Schirach. Handbuch d. Criminalrechts. T. I стр. 175—184.

³⁾ Mittermaier Körperliche Züchtigung als. Strafart. Arch. d. crimin. Rechts 1331. XII. стр. 653.

⁴⁾ Jagemann. Die Strafe der Körperlichen Züchtigung vor dem Forum der Wissenschaft Arch. d. crimin. Rechts. 1841. IX. стр. 230—231.

недостатки тюремнаго заключенія, на грубость простаго народа, на необходимость тѣлеснаго наказанія для бродягъ ¹⁾. Теоретическая борьба скоро рѣшилась въ пользу противниковъ тѣлесныхъ наказаній самою жизнью. Событія 1848 г. вызвали уничтоженіе тѣлесныхъ наказаній, какъ самостоятельной кары. Возвращеніе къ нимъ въ послѣдующій затѣмъ періодъ реакціи было кратковременно и не имѣло большаго значенія. Въ 1871 г. обще-германскій кодексъ окончательно отмѣнилъ тѣлесныя наказанія во всей Германіи. Такое отношеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ въ законодательствѣ вполнѣ поддерживалось и въ литературѣ: противъ нихъ высказывались лучшіе представители науки уголовного права 50—70 годовъ, ²⁾ и авторъ энциклопедіи германскихъ законовъ, Блуме (1854 г.), имѣлъ полное право замѣтить „что новые кодексы послѣ неоднократно возобновляемой борьбы отказались отъ тѣлесныхъ наказаній“. Этотъ же авторъ указываетъ и на бесполезность тѣлесныхъ наказаній въ тюрьмахъ, гдѣ они зависятъ отъ усмотрѣнія начальства ³⁾.

Слѣдовало бы ожидать, что въ настоящее время въ Германіи вопросъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ, постепенная отмѣна которыхъ совершалась весьма медленно и послѣ упорной борьбы, долженъ бы считаться исчерпаннымъ, и дальнѣйшія усилія науки и закона должны бы направляться на уничтоженіе ихъ остатковъ въ тюрьмахъ, школахъ и т. д., въ дѣйствительности однако, стало замѣтно движеніе въ пользу тѣлесныхъ наказаній. Преступность въ Германіи увеличивается; этотъ несомнѣнный фактъ указываетъ на нецѣлесообразность мѣръ, употребляемыхъ для борьбы съ нею; на этой почвѣ представители реакціонныхъ теченій, забывая долгую кровавую практику предшествовавшихъ столѣтій, печальный примѣръ которыхъ достаточно, кажется, долженъ предохранить отъ всякихъ иллюзій на счетъ успѣшности

²⁾ Hndtwalker. Noch ein Wortüber die Körperliche Züchtigung als Strafe. Arch. 1842. IV, стр. 164—187.

³⁾ Сравни. Бернеръ. Учебникъ Уголовн. права. СПб. 1865 г. I. стр. 735—37.

³⁾ Bluhme, Dr. Encyklopaedie des in Deutschland geltenden Rechts. Abt. I. Berlin. 1854. стр. 47.

устрашительныхъ каръ, стали обвинять дѣйствующую систему наказаній въ слабости и требовать усиленія строгости, устрашенія. Типичнымъ выразителемъ этихъ мнѣній явился членъ рейгстага Миттельштедтъ въ своемъ памфлетѣ противъ тюремнаго заключенія (въ 1879 г.). Наказаніе, по его мнѣнію, можетъ имѣть двѣ цѣли: устрашеніе и исправленіе. Первая господствовала прежде, когда „наивныя головы“ не разсуждали о томъ, какъ дѣйствуютъ угрозы наказанія, психологически или фізіологически (стр. 19). Новое время задумало возвратить заблудшихъ дѣтей въ общество. Это абсурдъ. Наказаніе, чего бы оно не касалось, всегда было и будетъ зломъ, страданіемъ, ни больше ни меньше (стр. 23). Поэтому прежде всего тюрьму слѣдовало бы сдѣлать мѣстомъ лишенія съ тяжкимъ трудомъ, напр. съ горными или земледѣльческими работами. Также необходимо самое ограниченное питаніе, голодъ здѣсь совершенно умѣстенъ (стр. 66—67). Кромѣ того нужна смертная казнь: „если топоръ или гильотина будутъ работать нѣкоторое время sans phrases, то мы сможемъ со здоровыми нервами, твердымъ безпристрастіемъ и ясностью мысли обсудить въ какихъ предѣлахъ принять эту „ultima ratio“ земной справедливости (77). Но авторъ полагаетъ, что и этого мало: „въ глубинѣ народной души все замѣтнѣе, говоритъ онъ, становится движеніе противъ нелѣпой гуманности, и это движеніе выражается въ требованіи возстановить родъ наказаній, на который привыкли смотрѣть, какъ на пережитое варварство. Возстановленіе тѣлеснаго наказанія—таково требованіе народа!“ Долгое тюремное заключеніе безконечно болѣе мучительное и болѣе разрушающее здоровье наказаніе, чѣмъ тѣлесное въ какой бы то ни было формѣ. Не нужно, конечно, возстановлять тѣлесное наказаніе для всѣхъ, не различая пола и возраста. Но очень серьезенъ вопросъ, не будетъ ли для полузрѣлаго юношества порція розогъ болѣе дѣйствительнымъ, подходящимъ и гуманнымъ наказаніемъ, чѣмъ тюрьма за такія дерзкія преступленія, какъ злостное поврежденіе вещей, тѣлесныя поврежденія и т. п. Загадка, почему въ предѣлахъ, въ которыхъ, несмотря ни на что, дѣйствующее право и обычай, предоставляетъ взрослымъ надъ несовершеннолѣтними, право тѣлеснаго наказанія въ семьѣ,

школъ и мастерской,—въ этомъ отказывается государству? (стр. 82). Если судъ предоставлено закономъ опредѣлить степень нравственной зрѣлости несовершеннолѣтняго, то отчего не дать ему права приговаривать къ тѣлеснымъ наказаніямъ? Главное дѣло въ принципѣ: не важно, чтобы непременно били, но важно, чтобы могли бить, слѣдуетъ сдѣлать только одинъ шагъ и дозволить суду назначать при позорныхъ преступленіяхъ дополнительное тѣлесное наказаніе (стр. 84) ¹⁾. Нападенія Миттельштедта на слабыя стороны тюремнаго заключенія нельзя не назвать преувеличенными. Ростъ преступности не можетъ быть остановленъ однимъ только хорошимъ устройствомъ тюремъ, по этому одному нельзя обвинять современную карательную систему въ полной непригодности, такъ какъ преступность обуславливается массой причинъ, которымъ тюрьма можетъ только противодействовать, но устраненіе которыхъ не въ ея власти.

Еще менѣе убѣдительны аргументы Миттельштедта въ пользу тѣлесныхъ наказаній: его главный доводъ—требованіе народа—ни въ чемъ не проявлялось, и Миттельштедту можно возразить, что онъ принялъ собственныя желанія за голосъ народа; общественное мнѣніе противъ него, это сознается и Миттельштедтомъ: на каждой страницѣ онъ упрекаетъ современниковъ въ слабонервности, безсиліи, недостаткѣ пониманія, предрасудкахъ и т. п. Аргументація, построенная на томъ, что тѣлесныя наказанія существуютъ въ исправительныхъ домахъ, семьѣ, школъ и мастерской, также не серьезна, такъ какъ существованіе тѣлесныхъ наказаній и здѣсь является остаткомъ прошлаго, исчезновеніе котораго не принесло бы ничего кромѣ пользы; расширять на этомъ основаніи примѣненіе тѣлесныхъ наказаній значило бы сдѣлать шагъ назадъ въ общественномъ развитіи. Дѣйствительность тѣлесныхъ наказаній ровно ничѣмъ не доказывается, а однѣ отрицательныя стороны настоящей системы наказанія не обуславливаютъ еще успѣха для старыхъ устрашительныхъ мѣропріятій, которыми челоѣчество долго и тщетно боролось съ преступностью.

²⁾ Mittelstädt. O. Dr. Gegen die Freiheitsstrafen. Leipzig. 1879.

Памфлетъ Миттельштедта, написанный горячо и рѣшительно, обратилъ на себя вниманіе и вызвалъ цѣлый рядъ возраженій со стороны защитниковъ тюремнаго заключенія. Противъ него писали извѣстные германскіе юристы тюрьмовѣды: Swarze¹⁾, Кроне²⁾, Штренигъ³⁾, проф. Зонтагъ⁴⁾ и др. Но мнѣнія Миттельштедта нашли поддержку въ средѣ тюремныхъ дѣятелей, хотя и не безусловно: они на съѣздѣ въ 1877 г. высказались за желательность тѣлеснаго наказанія для несовершеннолѣтнихъ. Въ 1890 г. въ такомъ же смыслѣ состоялись постановленія тюремнаго общества въ провинціи Саксоніи и Ангальта. Въ 1891 г. Рейнско-Вестфальское тюремное общество послѣ обсужденія доклада Шмольдера⁵⁾ признало нужнымъ примѣнять тѣлесныя наказанія: 1) въ исправительныхъ домахъ, 2) въ тюрьмахъ для несовершеннолѣтнихъ арестантовъ (для взрослыхъ въ тяжкихъ случаяхъ неповиновенія).

Тѣлесныя же наказанія разсматриваются, какъ необходимая мѣра, многими австрійскими тюремными дѣятелями и писателями, напр. Гиллеръ въ своей монографіи о дисциплинарныхъ наказаніяхъ требуетъ распространенія тѣлесныхъ наказаній на всѣ тюрьмы, арестные и рабочіе дома, исключая только послѣдственныхъ арестантовъ⁶⁾.

Къ защитникамъ тѣлесныхъ наказаній примыкаетъ и проф. Листъ, высказывающій въ своемъ учебникѣ положеніе, что едва ли можно обойтись безъ тѣлеснаго наказанія въ тѣхъ случаяхъ, когда напр. приходится наказывать неисправимыхъ преступниковъ или несовершеннолѣтнихъ, чувствующихъ боль наказанія, но не его позорность⁷⁾. Бла-

¹⁾ Schwarze, Die Freiheitsstrafe. Leipzig. 1880.

²⁾ Krohne, Der gegenwärtige Stand d. Gefängniswissenschaft. Zeitschrift f. d. Strafrechtswissenschaft. В I. стр. 53 и слѣд.

³⁾ Streng, Kritik der Abhandlung Mittelstädt's. Beilage zur Allzeitung 1880.

⁴⁾ Sontag, R. Dr, Für die Freiheitsstrafen. Berlin. u. Leipzig. 1881.

⁵⁾ Schmölder, Die Körperliche Züchtigung als richtiges Strafmittel und Disciplinarmittel in Strafanstalten. Düsseldorf.

⁶⁾ Hiller, die Disciplinarstrafen in den Oesterreichischen Strafanstalten und Gerichtsgefängnissen. Leipzig und Wien. 1894.

⁷⁾ Liszt, Lehrbuch deutschen Strafrechts. Berlin. 1891. 4 Aufl. стр. 258.

годаря такому направленію тѣлесныя наказанія, какъ дисциплинарная мѣра, остаются въ германскихъ исправительныхъ домахъ и исполняются согласно отдѣльнымъ уставамъ плетью, ремнями, розгами, палками—до 50 ударовъ, хотя нужно сказать, что авторитетные тюрьмовѣды рѣшительно высказываются противъ нихъ, напр. въ руководствѣ тюрьмовѣднія Гольцендорфа и Ягемана тѣлесныя наказанія называются „варварской карательной мѣрой“, недопустимой въ культурныхъ государствахъ и совершенно недостигающей цѣли ¹⁾).

Современное состояніе вопроса о тѣлесныхъ наказаніяхъ на западѣ представляетъ, такимъ образомъ, кое-какіе тревожные симптомы, говорящіе о желаніи нѣкоторыхъ возвратиться на давно пройденную дорогу, но эти желанія захватываютъ лишь небольшое число публицистовъ опредѣленнаго оттѣнка, тюремныхъ служащихъ, которые наслѣдовали отъ педагоговъ прошлыхъ столѣтій вѣру въ спасительность палки и т. п.; движеніе это не глубоко, и все прошлое тѣлесныхъ наказаній громко свидѣтельствуетъ, что они не могутъ вернуться, потому что нѣтъ болѣе и не будетъ условій, поддерживавшихъ ихъ существованіе прежде.

Резюмируя все сказанное можно представить общій ходъ развитія тѣлесныхъ наказаній въ такой схемѣ: они появляются въ семьѣ, въ родѣ, для подчиненныхъ лицъ и для рабовъ; когда же государственная власть пріобрѣтаетъ право и возможность наказывать по усмотрѣнію, благодаря грубости нравовъ они переходятъ въ общую карательную систему. Высшіе, сохранившіе болѣе правъ, классы по большей части избѣгаютъ общей участи, и тѣлесныя наказанія къ нимъ не примѣняются. Но когда государство окончательно складывается, и населеніе получаетъ возможность направить свои силы на внутреннее развитіе, съ увеличеніемъ экономическаго благосостоянія и развитіемъ образованія въ среднихъ и низшихъ классахъ, начинается процессъ вымиранія тѣлесныхъ наказаній, вызываемый стремленіемъ всѣхъ классовъ населенія пріобрѣсти гражданскія права, развитіемъ со-

¹⁾ Holtzendorf, C. u. Jagemann, E. Handbuch des Gefängniswesens. Hamburg, 1888, II. стр. 93—95.

знанія о правахъ человѣческой личности независимо отъ ея положенія; наконецъ, тѣлесныя наказанія постепенно исчезаютъ, когда государственный строй становится правовымъ. Въ такомъ положеніи находятся современные европейскія государства, и потому тѣлесныя наказанія, если и сохраняются въ нихъ, то какъ переживаніе прошлаго, уничтоженіе котораго только вопросъ времени. Если ихъ иногда и начинаютъ поддерживать, то только въ силу временныхъ обстоятельствъ, напр. при увеличеніи преступности или какого либо рода опасныхъ преступленій, вызывающихъ страхъ въ населеніи, подъ вліяніемъ котораго, часто по старой привычкѣ обращаются къ устрашенію во что бы ни стало. Таково напр. происхожденіе закона 1863 г. о гарротерахъ въ Англіи.

Исторіей тѣлесныхъ наказаній доказывается, что они, составляя неизбежное явленіе на извѣстномъ уровнѣ культуры, осуждены на вымирание въ цивилизованныхъ государствахъ, законы которыхъ равно охраняютъ личность гражданина къ какому бы сословію или классу онъ ни принадлежалъ. Это главное основаніе ихъ непримѣнности въ настоящее время, когда отъ наказанія требуется не одна примѣрность, и охраняются не только интересы государства, но и наказываемаго. Около названнаго положенія и группируются другіе доводы противъ тѣлеснаго наказанія ¹⁾. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что возбуждаютъ сомнѣніе и находятъ защитниковъ только болѣзненные тѣлесныя наказанія и то въ сравнительно легкой формѣ, ²⁾ назначаемыя судомъ или въ дисциплинарномъ порядкѣ въ тюрьмахъ, въ войскѣ или въ школахъ, и что противъ принятія и сохраненія ихъ въ такихъ тѣлесныхъ предѣлахъ высказалось, по за-

¹⁾ *Кистяковскій*. Элементарный учебникъ. Кіевъ. 1882 стр. 800—445. *Неклюдовъ*, *Н.* Учебникъ уголовного права Бернера съ примѣчаніями. СПб. 1865. стр. 668—686. *Сергѣевскій*, *Н.* Русское уголовное право. Часть общая. СПб. 1890, стр. 138—147. *Ступинъ*. Тѣлесныя наказанія. Владикавказъ. 1887. *Таланцевъ*, *Н.* Лекціи IV. стр. 1450—1459. *Фойницкій*, *И.* Ученіе о наказаніи. стр. 153—162. Noelner. Bemerkungen ub. strafart d. Körperlichen Züchtigung. Arch. 1843, X. стр. 191—203.

²⁾ *Кистяковскій*, о. с. стр. 801. § 442.

мѣчанію Н. С. Таганцева, подавляющее большинство криминалистов¹⁾). Доводы противъ тѣлесныхъ наказаній можно свести къ слѣдующимъ:

1) Тѣлесныя наказанія не пригодны въ настоящее время, потому что болѣе образованные классы общества не допускаютъ ихъ примѣненія къ себѣ, оставленіе же ихъ только для низшихъ—недопустимо въ правовомъ государствѣ, въ которомъ равенство всѣхъ передъ закономъ—признанная аксіома. Экономическія выгоды тѣлесныхъ наказаній для бѣдныхъ рабочихъ, которыхъ заключеніе въ тюрьму лишаетъ заработка, вообще не уравниваютъ наносимаго имъ позора и униженія; примѣненіе тѣлесныхъ болѣзненныхъ наказаній къ низшимъ классамъ, по выраженію Кистяковскаго, равносильно оставленію ихъ въ рабскомъ состояніи. Этотъ политическій доводъ былъ выдвинуть уже Миттермайеромъ.

2) Тѣлесныя наказанія не соотвѣтствуютъ умственному и нравственному развитію современнаго общества, они являются олицетвореніемъ грубой силы, дѣйствуютъ развращающе и на наказанныхъ и на наказываемыхъ, приучая къ произволу, къ неуваженію къ закону, поддерживаютъ привычку къ кулачной расправѣ; въ исполнителяхъ они нерѣдко возбуждаютъ отвращеніе, желаніе обойти законъ, въ массѣ — ропоть и недовольство. Этотъ доводъ нравственнаго характера въ связи съ первымъ дѣлаютъ уже само по себѣ тѣлесное наказаніе непримѣнимымъ. Остальныя соображенія являются дополнительными. Сюда относятся указанія на то, что а) тѣлесными наказаніями не достигается устрашеніе, единственно возможная для нихъ цѣль (Миттермайеръ, Нельнеръ);²⁾ правда защитники ихъ не согласны съ этимъ положеніемъ (Гудтвалькеръ, Миттельштедтъ), но они выставляютъ только голословныя утвержденія, тогда какъ противъ нихъ говорить исторія тѣлесныхъ наказаній; б) тѣлесныя наказанія неравномѣрны: дѣйствуютъ на наказываемыхъ чрезвычайно различно, по ихъ индивидуальнымъ особенностямъ „для закоренѣлыхъ преступниковъ, говоритъ проф. Кистяковскій, небольшое число ударовъ (къ которому, по большей части, сводится

1) Таганцевъ, Н. Лекціи. IV вып. СПб. 1892. стр. 1451—1452.

2) Сравни. Таганцевъ. Лекціи. стр. 1457. Кистяковскій. Учебникъ. стр. 852.

наказаніе въ настоящее время), лишено... даже физическаго значенія, для случайныхъ правонарушителей они являются... тяжелой безчестящей карой". Возраженіе, что и другія наказанія дѣйствуютъ также, не поправляетъ дѣла, такъ какъ элементъ безчестія, униженія, сильнѣе всего проявляется въ тѣлесныхъ наказаніяхъ и потому примѣненіе ихъ чувствуется особенно тяжело менѣе испорченными преступниками. с) Сила тѣлеснаго наказанія слишкомъ много зависитъ отъ палача, его умѣнья и честности, на которую едва ли можно рассчитывать. Единственнымъ средствомъ противъ этого было бы введеніе предлагаемыхъ Бентамомъ сѣкущихъ машинъ, но и оно не уничтожаетъ вполне неравномѣрности наказанія, такъ какъ одинъ и тотъ же ударъ совершенно иначе переносится слабымъ или сильнымъ человѣкомъ, взрослымъ или ребенкомъ. d) Наконецъ, примѣненіе ихъ даже къ несовершеннолѣтнимъ и къ дѣтямъ, какъ выясняетъ опытъ, также не только бесполезно, но и вредно, какъ и для взрослыхъ (Миттермайеръ, Ягеманъ, Нельверъ). Современный педагогъ имѣетъ болѣе дѣйствительныя средства для воспитанія, чѣмъ розги, и въ настоящее время безъ нихъ легко обходится и учитель и воспитатель.

Таковы главные аргументы, подтверждающіе непригодность тѣлесныхъ наказаній и объясняющіе ихъ исчезновеніе изъ европейскихъ кодексовъ. Нѣтъ надобности повторять, что исчезновеніе это не результатъ предубѣжденій или односторонности законодателя, — оно обусловлено и не преобладаніемъ политическаго либерализма, но глубоко связано съ положеніемъ личности въ государствѣ, является результатомъ долгаго историческаго процесса, составляетъ приобрѣтеніе цивилизаціи, не зависящее отъ господства тѣхъ или другихъ партій и направленій.

Отдѣлъ II.

Исторія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи.

ГЛАВА I.

Періодъ развитія и господства тѣлесныхъ наказаній.

Тѣлесныя наказанія въ русскомъ правѣ нѣсколько столѣтій были центромъ системы, на которомъ зиждилась мощь уголовной юстиціи, охрана порядка и государственнаго благосостоянія. Никто не избавлялся отъ нихъ, они грозили въ столькихъ случаяхъ и по такимъ разнообразнымъ поводамъ, что мудрено было прожить въ Московскомъ государствѣ, не испытавъ въ какой либо формѣ тѣлеснаго наказанія. Были они распространены и въ западно-европейскомъ правѣ, но тамъ примѣненіе ихъ не допускалось для высшихъ сословій, они не были всеобъемлющими; отличалось западно-европейское право отъ русскаго, пожалуй, и большею изысканностью въ жестокости членовредительныхъ наказаній: тамъ отсѣкалось у виновныхъ все, что можно было отсѣчь; членовредительныя наказанія могли оставить преступнику почти одно обезображенное туловище, обреченное на мучительную агонію. Въ русскомъ правѣ наказанія были жестоки, почти равнялись смертной казни, но въ то же время очень просты, выражались 2—3 словами: бить кнутомъ нещадно—вотъ формула, могущая стоить жизни преступнику; на западѣ приговоры подробно и велерѣчиво описывали предстоящія мученія. Не было въ Россіи и особенныхъ церемоній при выполненіи наказаній; обстановка, заимствованная съ запада, появилась лишь впоследствии, когда рядомъ съ устрашеніемъ поставлено было и опозореніе наказаннаго, до этого тѣлесное наказаніе было обыденнымъ дѣломъ, не тре-

бывавшимъ никакихъ особенныхъ подчеркиваній. Считалось достаточнымъ, что его совершали всенародно, на поученіе и примѣръ другимъ, а въ менѣе важныхъ случаяхъ эта сторона совершенно игнорировалась. И эта простота, это равнодушно-спокойное отношеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ, быть можетъ, не мало послужило ихъ распространенію и сохраненію въ широкихъ предѣлахъ на долгое время, дѣлало ихъ какъ бы не замѣтными, тогда какъ на западѣ на нихъ уже направлялись непрерывные удары критической оцѣнки литературы и общественнаго мнѣнія.

Апогея своего значенія тѣлесныя наказанія достигли въ Россіи въ XVII и XVIII вѣкахъ, затѣмъ, постепенно сокращаясь и исчезая, они дожили до нашихъ дней. Эпоху существованія ихъ, охватывающую около восьми вѣковъ, можно раздѣлить на 2 періода не одинаковой продолжительности: на время ихъ развитія и процвѣтанія и постепеннаго паденія, вымиранія. Этимъ естественнымъ дѣленіемъ исторіи тѣлесныхъ наказаній я воспользуюсь въ интересахъ удобства изложенія. Первый періодъ развитія и процвѣтанія тѣлесныхъ наказаній простирается приблизительно до половины XVIII стол., второй съ половины XVIII стол. до настоящаго времени. Но, устанавливая названные періоды, считая первый закончившимся въ царствованіе Елизаветы, второй продолжающимся и теперь, я не имѣю въ виду разграничить ихъ какими либо точными датами. Между періодами процвѣтанія и вымиранія нѣтъ рѣзкихъ переходовъ: каждая послѣдующая эпоха тѣсно связана съ предыдущей; явленія, относящіяся по своему характеру ко второму періоду, встрѣчаются уже задолго до окончанія перваго, и многія особенности и условія, въ которыхъ находились тѣлесныя наказанія въ первомъ періодѣ, сохраняются и во времена ихъ вымиранія. Рѣшающее значеніе для принятой мною периодизаціи имѣетъ преобладающій общій характеръ эпохи.

Настоящая глава будетъ занята исторіей тѣлесныхъ наказаній во время ихъ процвѣтанія, до царствованія Екатерины II, когда ясно обозначилось движеніе въ законодательствѣ и обществѣ противъ тѣлесныхъ наказаній, вторая глава — исторіей тѣлесныхъ наказаній въ періодъ ихъ вымиранія до послѣдняго времени.

Время появленія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи, какъ и въ западной Европѣ, нельзя ни опредѣлить съ удовлетворительною точностью, ни пріурочить ихъ происхожденіе къ какой либо позднѣйшей эпохѣ, какъ это предлагается въ русской литературѣ, въ которой время появленія тѣлесныхъ наказаній связывается съ татарскимъ игомъ. „Славяно-русы до порабощенія монголами, говоритъ проф. Максимовичъ, имѣли рѣшительное отвращеніе отъ всякаго тѣлеснаго наказанія. До татарскаго періода въ этомъ отношеніи не имѣли вліянія на наше законодательство даже греко-римскіе законы... причина (появленія тѣлесныхъ наказаній) заключается въ чашѣ гнѣва Божія, излитой въ XIII вѣкѣ... однимъ изъ слѣдствій ига было ожесточеніе сердець и нравственное униженіе народа... При такомъ состояніи... тѣлесныя наказанія начали переходить въ свѣтское законодательство. Случаи употребленія ихъ были указываемы греко-римскими законами“ ¹⁾. По мнѣнію проф. Леонтовича причина страшной жестокости наказаній позднѣйшаго періода заключается въ томъ, что „монгольскіе баскаки и прочіе даватели слишкомъ долго практиковали надъ данниками свою національную систему страшныхъ казней, пытокъ и правей, чтобы она не могла привиться къ русскимъ обычаямъ. Московскіе князья могли лишь санкціонировать въ своихъ судебныхникахъ и грамотахъ то, что издавна практиковалось въ жизни“ ²⁾.

Такой взглядъ поддерживается и другими писателями, напр. проф. Владимірскимъ-Будановымъ, Карамзинымъ, Тобинымъ и проф. Фойницкимъ, противъ него высказались извѣстный историкъ С. М. Соловьевъ и проф. Сергѣевскій ³⁾,

¹⁾ *Максимовичъ*. Рѣчь объ уголовномъ наказаніи въ Россіи. Кіевъ, 1853, стр. 94.

²⁾ *Леонтовичъ*. Къ исторіи права русскихъ инородцевъ. Одесса. 1879, стр. 271.

³⁾ Мнѣніе Максимовича поддерживаютъ.

Тобинъ. (Ж. М. Н. Пр. 1847, 6, стр. 180.)

Фойницкій, П. Ученіе о наказаніи, стр. 155—162.

Карамзинъ. Исторія Государства Россійскаго. V, IV, стр. 217.

Будановъ. Обзоръ исторіи русскаго права. Кіевъ. 1886 г., стр. 82.

Сонтга: Соловьевъ. Исторія Т. IV, стр. 373.

Сергѣевскій. Русское уголовное право, стр. 141.

отстаивавшіе мысль, что тѣлесныя наказанія существовали и до татаръ; это положеніе представится вполне вѣроятнымъ, если обратиться къ разсмотрѣнію условій русской жизни до татарскаго нашествія. Мы разсмотрѣли факторы, при содѣйствіи которыхъ тѣлесныя наказанія развивались естественнымъ путемъ на западѣ; они заключались въ существованіи рабства, въ укрѣпленіи верховной власти, исчезновеніи мести, неудовлетворительности системы выкуповъ и, наконецъ, малокультурности общества. Въ подобныхъ же условіяхъ находилась и Россія въ XI и XII вѣкахъ: княжеская власть рано достигла въ ней значительной силы; князья отправляли правосудіе, по свидѣтельству арабскаго путешественника Ибнъ Вакшіа (930 г.) они могли казнить разбойниковъ¹⁾; такія же извѣстія сохранились и объ эпохѣ Владиміра Св. Въ Русской Правдѣ упоминается на ряду съ выкупами и личное наказаніе—потокъ, назначавшійся за важнѣйшія преступленія и выражавшійся въ самыхъ различныхъ формахъ: въ изгнаніи, заточеніи, въ преданіи смерти. Что власть князя была достаточно велика въ XII вѣкѣ доказывается поученіемъ Владиміра Мономаха, совѣтывавшаго своимъ дѣтямъ никого не убивать, не разслѣдовавъ его виновности. Духовенство, проникнутое греко-римскими возрѣніями на наказаніе, вліяло на измѣненіе прежнихъ порядковъ, какъ и на западѣ, косвенно, поддерживая княжескую власть и внушая князьямъ мысль о правѣ казнить преступниковъ: „ты еси поставленъ на казнь злымъ“, говорили епископы еще Владиміру Св., и прямо—перенесеніемъ на русскую почву византійскихъ правовыхъ началъ въ номоканонахъ, которыми духовенство пользовалось въ своихъ судахъ; компетенція послѣднихъ была весьма обширная и распространялась какъ на духовныхъ, такъ и на свѣтскихъ

¹⁾ *Макушевъ*. Сказанія иностранцевъ о Россіи. Спб. 1860 г. стр. 162.

Сертевичъ, В. Исторія русскаго права. Спб. 1887, стр. 663.

Хальбниковъ. Общество и государство въ до Монгольскій періодъ. М. 1872, стр. 119.

лицъ ¹⁾. До нашего времени между прочимъ дошелъ отрывокъ суднаго закона, въ которомъ за многія преступленія назначались тѣлесныя наказанія. Среди духовенства уже въ XI вѣкѣ встрѣчаются случаи примѣненія жестокихъ членовредительныхъ наказаній, напр. Новгородскій епископъ Лука Жидята приказалъ отрѣзать ложно обвинившему его холопу, обѣ руки и носъ, въ XII вѣкѣ часто на византійскій манеръ расправлялся съ подчиненнымъ духовенствомъ Владимірскій епископъ Θεодорецъ²⁾. „Источники византійскаго права, замѣчаетъ проф. Шпилевскій, заговорили о новыхъ преступленіяхъ, указывали на новые виды наказаній“; значеніе византизма побудило даже Калачова³⁾ къ утверженію, что сравнительно съ нимъ татарское иго было второстепеннымъ условіемъ, что несомнѣнно преувеличено.

Существовало въ это время и рабство, и къ рабамъ примѣнялись тѣлесныя наказанія по усмотрѣнію хозяина, законъ въ это не вмѣшивался, такъ какъ холопы были собственностью: за убійство ихъ не платилось виры „а въ холопѣ и рабѣ виры нѣтъ“⁴⁾, вопросъ о правѣ могъ возникать только, когда холопъ сталкивался съ постороннимъ: если холопъ, ударивъ свободнаго человѣка бѣжить къ своему господину, а тотъ не выдастъ его, то платить 12 гривенъ, оскорбленный же могъ убить холопа, гдѣ его застигнетъ, не платя вознагражденія. Это право мести при сыновьяхъ Ярослава было замѣнено правомъ наказать холопа тѣлесно, при-

¹⁾ *Заоскинъ*. Исторія права Московскаго Государства. I, Казань. 1877. стр. 87, 113, 116, 216—229.

Калачовъ. О значеніи кормчей книги въ системѣ древне-русскаго права. М. 1850. стр. 14.

Дополненія къ актамъ историческ. Т I, стр. 4.

Будановъ. Хрестоматія Т. I. стр. 212—216, 226—231, 246.

²⁾ Русскія достопамятности. Г. II. стр. 25. М. 1843 г.

Богдановскій. Развѣтіе понятія о преступленіи и наказаніи. М. 1857. стр. 63.
Карамзинъ. т. II. пр. 144.

Полное собраніе лѣтописей—Т. VII Воскресенскій списокъ. стр. 85.

³⁾ *Шпилевскій*. Объ источникахъ русскаго права. Записки Казанскаго университета. 1862. стр. 272—294.

Калачовъ. Дополненія къ Денгу. Архивъ. III. 1861 г. отд. IV, стр. 15.

⁴⁾ *Сергеевичъ*, В. о. с. стр. 686.

чемъ указывался и самый способъ: бить слѣдовало „развя-
завши“. Тѣлесныя наказанія допускались и для временно
несвободныхъ закуповъ, которыхъ хозяинъ имѣлъ право бить
за дѣло, не въ пьяномъ видѣ¹⁾.

Господствовавшая система выкуповъ въ тѣхъ случаяхъ,
когда несоотвѣтствіе между цѣной преступленія и иму-
ществомъ виновнаго была слишкомъ рѣзка, тоже должна
была приводить къ смертной казни или тѣлесному наказанію
въ обществѣ, не отличавшемся мягкостью нравовъ. Грубость
и жестокость проявлялась особенно въ столкновеніяхъ кня-
зей между собой, напр. передъ Липецкой битвой князья-
союзники уговорились не щадить никого и не оставлять въ
живыхъ схваченныхъ въ плѣнъ, а вѣшать и распинать ихъ.
Въ 1169 г., когда въ междуусобной борьбѣ былъ взятъ
Кіевъ, побѣдители грабили его 2 дня, церкви жгли, жи-
телей однихъ били, другихъ вязали и вели въ плѣнъ²⁾; это
было на войнѣ, но противъ соотечественниковъ изъ за кня-
жескихъ счетовъ, и приводимые примѣры могутъ служить
потому достаточно рельефнымъ отраженіемъ нравовъ того
времени.

Самое наказаніе рисовалось въ тѣ эпохи не иначе
какъ въ формѣ матеріальныхъ страданій, напр. въ 1093 г.
лѣтописецъ отмѣчаетъ по поводу нашествія половцевъ „се
бо на ны Богъ попусти поганныхъ, не яко милуя ихъ, но
насъ кажа.... симъ казнить нахожденіемъ поганныхъ се бо
есть батога его“. Наконецъ, въ лѣтописяхъ встрѣчаются
указанія на ослѣпленіе, хотя по политическимъ сообра-
женіямъ, что говоритъ и вообще о возможности членовре-
дительныхъ тѣлесныхъ наказаній. Въ Русской правдѣ въ
древнѣйшихъ спискахъ говорится о кнутѣ, въ ней есть
статья („а у колокольницы бьютъ кнутомъ безъ князя
слова, а за ту муку 80 гривенъ“), правда, не вполнѣ для
насъ понятная, но изъ которой можно заключить, что за-

¹⁾ Русская правда. Карамзинскій списокъ, ст. 73.

Владимірскій-Будановъ. Хрестоматія. В. I. 1889.

Русская правда. Академическій списокъ. ст. 16, 28.

²⁾ *Полодинъ.* Древняя русская исторія. стр. 1257.

Соловьевъ, о. с. Т. II. стр. 219, 338.

прецалось подь угрозой наивысшаго выкупа въ 80 гривенъ—битье кнудомъ безъ „княжа слова“, т. е. самовольная „мука“, а это наводитъ на мысль о возможности такого битья по приказанію князя, на правомѣрныхъ основаніяхъ ¹⁾.

Развитіе тѣлесныхъ наказаній безъ татарскаго ига представляетъ Литовская Русь, сравнительно мало пострадавшая отъ него; между тѣмъ Литовскій статуть (XVI стол.) знаетъ какъ членовредительныя наказанія: отсѣченіе руки, уха, носа, ушей и губъ, таліонъ при тѣлесныхъ поврежденіяхъ, такъ и публичное наказаніе розгами (съ исключеніемъ высшихъ сословій).²⁾

Скудость лѣтописныхъ извѣстій о карательной дѣятельности князей не можетъ быть признана доказывающей

¹⁾ Русская Правда. Карамз. списокъ, стр. 135. Иб. Академич. списокъ, 5. Будановъ. о. с. стр. 82, 126, 127. Карамзинъ. Исторія. Т. V. гл. IV. стр. 217. Соловьевъ. о. с. Т. IV. изд. 2-е, стр. 373. Т. стр. 373. Т. I. стр. 244. Т. III, изд. 4, стр. 141.

Здѣсь любопытно отмѣтить, что названіе главныхъ орудій для тѣлесныхъ наказаній, кнута и батога, было извѣстно задолго до татаръ.

²⁾ Карамзинъ. IX. стр. 97. Въ XVI в. въ западной Россіи въ постановленіяхъ Литовскаго статута (Статуть велик. Княжества Литовскаго, Спб. 1811. Демченко. Наказаніе по Литовскому статуту. стр. 201—209) разныхъ редакцій членовредительныя наказанія встрѣчаются довольно часто. Во 1-хъ тамъ проводится идея таліона при тѣлесныхъ поврежденіяхъ (I, XXVII), введенное въ него закономъ Моисеевымъ „слѣдуя закону Божьему.“ Впрочемъ за неумышленное убійство, напр. въ дракѣ, виновный подлежалъ только штрафу. (IV, XXVII 8). Затѣмъ статуть знаетъ отсѣченіе руки, назначаемое за обнаженія оружія на судѣ (Art, LVII, 1), поднятіе слугою оружія на господина (Art. II, XI, 9). За покушеніе на убійство дворянина отсѣкается рука, если онъ покушался на дворянина, за простаго только платить штрафъ; если простолюдинъ покусился на дворянина—смерть, за простолюдина терять руку (Art, II, XI, 16, XXXIX, 3). Тоже за побой, нанесенные дворянину (Art. II. XLIX, 1) За первую кражу во дворцѣ полагалось отрѣзать ухо (Art. XIV, XXII, 1); за сводничество вдовъ и дѣвицъ—урѣзаніе носа, ушей, губъ и изгнаніе изъ города, за повтореніе—смертная казнь (Art. XIV, XXXI. 1, 2). По Литовскому статуту также были извѣстны тѣлесныя болѣзненные наказанія, но тамъ, во 1-хъ, не употреблялся кнуть, а во 2-хъ, шляхта, свободная политически, не допускала примѣненія къ себѣ такого унижительнаго наказанія, какъ тѣлесныя. О тѣлесномъ наказаніи говорится: въ III Art. XXII; XII Art. XXIV, 6; XIV Art. VII с. XIV Art XXVI, 4. XIV, XXVI, 6; XIV, X, 1; XIV, XI. 1; III, XXXII, 3; XII, XXXII, 1; XII, XXII, 3; II, LVI. и др.

отсутствіе другихъ наказаній, кромѣ выкуповъ, которые въ такомъ случаѣ оказались бы почти внезапно исчезнувшими изъ русскаго права, безъ переходной эпохи къ личнымъ наказаніямъ. Лѣтопись отмѣчала только выдающіеся любопытные факты, а не такія мелкія событія повседневной жизни, какъ примѣненіе того или другого наказанія, мало интересовавшее лѣтописца. Конечно въ эпоху выкуповъ, какъ и повсюду, тѣлесныя наказанія считались позорными, свойственными рабамъ, и примѣненіе ихъ къ свободному и богатому вліятельному населенію, вѣроятно, не допускалось. Тѣлесныя наказанія не были еще тогда нормальной карой, неудивительно поэтому, что Новгородцы при заключеніи договора съ Любекомъ отказались наказывать за воровство розгами и клейменіемъ и замѣнили ихъ выкупомъ¹⁾.

Соображая сказанное, можно принять въ окончательномъ выводѣ, что тѣлесныя наказанія существовали въ Россіи и до татаръ, но область примѣненія ихъ была не велика, такъ какъ въ то время господствовала еще система выкуповъ; несомнѣнно, что они примѣнялись къ холопамъ и закупамъ и, вѣроятно, къ низшимъ классамъ населенія. Защитники противоположнаго возрѣнія указываютъ на отвращеніе славянъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ, но мы видѣли, что это общая черта, свойственная народамъ въ опредѣленномъ фазисѣ развитія, но о томъ, что нерасположеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ не равносильно ихъ непримѣненію свидѣтельствуютъ сборники варварскихъ законовъ. Второй доводъ, присоединяемый къ первому—это жестокость монгольскихъ правителей (проф. Леонтовичъ) и униженіе и раззореніе Россіи татарскимъ завоеваніемъ. Этотъ доводъ нельзя не признать существеннымъ: завоеватели Россіи были дикимъ, жестокимъ народомъ, деспотически управляемымъ ханами и знатью, тѣлесныя наказанія считались у нихъ обычными: въ ордѣ наказаніе палками, назначаемое по усмотрѣнію знатныхъ, было въ большомъ ходу, кромѣ того существовали жестокія смертныя казни и пытки. Марко Поло сообщаетъ, что наказанія палками нерѣдко доходили до за-

¹⁾ *Максимовичъ*. о. с. Кіевъ. 1853. стр. 93.

быванія на смерть. „Они такъ жестоки, говоритъ Плато-Карпини о татарахъ, что не имѣють жалости ни къ старикамъ, ни къ младенцамъ... иныхъ свергають съ горъ, у другихъ, положи шею на камень, разбивають голову до мозга, а у другихъ тѣмъ же камнемъ отпиливають шею“... Тѣлесныя наказанія до 100 ударовъ исполнялись большою палкой по спинѣ, всякое оскорбленіе и неисполненіе воли начальства каралось тѣлесно. Асцелинъ, посѣтившій орду, какъ Плато-Карпини въ XIII в., передаетъ объ обычной казни—сдираніи кожи¹⁾.

Но значеніе ига въ исторіи тѣлесныхъ наказаній заключается не въ жестокостяхъ татаръ у себя дома, такъ какъ завоевавъ Россію ханы оставили за ней самоуправленіе и ограничились только требованіемъ дани. Особенно тяжело было иго первые 20 лѣтъ, съ хана Берке (1262 г.) почувствовалось облегченіе. Въ XIII вѣкѣ, по свидѣтельству Соловьева, на сѣверѣ не было уже постоянныхъ ханскихъ чиновниковъ, баскаковъ; о нихъ упоминается только въ Курской области подъ 1284 г. „Съ удаленіемъ баскаковъ, говоритъ названный историкъ, численниковъ и сборщиковъ князья совершенно освобождались отъ татарскаго вліянія на внутреннія распоряженія, но и во время присутствія ихъ... вліянія на внутреннее управленіе не видно.“ Оставались лишь очень тяжелыя, правда, но временныя посѣщенія русскихъ земель ханскими чиновниками, сопровождавшіяся грабежами и убійствами²⁾. Слѣдовательно, если бы въ Россіи не нашлось подходящей почвы для развитія тѣлесныхъ наказаній, то вліяніе татаръ и ограничилось бы учиненными ими раззореніемъ и неистовствами, за этими предѣлами сохранились бы старые порядки, но значеніе татарскаго ига и громадно въ томъ отношеніи, что оно со-

¹⁾ *Березинъ, И.* Очеркъ внутренняго устройства орды. Сиб. 1863. стр. 67.

Марко Поло. Описаніе путешествія въ татарію. Сиб. 1863. стр. 67.

Путешествія къ татарамъ. Сиб. 1825 г.

Путешествіе Плато Карпини. стр. 111, 116.

Путешествіе Асцелина, 235.

²⁾ *Соловьевъ.* Т. IV. стр. 193—194.

Полное Собраніе Лѣтописей, Т. IV. стр. 39, 49, 50 и слѣд.

дѣйствовало пышному разцвѣту тѣлесныхъ наказаній, образцы которыхъ давала татарская юстиція, оно было факторомъ тѣлесныхъ наказаній, но не было ихъ единственнымъ источникомъ и причиной ихъ появленія въ Россіи. Татары безпощадно раззорили край, наиболѣе богатое и вліятельное населеніе, изъ котораго составлялись вѣча и на которое опирались различныя партіи, которое могло имѣть свое мнѣніе и заставить прислушаться къ нему князей,—было истреблено или лишено всего имущества, изъ свободныхъ всѣ русскіе сдѣлались рабами татаръ, обязанными данью. Князья оказались намѣстниками могущественныхъ государей, власть ихъ зависѣла отъ хана, противиться которому не могла ни одна русская волость. Въ свою очередь высшій служилый классъ, въ виду полной потери значенія народныхъ массъ, сталъ въ зависимость отъ власти князя, что еще болѣе усилило послѣднюю: въ поддержаніи ея былъ и личный интерес бояръ, имѣвшихъ кормленія, и не всегда пользовавшихся расположеніемъ подчиненнаго имъ населенія, которое нерѣдко возмущалось противъ бояръ-намѣстниковъ (напр. въ 1304 г. въ Костромѣ побили бояръ, въ 1305 г.— въ Новгородѣ). Результатомъ такого положенія вещей было то, что князья могли наследовать всѣ ханскія права со сборомъ дани включительно, и подъ вліяніемъ татарскаго ига начался быстрый процессъ закрѣпощенія всѣхъ классовъ населенія, рука объ руку съ которымъ развивались и тѣлесныя наказанія.

Съ XIV въ Россіи началось усиленное распространеніе тѣлесныхъ наказаній. Я указалъ на значеніе, которое имѣло на ихъ развитіе татарское иго, подготовившее для нихъ прочный и широкій фундаментъ, обращаюсь теперь къ выясненію тѣхъ силъ и условій (факторовъ), благодаря которымъ на этомъ фундаментѣ скоро воздвиглось столь величественное зданіе, что на разрушеніе его понадобилось цѣлое столѣтіе.

Уже къ концу удѣльнаго періода, какъ замѣчаетъ проф. Загоскинъ ¹⁾, идея единой сильной княжеской власти не

¹⁾ Загоскинъ. О с. т. I. стр. 14—15.

была чуждой русскимъ князьямъ; еще Андрей Боголюбскій, по словамъ лѣтописца, мечталъ „единъ быти властитель въ русской земли“, но, конечно, эти желанія были превзойдены дѣйствительностью, созданной татарскимъ игомъ. Князья сразу стали независимыми отъ прежнихъ не всегда пріятныхъ для нихъ порядковъ; произошелъ крупный переворотъ, кореннымъ образомъ измѣнившій положеніе княжеской власти, получившей неслыханное дотолѣ значеніе. „Въ частномъ быту, говоритъ Н. И. Костомаровъ, хозяинъ по отношенію къ невольному человѣку назывался государемъ, тотъ его холопомъ, тоже сдѣлалось и въ государствѣ: великій князь, называвшійся прежде господиномъ сталъ, называться государемъ, а его служилые люди—холопами“. Сила вел. кн. Московскаго отразилась и на наказаніи имъ враговъ, принадлежавшихъ къ противнымъ Москвѣ партіямъ, сдѣлавшимися какъ бы государственными преступниками: въ 1393 г. въ Торжкѣ убили сторонника Москвы, нѣкоего Максима и великій князь „разгнѣвался зѣло... повелѣ привести къ себѣ убійць (70 человѣкъ) и... ихъ казни многими казнями“. Бракъ Иоанна III съ Софіей Палеологъ придалъ, какъ указываетъ Карамзинъ, особый блескъ и величіе престолу Московскаго князя; окончательное сверженіе татарскаго ига еще болѣе усилило его власть и значеніе ¹⁾. Въ XVI в. власть московскихъ князей была такъ велика, что казалась иностранцамъ тираніей. „Они открыто признаютъ, пишетъ Герберштейнъ о москвитянахъ, что воля князя есть воля Бога. „Вѣдаетъ Богъ, да великій государь“, говорятъ они о всякомъ сомнительномъ дѣлѣ. „Москвитяне, утверждаетъ папскій посоль Фувльвій Руджіери (1568 г.) вполне подчинены своему князю, жестоко казнящему ослушниковъ своей воли и поддерживающему повиновеніе силой и страхомъ (e si mantiene l'obediienza con la forza e col timore)“. Тоже еще въ болѣе рѣзкой формѣ повторяетъ

¹⁾ *Костомаровъ, Н.* Начало единой державы въ древней Руси. стр. 77, 105
Поли. Собр. лѣтописей. т. VII и VIII. Продолженіе лѣтописи по Воскресенскому списку, годъ 6901.

Карамзинъ. Т. V. стр. 50.

Дьяконовъ, М. Власть Московскихъ государей. Спб. 1889. стр. 65 и слѣд.

посланникъ императора Максимилиана II Пернштейнъ (1575 г.). Иоаннъ Грозный открыто заявлялъ, что исполненіе его велѣній обязанность подданныхъ, что онъ имѣеть неограниченное право казнить и жаловать своихъ слугъ, не давая отчета никому кромѣ Бога, и понятіе о правосудіи во времена Грознаго было очень относительнымъ: „какъ угодно государю, такъ и рѣшаетъ судъ, сообщаетъ Барберини, оттого часто бываетъ, что одинъ за бездѣлицу отдается на съѣденіе медвѣдямъ, другой хотя въ чемъ большемъ провинится о томъ даже и не разговариваютъ“¹⁾. Въ домостроѣ Сильвестра царскій гнѣвъ и опала считались наравнѣ съ другими стихійными бѣдствіями знаками гнѣва Божья, сопротивляться которому бесполезно, можно только молиться²⁾. Смутное время не поколебало основъ, на которыхъ держалась верховная власть, къ концу XVII в. она пользовалась такой же силой и авторитетомъ, какъ и въ XVI. До 1680 г. въ челобитныхъ сохранялась фраза: „чтобы государь пожаловалъ, умилился, какъ Богъ“. Раболѣпство въ восточномъ вкусѣ поражало иностранцевъ: „самые турки, пишетъ Корбъ, не изъявляютъ съ болѣе отвратительной покорностью своего приниженія передъ скипетромъ султановъ“³⁾. Въ царствованіе Петра идея абсолютной власти была теоретически выражена въ законодательствѣ, на практикѣ же она сложилась гораздо раньше. Чрезмѣрно быстрое исчезновеніе старыхъ обычаевъ, правъ дружинниковъ и другихъ классовъ населенія, уничтоженныхъ сразу налетѣвшей бурей татарскаго нашествія въ противоположность съ западомъ, гдѣ

¹⁾ *Барамзинъ*, т. VII, стр. 121.

Герберштейнъ. Записки о Московіи (съ изд. 1556 г.). Спб. 1866. стр. 28.

Извлеченіе изъ донесенія Ф. Руджіери, бывшаго папскимъ нунціемъ при Королѣ Польскомъ. *Historica Russiae Monumenta*. I. Спб. 1841. стр. 209.

Сказанія о Россіи. Пб. стр. 225.

Дьяконовъ: о. с. стр. 139.

²⁾ Домострой. XVIII, стр. 39.

Сказанія стр. 20. *Monumenta*. Т. II. Начертанія неизвѣстнаго.

³⁾ *Корбъ*. Дневникъ поѣздки въ Московское государство Игнатія Христофора Гваріента, веденный секретаремъ посольства Георгіемъ Корбомъ. Чтенія Москов. Импер. Истор. Об—ва, 1867 г. Іюль—Сентябрь, стр. 278.

Соловьевъ, т. XIII, стр. 341.

королевская власть окончательно сложилась послѣ долгихъ усилій и борьбы, во время которой высшіе классы успѣли въ извѣстной мѣрѣ отстоять свое положеніе, отразилось непосредственно на исторіи тѣлесныхъ наказаній, на объемѣ ихъ примѣненія, на отсутствіи привилегій, что дѣлало русскую систему наказанія XVII вѣка глубоко отличной отъ западной.

Вліяніе византійскихъ воззрѣній не уменьшалось, а постепенно увеличивалось и послѣ татарскаго ига: татары не умалили значенія духовенства, напротивъ поддерживали его, увеличивали его привилегіи, напр. митрополитъ Петръ получилъ отъ хана Узбека ярлыкъ, въ которомъ митрополиту предоставлялось управлять своими людьми и судить ихъ во всѣхъ дѣлахъ, не исключая уголовныхъ, всѣ церковные люди должны были повиноваться ему. Усиленіе церковнаго вліянія сказалось въ XV вѣкѣ и на характерѣ борьбы съ ересями. Въ 1416 г. митрополитъ Фотій писалъ о еретикахъ: „отжените ихъ отъ своея православныя вѣры... прочее же по лукавствію ихъ сотворить Господь, якоже самъ вѣсть“, черезъ 70 лѣтъ, въ 1490 г. мы находимъ другой образъ дѣйствія въ дѣлѣ о ереси жидовствующихъ. Новгородскій архіепископъ Геннадій пишетъ митрополиту, что согласно его совѣту всѣхъ нераскаянныхъ жидовствующихъ передалъ княжескому намѣстнику Юрію Захарьевичу, который велѣлъ ихъ „казнить градскою казнью по указу великаго князя, какъ написано въ царскихъ правилахъ“¹⁾; здѣсь уже представители церкви пользуются полнымъ содѣйствіемъ свѣтской власти и наказываютъ еретиковъ такъ, какъ это предписывается царскими византійскими законами. Въ XVII в. вліяніе духовенства еще возвысилось, особенно въ первой половинѣ, когда патріархъ былъ соправителемъ царя. Котошихинъ говоритъ, что „патріархи, митрополиты, архіепископы, епископы и монастыри вѣдаютъ своихъ подданныхъ крестьянъ противъ того жъ какъ вѣдаютъ по царскому дому его крестьянъ, во всякихъ дѣлахъ и податяхъ, кромѣ разбойныхъ и иныхъ великихъ уголовныхъ дѣлъ.“ Кромѣ того, тѣ же ду-

¹⁾ Соловьевъ, т. IV стр. 300. Акты историческіе. т. I, № 21, 34, 380. Загоскинъ, о. с. стр. 21, 129.

ховныя власти пользовались довольно обширною юрисдикціей какъ въ дѣлахъ повѣдомственнаго имъ духовенства, такъ и въ нѣкоторыхъ, переданныхъ духовному суду дѣлахъ и преступленіяхъ свѣтскихъ лицъ, напр. сюда относились преступленія противъ нравственности, въ приговорахъ о которыхъ выписывались градскіе законы. Такъ въ 1689 г. въ дѣлѣ о растлѣніи нищей дѣвки Оеклицы выписаны для свѣдѣнія соотвѣтствующія статьи „изъ правилъ св. апостоловъ и царскихъ книгъ и закона градскаго“. Но не только въ духовныхъ судахъ упоминаются и примѣняются византійскіе законы, воздѣйствіе ихъ замѣтно и на свѣтскомъ законодательствѣ; оно было значительно въ Уложеніи 1649 г. Въ новоуказанныхъ статьяхъ 1669 г. дѣлаются ссылки на градскіе законы, по нимъ измѣняется напр. понятіе о свидѣтеляхъ, о повальномъ обыскѣ. „Борьба (съ началами русскаго права) была не безуспѣшна для византизма“, замѣчаетъ проф. Загоскинъ. Въ грамотахъ 2 половины XVII в. часто встрѣчаются ссылки на градскіе законы даже не въ важныхъ или не касающихся церкви дѣлахъ, напр. въ грамотѣ губному старостѣ Переяслави Рязанскаго въ 1669 г. о кражѣ жеребенка предписывается учинить указъ „по нашему государя указу и по Уложенію и по градскимъ законамъ“¹⁾, тоже повторяется въ грамотѣ воеводѣ Переяслави Рязан. въ 1690 г. по дѣлу о покраденномъ имуществѣ.

Само духовенство, согласно съ началами греко-римскаго права и практикой русскихъ судовъ и властей, широко употребляло въ своей средѣ тѣлесныя наказанія. Наказанія эти за важныя проступки по суду или въ дисциплинарномъ порядкѣ были очень часты, а иногда очень жестоки, такъ

1) *Котошикинъ*. О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича, изд. 2. Спб. 1859. глава XI.

Калачовъ. О значеніи кормчей. стр. 10.

Акты Холмогорско-Устюжской епархіи ХСІХ. 1689. Января 30—Іюля 11. Рус. истор. Библиотека, т. XII. стр. 948, 953—954.

И. С. З. (Полное Собраніе Законовъ Россійской имперіи) 441. Новоуказныя статьи. 1669 г. 28, 34.

Загоскинъ, о. с. стр. 129.

Акты, относящіяся до юридическаго быта древней Россіи I. стр. 288—89. Царская грамота. 1669. окт. 15.

напр. Коломенскій архієпископъ Іосифъ наказывалъ своихъ подчиненныхъ шелепами, плетьюми, держалъ на цѣпи; поповъ били плетьюми нагихъ, и самъ архієпископъ приговаривалъ „бей гораздо, мертвые наши“. До какихъ предѣловъ могли доходить битые и истязаніе въ монастыряхъ показываетъ любопытное письмо архієпископа Сибирскаго и Тобольскаго Нектарія къ покровителю его при дворѣ Михаила Теодоровича, въ которомъ съ умиленіемъ говорится объ истязаніяхъ, понесенныхъ имъ отъ настоятеля Ниловой пустыни во спасеніе его грѣшной души: „... всего было 1430 боевъ въ 2 года... училъ кляукою и остномъ, прободалъ и мелномъ, коимъ въ жерновѣ мелють муку, и пестомъ и кочергой и поварнями и рогатками (что растворъ на хлѣба бьютъ)... и не только дровомъ, но и желѣзомъ, за власы рваніемъ и кирпичемъ—всѣмъ душу спасалъ“. Жестоко обращались духовныя власти съ подчиненными и въ XVIII столѣт. Въ 1753 г. московскій архіерей Платонъ писалъ, что настоятели жестоко поступаютъ съ монахами, какъ злодѣевъ бьютъ, обнажа передъ мірскими людьми,—и запретилъ наказывать тѣлесно безъ согласія всей братіи или главныхъ изъ нея ¹⁾. Царствованіе Петра Вел. положило конецъ вліянію духовенства на свѣтскія дѣла, при немъ совершилась своего рода эмансипація отъ византійскихъ началъ въ пользу западно-европейскихъ. Уничтоженіе патріаршества, строгія мѣры противъ монастырей, полное подчиненіе духовенства свѣтской власти, все это дѣлало прежніе порядки невозможными.

При оцѣнкѣ вліянія византизма въ позднѣйшее время (XVI, XVII в.) необходимо имѣть въ виду, что византійскіе законы, вносимые духовенствомъ, во взглядѣ на тѣлесныя наказанія сходились съ русской судебной практикой. Церковь не столько вводила новое въ систему наказанія, сколько сама пользуясь тѣлесными наказаніями, какъ бы освящая ихъ употребленіемъ постановленіями кормчей, придавала имъ тѣмъ большую прочность и устойчивость.

¹⁾ Соловьевъ, т. XIII, стр. 145, XXIII, 250.

Примѣненіе наказаній въ средѣ духовенства Бѣлгородской епархіи въ XVIII вѣкѣ проф. А. Лебедева. Русская Старина. 1892. т. 73, стр. 313—314.

Состояніе общества, степень его культурности и просвѣщенія отражается, разумѣется, и на наказаніяхъ, которыя приспособляются болѣе или менѣе къ сознательнымъ или бессознательнымъ понятіямъ о справедливости и законности, господствующимъ въ данное время, такъ какъ законодатель не можетъ оставаться внѣ условій эпохи и мѣста, въ которыхъ ему приходится дѣйствовать.

До татарскаго нашествія Россія развивалась, какъ и другія страны. Родовые порядки и родовая юстиція смѣнялись въ ней государственными началами, складывалась верховная власть, исчезло право мести, на ряду съ выкупами появлялись государственныя наказанія; свободное населеніе сохраняло еще въ значительной мѣрѣ свою силу и значеніе; нравы и обычаи были не мягче и не жесточе, чѣмъ бывають въ переходныя эпохи вообще. Владычество татаръ гибельно отразилось на народной нравственности, выше мы указали послѣдствія ига для экономическаго и политическаго быта Россіи. Понятно, что въ такой обстановкѣ, когда ханское управленіе стало давать тонъ, нравы грубѣли. Бнязья боролись за свои волости, не разбирая средствъ, „проклятыя“ грамоты стоили не больше всякихъ другихъ; образованіе, только начавшее распространяться съ принятіемъ христіанства, оказалось въ крайне тяжелыхъ условіяхъ: сношенія съ образованными народами были почти прерваны, собственныя средства были слишкомъ ничтожны и слабы. Результаты этого оказались печальными, и нужны были реформы Петра В., чтобы двинуть Россію на путь, по которому шли и другіе народы, ввести ее въ кругъ цивилизованныхъ націй. Внутреннее состояніе русскаго общества съ XIV вѣка соотвѣтствовало этимъ условіямъ: въ немъ было распространено пьянство, развлеченія народа и высшихъ классовъ были очень грубы: кулачныя и палочныя бои, кончавшіяся смертью многихъ бойцовъ, составляли обыденное явленіе; иностранцы постоянно жалуются на обманы русскихъ и продажность чиновниковъ ¹⁾. Тоже наблюдается и

¹⁾ *Середонинъ, С.* Сочиненія Флетчера. Спб. 1891 г. стр. 167.

Костомаровъ, Н. Очеркъ домашней жизни и нравовъ великорусскаго народа въ XVI и XVII вв. Спб. 1887 г. стр. 203.

въ XVII вѣѣ и позже ¹⁾. Въ дневникѣ Корба, относящемся къ первымъ годамъ царствованія Петра В., часто встрѣчаются описанія буйныхъ сценъ на пирахъ, гдѣ бывало слишкомъ много выпито. Въ Преображенскомъ царь и приближенные, случилось, исполняли работу палачей. Въ 1722 г. царица Прасковья, вдова ц. Ивана Алексѣевича, ночью явилась въ Преображенскій приказъ, велѣла жестоко истязать стряпчаго Деревнина, била его, а служители жгли его свѣчами, обливали голову крѣпкой водкой и поджигали. Драки и ссоры даже въ высшемъ обществѣ и администраціи не были рѣдкостью, напр. въ 1748 г. пензенскій воевода и его товарищи напали на присланнаго для ревизіи полковника Толстаго, били его людей плетью, приступали къ его квартирѣ „со многолудствомъ, съ барабаннымъ боемъ и колокольнымъ набатомъ, ночнымъ временемъ“ ²⁾.

Семейный бытъ и семейныя отношенія были проникнуты грубостью. Сильвестръ рекомендуетъ въ своемъ Домостроѣ для сохраненія порядка „смотря по винѣ и по дѣлу наказывать и раны возлагать“, а въ случаѣ надобности обращаться къ плети. Какъ далеко отъ этого скромнаго идеала домашняго правосудія отстояла дѣйствительность, видно изъ отрицательныхъ совѣтовъ Домостроя объ умѣренности наказанія: „а про всякую вину по уху ни по виденію не бити, ни подъ сердцемъ кулакомъ, ни пинкомъ, ни посохомъ не колоть,“ такъ какъ отъ такихъ исправительныхъ мѣръ бываетъ „слѣпота, глухота“ и т. п. Особенно важной считалась палка, тѣлесное наказаніе, въ воспитаніи. Домострой въ поэтическихъ образахъ рисуетъ благія послѣдствія битья „не ослабляй бія младенца“ рекомендуется въ немъ, „но сокруши ему ребра въ юности“, иначе сынъ вырастетъ и не будетъ повиноваться родителямъ. Весь автори-

¹⁾ *Любичъ-Романовичъ*. Сказанія иностранцевъ о Россіи. Спб. 1843. Путешествіе Барберини въ 1565 г. стр. 33. *Соловьевъ*, т. IV. стр. 371. *Владимірскій-Будановъ*. Обзоръ исторіи русскаго права. Кіевъ. 1886. стр. 26.

²⁾ *Корбъ*. Чтенія. 1867. Январь—Мартъ, стр. 173; Июль—Сентябрь, стр. 227; 1866 г. Октябрь—Декабрь, стр. 93. *Соловьевъ*, т. XVIII, 2 изд. стр. 192. *Болтинъ*. Примѣчанія къ исторіи Россіи Леклерка. II, 247. Историко-юридическіе акты переходной эпохи XVII—XVIII в. Чтенія, 1886. кн. 3, стр. 251.

теть родительской власти сводился къ страху, о возможности другихъ основъ для повиновенія не подозрѣвалось. Книжники XVII в. называли жезль „насадителемъ добродѣтели“ „его же потребу самъ Богъ всемогущій образно показалъ есть“; въ честь розги написалъ умиленное стихотвореніе воспитатель дѣтей Алексѣя Михайловича Симеонъ Полоцкій. То же восхваленіе розги повторяется и въ сборникахъ XVIII вѣка ¹⁾.

Несмотря на принятія Петромъ Великимъ энергичныя мѣры, просвѣщеніе распространялось медленно, чувствовался недостатокъ въ людяхъ, обладающихъ самыми необходимыми познаніями; при общемъ господствѣ невѣжества эти знанія и цѣнились не высоко. Отсутствие ученыхъ людей и неуважительное отношеніе къ нимъ хорошо иллюстрируетъ положеніе докторовъ въ первой половинѣ XVIII в. Ихъ было такъ мало, что практикой съ успѣхомъ занимались самозванцы, противъ которыхъ принимались строгія мѣры: запрещалось подъ угрозой тѣлеснаго наказанія лѣчить безъ свидѣтельства медицинской канцеляріи, и назначался даже штрафъ съ больныхъ за обращеніе къ подобнымъ лицамъ, но то же время и настоящіе доктора чувствовали себя плохо: въ 1737 г. президенту медицинской канцеляріи былъ представленъ докладъ, въ которомъ сообщалось, что лѣкаря не слушаютъ своего начальства, всецѣло завися отъ штабовъ, которые употребляютъ ихъ за камердинеровъ, заставляютъ заправлять парики, а неподатливыхъ штрафуютъ и и безчестятъ ²⁾.

Примѣненію тѣлесныхъ наказаній содѣйствовало и зависимое, приниженное положеніе низшихъ классовъ населенія. Въ западно-европейскомъ правѣ тѣлесныя наказанія переходили на свободныхъ при неимѣннн ими средствъ для уплаты выкупа. Остатки такого замѣстительства сохранились и въ

¹⁾ *Костомаровъ*, о. с. — стр. 148. Домострой Сильвестра. Временникъ Импер. Москов. Об-ва, 1849. XXXVIII, стр. 67—68. Гл. XVIII стр. 24. *Жмакинъ*. Русское общество въ XVI в. Древняя и Новая Россія. 1878 г. т. 2, стр. 244. Памятники стариннаго русскаго воспитанія. Чтенія. 1861. Июль-Сентябрь, стр. 47—49. *Соловьевъ*, т. XIII, стр. 178. т. XX стр. 230—242. *Ровинскій*, Народныя картины. т. IV, стр. 336.

²⁾ *Соловьевъ*, т. XXII, стр. 273. т. XX, стр. 257—258. П. С. З. 9717, 1750.

русскомъ правѣ XVII вѣка, по которому штрафъ обыкновенно превращался въ тѣлесное наказаніе. По уложенію 1649 г. за безчестіе боярина, стольникъ, страпчій или московскій дворянинъ, которымъ нечѣмъ платить за безчестіе, — наказывались кнутомъ. Указомъ 1647 г. за укрывательство бѣглыхъ назначено 100 руб. штрафа, а „судныхъ“ приказывалось бить кнутомъ. Въ 1687 г. несостоятельныхъ обидчиковъ... крестьянъ бобылей и посадскихъ, которымъ платить нечѣмъ за безчестіе служилыхъ людей, предписано не ставить на правезь, а бить батогами. ¹⁾ Обычность этой замѣны подтверждается и Котошихинымъ. И впоследствии таможеннымъ уставомъ 1755 г. (ст. 6) назначались плети купеческому приказчику, не могущему уплатить взысканія. Въ XIX в. замѣна тюремнаго заключенія розгами оправдывалась выгодностью ихъ для рабочаго класса, желаніемъ охранить наказаннаго и его семью отъ раззоренія.

Положеніе многочисленнаго несвободнаго класса въ Россіи не вызывало никакихъ особенныхъ мѣропріятій со стороны законодателя, вѣрнѣе сказать, законодательство было направлено исключительно на охрану господскихъ, помѣщичьихъ интересовъ. Число несвободныхъ значительно возросло съ прирѣпленіемъ къ землѣ въ концѣ XVI вѣка крестьянскаго населенія, постепенно сливагося съ прежними холопами; употребленіе самыхъ жестокихъ тѣлесныхъ наказаній было безспорнымъ правомъ господъ. Еще Двинская грамота 1397 г. ограждаетъ вполне хозяина отъ всякихъ послѣдствій наказанія: „а огрѣшитса господарь, говоритса въ ней, ударить своего холопа или рабу и случитса смерть, въ томъ намѣстники не судятъ и вины не емлютъ“. Въ XVI в. тѣлесныя наказанія считались не только законными, но и безусловно необходимыми: „Аще ты не слушаешь рабъ, поучали въ то время, казни его плетью... ослабиши ли руку ему и учнетъ искать свободы“ ²⁾. Въ

¹⁾ Дополненіе къ актамъ историческимъ. III, № 21. Годъ 1647. П. С. З. 1238 г. 1687.

²⁾ Будановъ, Хрестоматія. Стр. 129. Жмакинъ, о. с. стр. 246. Бостомаровъ, о. с. стр. 164.

XVIII в. этот порядок мало изменился. По прежнему помѣщичій бытъ характеризовался, какъ замѣчали современники, битьемъ всѣхъ подвластныхъ, начиная съ приживалокъ и кончая крѣпостными. По пунктамъ для управления имѣнемъ, составленнымъ гр. Румянцевымъ, видно, что плети и батоги были обычной принадлежностью хозяйства, и въ этихъ сравнительно мягкихъ пунктахъ за оскорбленіе дворянина предписывалось бить виновнаго, пока обиженный будетъ доволенъ. Какъ объ исключеніи говорится о помѣщикахъ, которые обращались съ прислугой „болѣе ласкою, чѣмъ обыкновенной дворянской властью“. Тяжелое положеніе крестьянъ вызывало значительныя волненія и бунты, для усмиренія которыхъ требовалась военная сила ¹⁾.

Таково было состояніе русскаго общества, въ которомъ все основывалось на страхѣ и битьѣ въ разнообразныхъ формахъ; на первомъ планѣ стояла сила: С. М. Соловьевъ вѣрно опредѣляетъ его, какъ „юное представлявшее такъ мало сдержекъ для всякаго сильнаго, что тотъ могъ увлекаться своимъ положеніемъ и считать себя все дозволеннымъ въ отношеніи менѣе сильныхъ“. Это значеніе сильнаго человѣка сказывается, напр., въ челобитной игумена Кирило-Бѣлозерскаго монастыря Іоанну Грозному о поведеніи постригагося въ ней по неволѣ знатнаго боярина: „старецъ Александръ, жалуется игумень, монастырь пустошить, игумена и старцевъ соборныхъ бранить... прочую братью колеть остномъ и бьетъ плетями“ ²⁾. Битье считалось нормальнымъ лѣкарствомъ и способомъ устранить всевозможные непорядки. Неудивительно, что тѣ же взгляды русскіе люди проводили и въ наказаніи, которое было тогда однимъ изъ надежнѣйшихъ средствъ для поддержанія порядка и охраненія престижа государства, а послѣдній поддержать было нужно, потому что,

¹⁾ Соловьевъ, т. XXII, стр. 266. т. XX, стр. 226—227, т. XXIII, стр. 123, 124. Семевскій, В. Крѣпостные при Екатеринѣ II. Рус. Стар. 1876 г. 17. Стр. 603—604.

²⁾ Соловьевъ, т. VII, стр. 111, т. XI, стр. 275. Аристовъ. Невольное и неохотное постриженіе. Древн. и Нов. Россія, 1878, 2 стр. 227.

несмотря на централизацію и неограниченную силу высшей власти, всемогущей по принципу, правительство и въ XVII и въ XVIII вѣкахъ не безъ труда сдерживало безпокойные элементы; оно было недостаточно сильно и въ мѣстномъ управленіи. Проектъ Уложенія 1754 г. подтверждаетъ фактъ, что изъ сената и коллегій въ подчиненныя мѣста посылалось по 4, 5 и больше подтвердительныхъ указовъ „а по онымъ дѣйствительнаго исправленія не чинилось“. Взяточничество и продажность лицъ, сталкивавшихся въ силу служебныхъ или другихъ отношеній съ казеннымъ интересомъ, достигали громадныхъ размѣровъ.

Неурядицы въ управленіи и слабость администраціи затрудняли борьбу со старымъ зломъ—разбойниками, число которыхъ постоянно пополнялось людьми, выбитыми изъ колеи, недовольными, бѣжавшими отъ всевозможныхъ тягостей, государственныхъ повинностей и крѣпостнаго быта. Разбои до того усилились по смерти Ромадоновскаго въ самой Москвѣ, что фельдмаршалъ Шереметьевъ писалъ оттуда: „Москва стоитъ, какъ вертепъ разбойничъ, все пусто только воровъ множится и безпрестанно казнятъ“. ¹⁾

Правительство должно было бороться съ этимъ порядкомъ, удерживать на службѣ государству и его интересамъ и высшіе и низшіе классы. Мы знаемъ, что по возрѣніямъ общества средствомъ для этого представлялся страхъ, устрашеніе, которые могли выразиться по условіямъ эпохи лишь въ жестокихъ мѣрахъ, охватывающихъ всѣ области жизни и дѣятельности. „Жесточь,“ стала принципомъ всякаго, и частнаго и государственнаго порядка: напр. бояринъ Хитрово просилъ князя В. Голицына развѣдать не отъ жесточи ли его управляющаго побѣжало изъ его Курской деревни 6 семей крестьянъ: „а онъ въ епифановской моей деревнишкѣ многихъ жесточью своей разогналъ... не пьянствомъ, не корысти ради, а безмѣрною

¹⁾ Проектъ 1754 года. 52, 10. Уложеніе, 1649. Гл. X. 91. *Котошигинъ*, о с. стр. 99. *Соловьевъ*, т. XVI, стр. 11, 20, 210. т. XXIII, стр. 249, т. XXII стр. 189, т. XXI, стр. 303 и слѣд. Доклады. т. I, г. 1711, № 81, 186, 193 и 534. Т. V, г. 1715, № 570, стр. 430, П. С. З. 11, 337, 1760.

жесточью“. Также дѣйствовала и государственная власть, она старалась привести въ повиновеніе, заставить соблюдать свои велѣнія страхомъ наказанія: въ наказѣ 1670 г. верхотурскому воеводѣ предписывалось: „унимать отъ всякаго воровства и побѣга... чинить жестокое наказаніе... а беречь не учнеть... казну истеряеть... самому быть въ жестокомъ наказаніи“; въ 1699 г. въ наказныхъ статьяхъ Тюменскому воеводѣ велѣно: „воровъ отъ всякаго злодѣйства унимать и смирать жестоко... отнюдь не спускать и смотря по человѣку и по намѣренію самымъ жестокимъ наказаніемъ или смертью во образъ и страхъ другимъ смирать“, Слова: „жестоко, нещадно, безъ пощады и всякаго милосердія“ встрѣчаются на каждомъ шагу въ памятникахъ, становятся обычнымъ выраженіемъ официальныхъ документовъ. „Во всемъ свѣтѣ, пишетъ Крижаничъ, нѣтъ такого крутого правительства, какъ въ Россіи... всякое мѣсто наполнено кабаками, заставами, откупщиками, цѣловальниками, выемщиками, тайными доносчиками: люди отовсюду и вездѣ связаны... все должны дѣлать со страхомъ и трепетомъ... укрываться отъ толпы правителей или палачей...“¹⁾ Устрашеніе нѣсколько смягчалось стремленіемъ извлечь пользу изъ работоспособности преступника, обратить и его на службу государству. Обѣ эти цѣли могли достигаться тѣлесными наказаніями, главнымъ образомъ бѣззненными, такъ какъ они были устрашительными и сохраняли рабочую силу, — они и являются орудіемъ государственнаго управленія.

Въ царствованіе Петра Великаго, во время начавшихся реформъ и преобразованій, для правительства потребовалось еще больше, чѣмъ прежде усилій сдержать общество и направить его на намѣченный волею законодателя путь, — для этого у Петра Великаго подъ рукою было испытанное московское средство — устрашеніе, жесточь, и онъ воспользовался имъ, быть можетъ, еще шире, чѣмъ дѣлалось это въ прежнее время. Приказывая маіору Долгорукову жечь ка-

¹⁾ Временникъ. 7—8. М. 1850. Письма къ кн. В. В. Голицыну. Смѣсь. стр. 70. Соловьевъ, т. XIII, стр. 185. Дополненіе къ актамъ истор. VI, 7 г. 1670.

зачь городки и людей рубить „дабы тѣмъ удобнѣе оторвать охоту“ къ приставанью къ мятежникамъ, Петръ прибавилъ въ приказаніи и мотивы для такого образа дѣйствія „ибо сія сарынь ничѣмъ кромѣ жесточи не можетъ унята быть“¹⁾. Но возлагая надежды на страхъ и жесточь, Петръ Великій упустилъ изъ виду, что Москва дошла въ этомъ направленіи почти до предѣловъ возможнаго, что русскіе люди успѣли уже привыкнуть къ самымъ страшнымъ угрозамъ, что боязнь кнута или казни перевѣшивалась чрезмѣрной тягостью существованія низшихъ сословій, требованіями рекрутчины или фанатизмомъ. Устрашеніе, сохранившееся и при преемникахъ Петра, оказывалось поэтому безсильнымъ тамъ, гдѣ успѣхъ всего болѣе интересовалъ правительство. Яркій примѣръ этого представляютъ указы, имѣющіе цѣлью предупредить побѣги изъ арміи. Въ 1705 г. издается указъ о наказаніи солдатъ за побѣги „казнить смертию, повѣсить“, одного изъ трехъ бѣглыхъ по жребію. Смертная казнь грозитъ и укрывателямъ. Черезъ 5 мѣсяцевъ приказывалось вѣшать одного изъ 10: очевидно строгость не помогала, а между тѣмъ велась тяжелая Шведская война, и Петру Великому нужны были солдаты. Указы 1715 и 1717 гг. совсѣмъ отмѣняютъ смертную казнь дезертирамъ, объявляя, что она была заимствована изъ законовъ иностранныхъ государствъ „гдѣ люди наемные служатъ“, и не подходитъ къ русскимъ условіямъ; вмѣсто смертной казни назначается жестокое наказаніе. Но въ теченіе долгихъ лѣтъ правительство имѣло время убѣдиться на опытѣ въ бесплодности грозныхъ указовъ:²⁾ „жесточь“ не удерживала солдатъ и рекрутъ; ловить бѣглыхъ было не легко, да и наказывать пойманныхъ по артикулу—казнить, бить

¹⁾ Филипповъ. О наказаніи по законодательству Петра Великаго, въ связи съ реформою. М. 1891. стр. 143.

²⁾ П. С. З. 5050. г. 1726. 5290. г. 1728. 5347. г. 1728. 5774. г. 1731. 5782. г. 1731. 6591. г. 1736. 7630. г. 1738. 7740. г. 1739. 9577. г. 1742. 10,737. г. 1757. 10,987. г. 1759. П. С. З. Годъ 1705. № 2019, 2031, 2062, 2078, 2068, 2900, 1715 г. 3136 1717 г. П. С. З. 11.618, 11698, 11,720, г. 1762. 11894. г. 1763. 11919, 12.266 г. 1764, 12451 г. 1765, 12757 г. 1766. 12.968. г. 1767. 13.134. г. 1768.

кнута, ссылатъ въ каторгу—невыгодно, такъ какъ это ослабляло численность войска, и вотъ на ряду съ угрозами предпринимались попытки поправить дѣло милосердіемъ, подъ прозрачной дымкой котораго ясно сквозить сознаніе бессилія въ борьбѣ со зломъ, принявшимъ значительные размѣры: въ 1713 г. появляются указы съ назначеніемъ срока для добровольной явки дезертировъ, освобождающей ихъ отъ всякаго наказанія. Длинная вереница этихъ повелѣній тянется черезъ весь XVIII в.; въ первыхъ указахъ бѣглецы предупреждаются, что „милосердіе Его Величества дается имъ послѣднее“, затѣмъ эта оговорка исчезаетъ. Но и милостивые указы дѣйствуютъ плохо: побѣги продолжаются, охотниковъ возвращаться въ полки не много, и въ указахъ начинаютъ появляться убѣжденія, не имѣющія ничего общаго съ характеромъ правительственной дѣятельности: указъ 1719 г. уговариваетъ дезертировъ обратиться къ долгу „убоясь не только здѣшной казни, но и суда Божія“. Увѣщанія становятся еще трогательнѣе и подробнѣе въ царствованіе Анны Иоановны, въ эпоху бироновщины, когда тягости военной службы возросли, „жесточъ“ усилилась; бѣжали не только солдаты, но и кадеты: въ 1733 г. состоялся указъ, по которому за первый и второй побѣгъ, кадеты отсылали для ученія въ гарнизонную школу, за 3-й наказывали по усмотрѣнію императрицы. Въ 1732 г. объявлялось, что обратившіеся къ долгу будутъ во всемъ прощены, приверстаны въ полки, даже попрекать ихъ побѣгомъ никто не будетъ; указывалось на то, что „неусыпными трудами“ императрицы всѣ неисправности въ дачѣ жалованья, мундира и аммуниціи уничтожены, съ „не малымъ неудовольствіемъ“ гласилъ указъ, императрица вынуждена была слышать, что ея подданные, бѣгутъ отъ военной службы за границу. Но прежняя практика показала, что неудовольствіе императрицы хотя бы и „не малое“ не поможетъ дѣлу, и солдаты увѣщиваются тѣмъ, что за границей „благочестивыхъ церквей греческаго исповѣданія не имѣется.... что они.... въ вѣчную душевную погибель, а когда пойманы будутъ и смертной карѣ себя ввергаютъ“. Членовредители-рекруты убѣждались тѣмъ, что они не знаютъ, какой тяжкій грѣхъ „есть преступленіе, а наипаче, что лишитъ себя

добровольно нѣкоторыхъ чувствъ, чего и у варваровъ не водится (Указъ 1726 г.)¹⁾.

Тонъ милостивыхъ и увѣщательныхъ указовъ, такъ мало соответствующихъ духу уголовной юстиціи того времени, не былъ вполне искреннимъ: правительство вынуждалось къ уступкамъ и не всегда исполняло свои обѣщанія: въ 1727 г., въ царствованіе Петра II былъ изданъ манифестъ о фальшивыхъ монетчикахъ, въ которомъ обѣщалось прощеніе всѣмъ принесшимъ свои вины, подъ условіемъ учиненія присяги „чтобы впредь весьма того не дѣлать“, въ секретныхъ же пунктахъ указа предписывалось: „не чинить свободы явившимся, но ради пропитанія сослать ихъ въ Сибирь²⁾“.

Сильная, не знающая ограниченій власть, грубость общества, въ которомъ битье и проявленіе жестокости вошли въ повседневную обстановку, стремленіе устрашеніемъ достигнуть порядка и спокойствія, отсутствіе всякихъ побужденій, стѣсняться въ выборѣ карательныхъ мѣръ, создали благоприятныя условія для развитія жестокихъ тѣлесныхъ наказаній. Уже въ XV—XVI вв. кнутъ и батоги стали господствующимъ наказаніемъ, въ XVII в. примѣненіе ихъ было столь обычнымъ, что Уложенію 1649 г. оставалось лишь санкціонировать практику, зарегистрировать важнѣйшія преступныя дѣянія и неизбежное возмездіе за нихъ (кромѣ немногочисленныхъ сравнительно преступленій, караемыхъ смертю и членовредительными наказаніями) кнутъ и батоги. Но и уложеніе, какъ указано ниже, при разсмотрѣніи отдѣльныхъ видовъ тѣлесныхъ наказаній, назначая кнутъ въ 140 статьяхъ, не исчерпывало всѣхъ случаевъ его примѣненія: практика шла дальше. Обширный кругъ дѣйствія

¹⁾ П. С. Законовъ 2755 г. 1713. Дек. 18 Именной. 2859. г. 1714, Нояб. 18 Именной 3134. г. 1717. Дек. 16. 3445. г. 1719. Окт. 30. Указъ военной Коллегии. 3859. г. 1721. Ноября 29. Именной. 4652. г. 1725, Февр. 9. 5050. г. 1726, 5301, г. 1728, 5954. г. 1732. 6024 г. 1732. 6586. г. 1734. 6657. г. 1734. 6675. г. 1735. 6854 г. 1731. 8788, г. 1743 8270. г. 1740. 7630 г. 1738. 7743 г. 1739 7903 г. 1739. 10.889. г. 1758. 10.987 г. 1759. 11.387 г. 1761. 11729. г. 1761. 6046. г. 1732.

²⁾ П. С. З. 5089, г. 1727. 6395. г. 1733.

кнута, потребность приспособить его къ индивидуальнымъ особенностямъ дѣла и мѣста удовлетворялись различными варіаціями этого наказанія.

Царствованіе Петра Великаго еще увеличило значеніе тѣлесныхъ наказаній: появились неслыханныя до тѣхъ поръ наказанія: шпицрутены, кошки, линьки, стали примѣняться въ свѣтскихъ судахъ плети, впервые въ законѣ упомянуто сѣченіе дозами (розгами). Назначеніе этихъ наказаній всецѣло обусловливалось усмотрѣніемъ: били за все за что находили нужнымъ. Масса указовъ грозила кнутомъ за проступки, созданные реформами, о которыхъ не имѣли понятія въ XVII в. Государство по прежнему смотрѣло на подданныхъ какъ на крѣпостныхъ, обязанныхъ ему службою и наказывало за уклоненіе отъ нея тѣлесно. И послѣ Петра Великаго законодательство долгое время сохранило отпечатокъ случайности, указы вызывались потребностями или желаніями минуты, критерій тяжести преступленія отсутствовалъ: въ 1736 г. запрещено фабрикантамъ подъ смертною казнью сплавлять серебр. монеты въ позументы; въ 1738 г. жестокимъ наказаніемъ угрожало за совершенно новое правонарушеніе: ловлю соловьевъ около С.-Петербурга и во всей Ингерманландіи. Смертная казнь и битые господствовали повсемѣстно: въ этомъ случаѣ соблюдалось большое однообразіе. Вѣрную картину юстиціи разсматриваемаго періода рисуетъ донесеніе Якутскаго воеводы (отъ 1713 г.), описывающее его карательную дѣятельность (наказаніе бунтовщиковъ): главнаго казнили смертью, а «товарищей тутъ же на плахи клали и, снявъ съ плахъ, на козлѣ кнутомъ били и щеки бунтовщикамъ орломъ орлили, а иныхъ бивъ на козлѣ кнутемъ и по улицѣ въ проводку водили... достальныхъ били нагихъ батожемъ». То же продолжалось и послѣ Петра, какъ показываетъ списокъ наказаній въ Нижнемъ-Новгородѣ въ царствованіе Анны Іоанновны: въ 1732 г. было казнено 20 разбойниковъ, 15 бито кнутомъ и сослано въ вѣчную каторгу, 85 наказано кнутомъ и батогами. Въ 1735 г. казнено 94 чел., бито кнутомъ (съ ссылкой и самостоятельно)—197 ч; въ 1736 г. казнено 102, наказано 157. Въ 30—40-хъ годахъ XVIII столѣтія встрѣчаются случаи сожженія и вкопанія живыхъ въ землю. По Елиза-

ветинскому проекту Уложения предполагалось ввести новую казнь — разорваніе лошадыми ¹⁾.

Жестокость наказаній въ теченіе цѣлыхъ вѣковъ выработала особо спокойное отношеніе къ нимъ. Съ кнутомъ на столько осваивались, что по словамъ Стрюйса (1699 г.) онъ видѣлъ человѣка еще не выздоровѣвшего отъ наказанія кнутомъ, который по прежнему не платилъ пошлыны, т. е. долженъ былъ готовиться къ новому истязанію. Корбъ рассказываетъ, что при немъ царь приказалъ сѣчь крестьянина, не признававшася въ укрывательствѣ бѣгло, съ головы до пятокъ ужасной суковатой вѣтвью.... но изувѣченный крестьянинъ продолжалъ заператься.... „До такой степени, прибавляетъ Корбъ, велико въ москвитянахъ упорство, что никакія истязанія... не могутъ принудить ихъ къ признанію“ ²⁾. Несостоятельность устрашенія, вызывавшаго крайнюю жестокость наказаній вообще, заставляла смягчать ихъ, такія смягченія и помилованія время отъ времени встрѣчаются и въ XVII в., въ XVIII правительство старалось взять въ свои руки контроль надъ примѣненіемъ по крайней мѣрѣ строжайшихъ наказаній: въ 1726 г. приказано подавать въ Верховный Тайный Совѣтъ доношенія изъ сената о колодникахъ, осужденныхъ на смертную казнь или политическую смерть. Въ царствованіе Елизаветы (1753—54 гг.) такой же порядокъ введенъ снова: въ сенатъ приказано представлять экстракты о приговорахъ къ смертной казни, которую потомъ велѣно замѣнять кнутомъ и каторгой. Къ концу перваго періода встрѣчаются и непосредственныя смягченія наказаній, назначенныхъ по буквѣ закона: въ 1756 г. велѣно представлять въ Сенатъ о подлежащихъ наказанію за малыя вины въ соляныхъ дѣлахъ, такъ какъ Сенату сдѣлалось извѣстно, что одному крестьянину вольноторговцу, взявшему за 5 фунт. соли 5 коп. вмѣсто $4\frac{1}{2}$ съ $\frac{1}{8}$ долей, за $\frac{3}{8}$ копѣйки учинено было наказаніе кнутомъ и имѣнье отписано; въ 1762 г. за неболь-

¹⁾ П. С. З. 6910. г. 1736. № 1756. г. 1738. *Филитовъ*, о. с. стр. 336. Памятники Сибирской исторіи. I. № 123, стр. 15—16. *Соловьевъ*, т. XX, стр. 219—220.

²⁾ *Стрюйсъ*. Путешествіе. Р. Архивъ, 1880 г. кн. I, стр. 59. *Корбъ*, Чтенія. 1867. Июль—Сентябрь. стр. 285.

шой обмѣръ въ 47^{1/2} коп. по соляной торговлѣ сенать вмѣсто кнута и конфискаціи назначилъ одному наказанье батожемъ, а другому вмѣнилъ въ наказанье держаніе подъ карауломъ ¹⁾.

Смягченіе выразилось и въ измѣненіи наказанія малолѣтнихъ при Елизаветѣ, хотя указанія на такія смягченія встрѣчаются и раньше, напр. указомъ 1740 г. освобождены отъ штрафа не бывшіе у присяги церковники, которымъ во время ея принесенія не было 15 лѣтъ; въ 1740 г. дѣвка Анна Иванова за поджогъ избы по малолѣтству и иностранству ея освобождена отъ смертной казни (ей было 15 лѣтъ), велѣно было „учинить жестокое наказаніе плетми и сослать въ дальній монастырь въ работу“. Но общаго закона не было до указа 1742 г., когда по частному случаю убійства малолѣтней дѣвочкою (14 л.), сенату былъ поставленъ вопросъ вообще о наказаніи малолѣтнихъ, и результатомъ его явился упомянутый указъ. Въ самомъ представленіи сенату проектировалось виновную „по глупости и младоумію наказать лозами нещадно и отдать въ монастырь“. Сенать отнесся къ дѣлу очень либерально и установилъ прежде всего срокъ малолѣтства въ 17 лѣтъ; малолѣтнихъ за святотатство, убійство, поджоги предписывалось бить плетми на публичномъ мѣстѣ и, заковавъ въ ножныя желѣзы ссылать въ дальніе монастыри на 15 лѣтъ въ работу; за необратимые разбой, кражи и т. п. вины, подлежащихъ смертной казни, наказывать на публичномъ мѣстѣ плетми или батогами, смотря по лѣтамъ, и заключать въ монастырь на 7 лѣтъ. За вины, за которыя подлежатъ пыткѣ и наказанію кнутомъ, вмѣсто кнута—бить плетми или батогами, смотря по лѣтамъ и винѣ. Но этотъ указъ вызвалъ протесты духовенства: синодъ нашель, что раньше 17 лѣтъ человекъ „можетъ, вступать въ бракъ по правиламъ св. отецъ и тако меньше 17 лѣтъ человекъ довольный смыслъ имѣть можно“, а по указу Ея Императорскаго Величества къ присягѣ велѣно приводить съ 12 лѣтъ, потому, какъ говорится дальше, „по довольномъ разсужденіи“ сенать и си-

¹⁾ *Сергиевскій*. Смертная казнь при Елизаветѣ Петровнѣ. Журн. Уг. и Гр. Пр. 1890. I. стр. 51 и слѣд. П. С. З. 4964. г. 1726 11.569. г. 1762.

нодь согласились считать предѣльнымъ возрастомъ 12 лѣтній и такихъ освобождать отъ смертной казни, наказанія кнутомъ и пытки, и поступать по вышеписаннымъ правительствующаго сената съ коллегіями мнѣніямъ (т. е. по указу 1742 г.). Но въ другихъ указахъ и послѣ 1744 г. возрастъ малолѣтнихъ устанавливался гораздо выше въ виду того что 12 лѣтній соотвѣтствовалъ не столько дѣйствительному положенію вещей, сколько теоретическимъ разсужденіямъ. Въ генеральномъ учрежденіи о рекрутскомъ наборѣ 1757 г. малолѣтство опредѣляется въ 16 лѣтъ. Неудивительно поэтому, что въ проектѣ 1754 г. повторяются постановленія указа 1742 г., а вторая коммиссія опредѣляетъ возрастъ малолѣтнихъ отъ 10 до 15 л., а не до 12 ¹⁾.

Закрѣпощеніе всѣхъ классовъ населенія государствомъ привело къ тому, что тѣлесныя наказанія пріобрѣли всеобъемлющее значеніе: никакое положеніе не спасало отъ нихъ, въ этомъ смыслѣ всѣ были равноправны, всѣ несли службу и подвергались однѣмъ и тѣмъ же карамъ. Уже въ XV в. отъ тѣлесныхъ наказаній не избавлялись ни бояре, ни духовенство: Василий Косой приказалъ отсѣчь руку и ногу князю Переяславскому Роману; въ 1488 г. били кнутомъ на торгу князя Ухтомскаго и архимандрита Чудова монастыря; въ 1495 г. во Псковѣ были наказаны кнутомъ 2 священника, не поставившіе ратниковъ съ церковныхъ земель. Въ XVII в. кнутъ грозитъ воеводамъ за выпускъ изъ тюрьмы воровъ или закрѣпощеніе ихъ; въ 1647 г. бояринъ Стрѣшневъ за долголѣтнее знакомство съ вѣдунами подвергся жестокому наказанію и ссылкѣ въ Сибирь ²⁾, въ 1714 г. биты кнутомъ 2 сенатора Волковъ и Опухтинъ, имъ жгли кромѣ того языки каленымъ желѣзомъ.

Позднѣе наиболѣе знатные преступники стали избавляться отъ тѣлесныхъ наказаній при ссылкѣ: безъ нихъ

¹⁾ П. С. З. 8140. г. 1740, 8152. г. 1740. 8601. г. 1742. 8996 г. 1744. 10.786. Генеральныя учрежденія, 11. Проектъ 1754—66 г. 25,24, 32,3. 33,16.

²⁾ Карамзинъ. Т. V, стр. 208. Соловьевъ. Т. V, стр. 278.

Рейцъ. Опытъ исторіи російскаго государства и гражданскихъ законовъ. М. 1836. стр. 199. Есиповъ, Т. Колдовство къ XVII и XVIII вѣкахъ. Древн. и Нов. Россія. 1878 г. III стр. 65. Уложеніе. 1649, гл. X, 104.

были сосланы Θεодосій Яновскій, Девіеръ, Меншиковъ, Биронъ, Минихъ, Остерманъ и Головкинъ ¹⁾, но это не было еще твердо установившимся обычаемъ, что доказывается наказаніемъ кнутомъ даже знатныхъ дамъ, Лопухиной и Бестужевой при Елизаветѣ Петровнѣ.

Положеніе высшихъ и низшихъ классовъ въ Москвѣ, отсутствіе уваженія къ правамъ личности совершенно уничтожали позорящее значеніе тѣлесныхъ наказаній, которое они всегда сохраняли въ западной Европѣ. Эта особенность уже въ XVI в. поражала иностранцевъ: „Великій князь, говоритъ Барберини, (1565 г.), приказываетъ сѣчь, растянувъ на землѣ, знатнѣйшихъ бояръ.... Нѣтъ почти ни одного не высѣченнаго чиновника, но они не гонятся за честию и больше чувствуютъ побои, чѣмъ знаютъ, что такое стыдъ“. Стрюйсъ, жившій въ Россіи въ XVII в. дѣлаетъ то же замѣчаніе объ отсутствіи у русскихъ сознанія позорности даже публичнаго битья кнутомъ. Противоположное мнѣніе высказываетъ Олеарій, говоря, что прежде съ наказаннымъ обходились также какъ со всѣми, но теперь (1-ая половина XVII в.) начинаютъ смотрѣть на нихъ съ нѣкотораго рода презрѣніемъ; подтвержденій этому мнѣнію мы не встрѣчали, напротивъ памятники указываютъ, что государство, требовавшее только службы, относилось къ наказаннымъ кнутомъ также, какъ и къ другимъ, кнутъ не вліялъ на общественное положеніе наказаннаго и во второй половинѣ XVII в., что было бы едва ли возможно, если бы къ нимъ относились съ презрѣніемъ. Напр. указами 1650, 1654, 1655 гг. велѣно бѣглыхъ разныхъ людей битъ кнутомъ и высылать на службу въ тѣ же полки. Указъ 1705 года предписываетъ битъ бѣглыхъ кнутомъ и посылать ихъ на 5 лѣтъ на каторгу, а потомъ „быть имъ въ солдатахъ въ прежнихъ полкахъ“. Въ 1684 г. Киеинъ былъ битъ кнутомъ передъ стрѣleckимъ приказомъ за растлѣніе, а въ 1704 г. завѣдывалъ всѣми рыбными промыслами Россіи ²⁾. Сознаніе позорности кнута замѣтно лишь

¹⁾ П. С. З. 4717. г. 1725. *Соловьевъ*. Т. XVI, стр. 238. Т. XXI. стр. 43, 164—165.

²⁾ Сказанія о Россіи. Monumenta, Т. I стр. 33. *Стрюйсъ*, о. с. стр. 59. *Олеарій*, Подробное описаніе путешествія Гольштинскаго посольства въ Мо-

во 2-ую половину царствованія Петра Великаго. Обь отношеніи къ другимъ тѣлеснымъ наказаніямъ въ XVII в., въ началѣ XVIII в., всѣ свидѣтельства согласны въ томъ, что ихъ никому изъ русскихъ не приходило въ голову считать позорящими. Берхгольцъ не безъ удивленія рассказываетъ по этому поводу, что актеръ, получившій за разноску афишъ по городу около 200 батоговъ, игралъ опять съ знатными дамами; здѣсь, прибавляетъ онъ, это ни по чемъ и считается дѣломъ весьма обыкновеннымъ—и, дѣйствительно, было бы страннымъ со стороны дамъ измѣнять отношенія къ побитому, когда ихъ собственные отцы и мужья легко могли подвергнуться такому же исправительному внушенію со стороны его царскаго величества. Французскій резидентъ де Леви передаетъ въ одномъ изъ своихъ писемъ, что „передъ отъѣздомъ изъ С.-Петербурга (3 Января 1718 г.) царь пригласилъ къ себѣ въ 4 часа утра нѣсколькихъ знатнѣйшихъ сановниковъ и, принявъ ихъ поочередно, велѣлъ каждому наказать батогами ¹⁾“.

Тѣлесныя наказанія до конца перваго періода цѣнились лишь по свойству причиняемыхъ страданій, степень боли была ихъ единственной мѣркой. Понятно поэтому, что высшіе служилые классы старались избѣжать не тѣлесныхъ наказаній, царившихъ безраздѣльно повсюду, но тяжелыхъ тѣлесныхъ наказаній, стремились сбавить себѣ тяжести. Такія воззрѣнія на наказаніе уже издавна приводили къ установленію нѣкоторыхъ оттѣнковъ въ наказаніи высшихъ и низшихъ. Во второмъ судебникѣ (ст. 28) приказывалось дьяку записывать „исповы и отвѣтчиковы рѣчи“ по дѣлу, слушанному великимъ княземъ или боярами и отложенному, и скрѣпить запись своею подписью и печатью, если этого не сдѣлано и списокъ найдутъ у подьячаго безъ подписи и печати дьяка, подьячаго бьютъ кнутомъ, а со второго до-

сковію и Персію М. 1870 г. стр. 303. Дополненія къ актамъ истор. IX, 59. 1680. Марта 13. Царская грамота. П. С. З. 128, 1654 г. 154. 1655. Указъ. 2031, г. 1705. 2068. г. 1705.

¹⁾ *Берхгольцъ*, Дневникъ, веденный въ Россіи въ царствованіе Петра Великаго М. 1857—63 г. Ч. I. стр. 317. Бумаги изъ архива Французск. Мин. Ин. Д. 1681—1717. Сб. Р. И. Об-ва Т. 34, стр. 282.

правляютъ искъ и пошлыны. За неправый судъ по Уложенію 1649 г. думные люди подвергались штрафу и лишались чести, другіе наказывались кнутомъ; дьяковъ за волокиту велѣно бить батогами, подъячихъ—кнутомъ; за невѣрное написаніе суднаго списка Уложеніе 1649 г. карало дьяка торговою казною, подъячаго—отсѣченіемъ руки. За оскорбленіе словомъ патріарха стольникъ, стряпчій или московскій дворянинъ подвергались битью батогами, лица низшаго званія—торговой казни. Общественное положеніе наказаннаго имѣло такое же вліяніе и въ другихъ случаяхъ, обусловливая извѣстное снисхожденіе, напр. въ 1627 г. воевода Устюга Великаго спрашивалъ у царя, что дѣлать съ земскимъ судьейкой, арестованнымъ за безчинство, такъ какъ самъ воевода посадилъ его въ тюрьму, а кнутомъ бить не смѣлъ; велѣно было бить батогами и изъ тюрьмы выпустить ¹⁾. Подобное же снисхожденіе дѣлалось и для мѣстниковъ: ихъ наказывали вмѣсто кнута батогами, напр. въ 1649 г. бить въ разрядѣ Мих. Плещеевъ вмѣсто кнута батогами, а записано, что бить кнутомъ и въ тюрьму посланъ; въ 1650 г. князь Алек. Лыковъ за мѣстничество бить батогами въ подклети думнымъ дьякомъ Гавреневымъ ²⁾. Болѣе снисходительное битье являлось, такимъ образомъ, какъ бы привилегіей высшихъ классовъ.

Періодъ развитія и господства тѣлесныхъ наказаній не отдѣляется, какъ уже сказано, отъ слѣдующаго рѣзко очерченной линіей: стадіи перехода между различными эпохами подготавливаются задолго до ихъ наступленія, и во время процвѣтанія тѣлесныхъ наказаній появлялись уже нѣкоторые симптомы, предвѣстники иного будущаго, не колебавшіе, однако, установившихся порядковъ. Такими симптомами были измѣненіе взглядовъ общества и законодательства на значеніе наказанія рукой палача, начавшееся въ царствованіе Петра Великаго (оно будетъ рассмотрѣно въ слѣдующей главѣ), и исчезновеніе членовредительныхъ наказаній, что дѣлаеть исторію тѣлесныхъ наказаній съ половины

¹⁾ Судебникъ Ивана IV. ст. 58. Уложеніе 1649 г. Гл. IX, 5. Гл. X, 12, 16, 20. Изъ рукописей Е. В. Барсова. Читенія, 1888, Янв.—Мартъ, стр. 9.

²⁾ П. С. Зак. № 3, 29, 62. 1649 г. 27, 1650 г. 1652.

XVIII вѣка исторіей болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаній. Последнія, отличаясь отъ членовредительныхъ по способу причиненія страданій, различаются отъ нихъ и по значенію въ карательной системѣ и по живучести. Являясь грубымъ проявленіемъ чувства мести, выразившейся въ идеѣ таліона, членовредительныя наказанія держались лишь до тѣхъ поръ пока культура общества не достигла извѣстной высоты, тогда ихъ недостатокъ и бесполезная жестокость такъ рѣзко бросались въ глаза, что для уничтоженія ихъ не требовалось особенныхъ усилій, они исчезали безъ борьбы, незамѣтно, какъ исчезаютъ ночныя тѣни передъ разсвѣтомъ. Другое дѣло болѣзненныя тѣлесныя наказанія: будучи также порожденіемъ жестокости и владычества силы, они сходили съ исторической сцены не сразу, а медленно въ теченіе цѣлыхъ столѣтій; въ этомъ отношеніи ихъ исторія совершенно расходится съ исторіей членовредительныхъ наказаній. Болѣзненныя наказанія процвѣтаютъ уже въ одно время съ первыми, что не мѣшаетъ имъ не только на долго пережить ихъ, но и приобрѣсти еще большее, чѣмъ прежде значеніе: членовредительныя наказанія замѣняются болѣзненными, область дѣйствія последнихъ расширяется: упадокъ членовредительныхъ наказаній содѣйствуетъ, такимъ образомъ, распространенію и процвѣтанію болѣзненныхъ.

Первый крупный недостатокъ членовредительныхъ наказаній—это вредъ наносимый ими работоспособности преступника: въ западной Европѣ въ XVII вѣкѣ ихъ и считали непригодными, потому что они вваливаютъ на общество бремя содержанія изувѣченнаго, не могущаго зарабатывать себѣ пропитанія, въ Россіи эта сторона членовредительныхъ наказаній стала чувствоваться со времени сибирской ссылки, требовавшей сильныхъ и здоровыхъ людей. Потребности ссылки и вызвали указъ 1680 г., по которому слѣдовало воровъ за 2 татьбы „учиня наказаніе ссылать въ Сибирь на вѣчное житье, а казни не чинить“; въ 1691 г. ссылка назначается и за третью татьбу вмѣсто смертной казни. Стремленіе получить выгоды, утилизировать силы преступника на пользу государства было доведено до крайности въ царствованіе Петра Великаго: этимъ началомъ ступшеывались даже устрашительныя цѣли: арестанты по-

сылаются на всевозможныя государевы работы въ Азовъ, въ Рогервикъ, въ С.-Петербургъ, вмѣстѣ работаютъ и свободные и тяжкіе преступники; старыхъ преступниковъ, непригодныхъ для каторжныхъ работъ, велѣно было отправлять въ монастырскій приказъ и употреблять на посильныя работы въ кандалахъ ¹⁾). И членовредительныя наказанія несмотря на то, что удерживаются Воинскимъ Уставомъ, на практикѣ примѣняются рѣже: употребляются главнымъ образомъ вырѣзаніе поздрей, клейменіе. Работоспособность преступника сохранила свое значеніе и позднѣе: при Елизаветѣ Петровнѣ отсѣченіе руки отмѣняется за убійство, совершенное русскими въ Финляндіи, чтобы преступники могли употребляться на работы. Въ то же время реформы Петровскаго царствованія, вліяніе западныхъ началъ не могли съ теченіемъ времени не отразиться на взглядахъ и чувствахъ общества. Прѣжняя грубая жестокость стала казаться излишней: въ 1728 г. было приказано уничтожить въ С.-Петербургѣ столбы, на которыхъ выставлялись части тѣла казненныхъ. Во времена Елизаветы членовредительныя наказанія, стали рѣдкими, и примѣненіе ихъ не встрѣчало одобренія. Болотовъ, описывая членовредительныя наказанія свидѣтелемъ котораго ему пришлось быть въ 1757 г., замѣчаетъ: „могу сказать, что я не могъ смотрѣть безъ отвращенія на сіе кровопролитіе и не могу оно безъ внутренняго содроганія сердца и понынѣ вспомнить“ ²⁾).

Членовредительныя наказанія не упоминаются въ проектѣ уголовного Уложенія 1754—66 г. за исключеніемъ случаевъ вырванія поздрей. Статья о тѣлесныхъ поврежденіяхъ, за которыя Уложеніе 1649 г. назначало таліонъ, сохраняя почти слово въ слово диспозицію Уложенія 1649 г. назначаетъ за совершеніе названнаго преступленія не таліонъ, а кнутъ съ вырѣзаніемъ поздрей и ссылкой въ каторгу вѣчно. То же самое и въ постановленіяхъ о разбойникахъ, ворахъ и татяхъ, вездѣ членовредительныя наказанія замѣнены кнутомъ и ссылкой, и иногда смертною казнью, изъ чего можно заключить, что на практикѣ въ

¹⁾ П. С. З. № 846, 1680 г. № 1413. 1691 г. 1179 г. 1707.

²⁾ Заниски А. Болотова. Т. I. Спб. 1870 стр. 479.

1750—60 гг. такая замѣна уже совершилась: иначе трудно объяснить уничтоженіе этого вида наказанія въ проектѣ 1754 г., которымъ строгость карательныхъ мѣръ вообще не уменьшалась.

Безусловное осужденіе членовредительныхъ наказаній находимъ и въ наказѣ Императрицы Екатерины II: „всѣ наказанія, говорится въ немъ (ст. 96), которыми тѣло чело-вѣческое изуродовать можно, должно отмѣнить“, эта статья говоритъ, въ сущности, только о законодательной отмѣнѣ, такъ какъ на практикѣ съ половины XVIII в. членовредительныя наказанія примѣнялись лишь въ исключительныхъ обстоятельствахъ, напр. во время Пугачевского бунта.

ГЛАВА II.

Періодъ вымиранія тѣлесныхъ наказаній.

Ставя гранью втораго періода исторіи тѣлесныхъ наказаній царствованіе Екатерины II, я руководствовался основной, если такъ можно выразиться, тенденціей законодательства, что отнюдь не значитъ, что старыя начала русской жизни, имѣвшія вліяніе на развитіе тѣлесныхъ наказаній, перестали уже существовать,—кое что изъ нихъ уцѣлѣло даже и до нашего времени; эпоха Екатерины II настолько близко соприкасалась съ предшествовавшими и была такъ органически связана съ ними, что говорить о коренномъ различіи нѣтъ никакихъ основаній.

Какъ и въ первомъ періодѣ, въ русскомъ правѣ сохранило свое мѣсто устрашеніе; въ первые годы царствованія Екатерины II попадаютъ даже гиперболическія угрозы, какъ и въ старыхъ указахъ: въ манифестахъ о наполненіи судебныхъ мѣстъ достойными и честными людьми говорится: „если кто отважится коснуться лихоимству.... таковой нечестный и неблагодарный и яко заразительный членъ об-

щества не только изъ числа честныхъ, но и изъ всего чело-
вѣчества истребленъ будетъ ¹⁾“.

Также медленно и мало чувствительно происходили пере-
мѣны во внутреннемъ состояніи общества, въ которомъ
и теперь еще существуютъ теченія, поддерживающія тѣлес-
ныя наказанія. Полицейскій и строго сословный строй го-
сударства сохранялся въ царствованіе Екатерины въ непри-
косновенности. Какъ относилась администрація къ зада-
чамъ управленія, выясняется изъ наказа, даннаго глав-
ной полиціей своему депутату въ комиссіи 1767 г.: „на-
чальникъ полиціи, говорится въ немъ, долженъ вперять...
въ разумъ не только полицейскимъ служителямъ, но и
всѣмъ гражданамъ отвращеніе къ порокамъ“. За непорядки
и озорничество полиція, желая имѣть право наказывать
тѣлесно и заключеніемъ, просила: „дабы она и въ хра-
махъ Божіихъ имѣла доступъ надзирать за входящими на
молитву жителями, дабы оныя подобающую благопристой-
ность сохраняли“, и чтобы непочитающіе родителей наказы-
вались не только по просьбѣ послѣднихъ, но и когда по-
лиція сама усмотритъ такое непочтеніе, чего „яко вреднаго
обществу она сносить не должна безъ ограниченія ²⁾“.

До 1861 г. крѣпостное право создавало изъ самаго много-
численнаго класса населенія безправную массу, находив-
шуюся въ полной зависимости отъ помѣщиковъ и админи-
страціи. Неприглядность положенія крѣпостныхъ и настоя-
тельность реформы были очевидными: въ 1764 г. Новгород-
скій губернаторъ Сиверсъ докладывалъ императрицѣ о крѣ-

¹⁾ П. С. З. 11998. г. 1763. Устрашеніе не было позабыто и въ царствова-
ніе Николая I: въ манифестѣ 1 Января 1826 г. (П. С. З. I. 29 г. 1826) о даро-
ваніи народу разныхъ облегченій, послѣ перечисленія милостей, оказанныхъ
преступникамъ, выражалась надежда, что „умягченіемъ наказаній не ослабнетъ
спасительный страхъ закона“. Но сохранившись въ принципѣ, устрашеніе въ
¹/₂ XIX вѣка многое утратило изъ средствъ, бывшихъ въ его распоряженіи.
Прежняя строгость наказаній стала теперь немислимою: при Петрѣ Великомъ,
напр., за продажу недоброкачественныхъ продуктовъ возможно было назначать
кнутъ, плети, ссылку, въ 1842 г. эти проступки наказывались только штра-
фомъ и закрытіемъ торговаго заведенія (за 3-й проступокъ). (П. С. З. 15 :
915. г. 1842). Времена и люди измѣнились.

²⁾ Наказъ выборнымъ отъ Главной Полиціи. Сб. Р. И. Об-ва. Т. 43 стр.
298, 301, 302.

постныхъ, какъ о „несчастныхъ существахъ“. Сама императрица, возражая на известную книгу Шаппъ Д'Отероша, должна была ограничиться лишь замѣчаніемъ, что „наши нравы улучшаются“, и есть много домовъ, въ которыхъ сочли бы безчеловѣчнымъ обходиться съ людьми сурово, и что жестокость существуетъ и въ другихъ странахъ ¹⁾. Въ 1802 г. слѣдователи по дѣлу Орлова о жестокомъ обращеніи съ крѣпостными выяснили, что „цѣпи, желѣза, рогадки, колодки—обыкновенныя наказанія... въ другихъ случаяхъ наказанія изобрѣтаются съ такимъ свирѣпствомъ, что безъ содроганія и выразить невозможно“. Неудивительно, если въ царствованіе Николая I насчитывалось 556 крестьянскихъ волненій, охватывавшихъ иногда значительныя районы, и что, по мѣрѣ хотя и медленнаго измѣненія правосознанія въ массѣ, гнетъ крѣпостничества дѣлался нестерпимымъ, вызывая все больше и больше протестовъ ²⁾.

Не легче было и положеніе солдатъ: „обхожденіе съ нижними чинами“, отмѣчаетъ въ воспоминаніяхъ С. П. Шиповъ.... „было не только чрезмерно строгое, но безразсудно жестокое. Нельзя теперь себѣ представить тѣхъ истязаній, коимъ, за маловажныя вины, а иногда и безъ вины, подвергался тогда солдатъ“ (до 1817 г.). У Аракчеева, служившаго олицетвореніемъ палочнаго режима, были такіе командиры, какъ полковникъ Фрикенъ, который „вырывалъ у солдатъ ключьями волосы, билъ эфесомъ сабли по головѣ, а о палкахъ и говорить нечего: онѣ пробивали спины до костей“. „По понятіямъ лицъ, стоявшихъ во главѣ администраціи, пишетъ кн. Голицынъ о царствованіи Николая I, тѣ, которые били палками и сѣкли.... снискивали себѣ известность людей твердыхъ, способныхъ и достойныхъ ³⁾“.

¹⁾ *Антидотъ*. Восемнадцатый вѣкъ, сборникъ Бартенева, стр. 330. *Соловьевъ*, т. XXVI, стр. 137.

²⁾ Древняя и Новая Россія, 1876 г. т. III, стр. 263, 273, 274. П. С. З. 20, 263. г. 1882 26, 603 и 26, 781 г. 1817. Т. IV. 2725. г. 1829. Борьба крѣпостныхъ. Р. Стар. 1887 г. стр. 418—427.

³⁾ Воспоминанія С. П. Шипова. Р. Арх. 1878. т. 2, 158. *Голицынъ*. Тѣлесныя наказанія. Р. Стар. 1890. т. 66, стр. 76 и 80. Матеріалы къ новѣйшей отечественной исторіи. Гр. Аракчеевъ и военныя поселенія. Спб. 1871. стр. 5. *Граббе*, А. К. Гр. А. Л. Аракчеевъ. Р. Ст. 1875 г. Т. 12, стр. 103.

Жестокость и произволъ достигали столь значительныхъ размѣровъ, что еще въ послѣдній годъ царствованія Александра I, пришлось сдѣлать повсемѣстно подтвержденіе, чтобы, "нигдѣ ни подь какимъ видомъ.... ни въ высшихъ, ни въ низшихъ мѣстахъ никто не дерзалъ ни дѣлать, ни допускать, ни исполнять никакихъ истязаній" ¹⁾. Привычка бить вошла съ одной стороны въ плоть и кровь представителей администраціи, съ другой—долговременный опытъ научилъ низшія сословія безропотно переносить начальственные распоряженія; протестовъ было мало, и указы оставались мертвой буквой. Да и высшіе классы общества, въ массѣ малокультурные и воспитанные въ атмосферѣ битья (за исключеніемъ болѣе развитаго меньшинства, значеніе котораго постепенно усиливалось) спокойно относились къ привычной обстановкѣ; ихъ требованія ограничивались узко-сословными интересами: за этими рамками жестокость карательной системы не обращала на себя ихъ вниманія, — и въ началѣ періода слышался даже протестъ въ защиту стараго, противъ котораго выступало правительство, проникнутое западными началами и вѣяніями. Какой характеръ желало придать карательной дѣятельности русское общество въ шестидесятыхъ годахъ XVIII стол., выясняется провинціальными дворянскими наказами въ комиссію 1767 года. Алатырское дворянство било челомъ, чтобы увѣщанія не только разбойнику и смертоубійцѣ, но и всякому вору оставить, а спрашивать ихъ, какъ злодѣевъ и казнь чинить по всей строгости прежнихъ законовъ. Темниковское дворянство высказывалось рѣшительно противъ новыхъ направленій и поручало просить: „не дозволено ли будетъ съ оными злодѣями по прежнимъ строгимъ государственнымъ узаконеніямъ поступать и что въ городахъ оныхъ воровъ слѣдовать пристрастными распросами и пытатъ дозволить, дабы на то смотря другіе то чинить не могли, въ томъ бы безстрашное благоденственное житіе имѣли“. Елецкое дворянство желало даже не только пытокъ, но и смертной казни для всѣхъ смертоубійцъ, воровъ и разбойниковъ; въ такомъ же духѣ выра-

¹⁾ П. С. З. 30.563 г. 1825. Воспоминанія П. Т. Морозова, Р. Ар. 1875 г. стр. 244, 245.

жалось и Орловское и Бѣлевское дворянство. Правда, были и болѣе умѣренные наказы: Свіяжское дворянство просило только отдавать, въ солдаты или ссылатъ воровъ, не чиня пытокъ, Трубчевское поручало просить, чтобы дворянамъ, кромѣ разбоя и другихъ важныхъ преступлений, наказаній тѣлесныхъ не чинить, наказывая за погрѣшности по ихъ благородству арестомъ и содержаніемъ на сухояденіи, а не тюрьмою, гдѣ содержатся по важнымъ дѣламъ воры и преступники.

Еще въ XIX в. господствующая система находила себѣ защитниковъ даже въ представителяхъ науки, напр. проф. Баршевъ въ курсѣ уголовного права, изданномъ въ 1841 г., писалъ о тѣлесныхъ наказаніяхъ: „Членовредительныя наказанія встрѣчаются... у народовъ зарождающихся... вслѣдствіе буквального понятія о законѣ возмездія... для познанія людей уже наказанныхъ... кромѣ того для большаго устрашенія ¹⁾. Болѣзненные наказанія не годились бы... если бы въ нынѣшнихъ государствахъ всѣ дѣйствительно были такъ чувствительны къ чести, какъ говорятъ, и не было бы ни одного несовершеннолѣтняго; но между низшими классами народа нѣтъ ни такого тонкаго чувства, ни, говоря вообще, совершеннолѣтнихъ... Высидѣть годъ въ тюрьмѣ едва ли кто изъ простаго народа согласится охотнѣе, нежели перенести легкое тѣлесное наказаніе. Въ наукѣ... практической не должно высказывать ни одного положенія, не прислушиваясь къ опыту... Но изъ опыта можно вывести даже то, что лишеніе свободы... могло бы быть для многихъ не милостью, а... одной изъ самыхъ надежныхъ мѣръ устрашенія. Только одно безотчетное предрасположеніе къ лишенію свободы... могло такъ вооружить противъ тѣлеснаго наказанія“.

Однако, несмотря на сохраненіе старыхъ порядковъ, общество уже во второй половинѣ XVIII вѣка представляло и замѣтныя отличія: просвѣщеніе и культура, хотя медленно, но проникали въ высшіе слои, являлись русскіе уче-

¹⁾ Депутатскіе наказы. Сб. Р. И. Об-ва Т. 68. стр. 117, 356, 453, 470, 478, 523, 34—38, 612—614. 560. Баршевъ, Общія начала теоріи и законодательства о преступленіи и наказаніи. Ч. II. М. 1841. § 37.

ные, образованные люди, нравы смягчались, выросли новые понятія о чести, въ известной степени поддерживаемыя и правительствомъ; въ этихъ новыхъ теченіяхъ общественной мысли и нравственности и слѣдуетъ искать источника оппозиціи существующему, протеста противъ варварской жестокости наказаній, проведеніе мысли объ ихъ позорности и бесполезности. Отличіе двухъ поколѣній XVIII вѣка не ускользнуло отъ современниковъ, даже не принадлежащихъ къ числу привычныхъ и внимательныхъ наблюдателей общественной психологіи. Свидѣтельство объ этомъ уцѣлѣло въ запискахъ Порошина, передающаго рассказъ одного генерала о томъ, какъ смолоду онъ былъ не чистъ на руку и стянулъ что-то у фельдмаршала Шереметева, который и отдулъ его батожьемъ. Тотъ же генераль разсуждалъ у Разумовскаго: „какіе недотыки нынѣ люди стали: нельзя и выбрать, а бывало де палочьемъ дуютъ, дуютъ, да и слова сказать не смѣешь“¹⁾.

Новое проявляло несомнѣнные признаки существованія: противъ установленнаго порядка энергично высказался Болтинъ: „развѣ нѣтъ средствъ, писалъ онъ, кромѣ дыбы; кнута и подобныхъ мучительствъ? И по нынѣ еще изъ умовъ нѣкоторыхъ не истребилось сіе неистовое мнѣніе“. „Неистовое“ мнѣніе о пользѣ истязаній и позора не истребилось въ сожалѣнію и много позднѣе того времени, когда жилъ Болтинъ. И. Лопухинъ, находя наказанія слишкомъ жестокими, высказывалъ мнѣніе, что „цѣлью наказанія всегда должно быть исправленіе, а не месть одна и терзаніе“²⁾.

При Екатеринѣ II признаны рѣшительно негодными тѣлесныя наказанія даже для дѣтей: въ планѣ Воспитательнаго Дома, составленномъ известнымъ филантропомъ Бецкимъ, тѣлесныя наказанія запрещались для служителей „дабы юношество не приучать къ суровости“. Въ 1767 г. запрещеніе тѣлесно наказывать дѣтей мотивируется тѣмъ, что „по физикѣ доказано, что бить дѣтей... существенное зло“. Въ 1766 г. въ новомъ уставѣ Кадетскаго корпуса говори-

¹⁾ Соловьевъ, т. XXVI. стр. 247—248.

²⁾ Вошь стариннаго судьи. И. Лопухина. Чтенія, 1862., 2 стр. 151.

лось: „благородную душу должно воздерживать опасеніемъ.... безчестія, а не страхомъ тѣлеснаго и вредительнаго наказанія“.

Въ первые годы XIX стол. по дѣлу о двухъ крестьянахъ, невинно осужденныхъ за убійство, графъ С. Румянцевъ высказалъ мнѣніе, что „торговая казнь, да рванье поздрей и штемпелеваніе по лицу“ должны исполняться не иначе, какъ по меморіи сената съ Высочайшаго утвержденія. Министръ коммерціи Н. Румянцевъ прямо заявилъ о желательности отмѣны „мучительныхъ истязаній“. Въ 1819 г. по проекту Вальтера Венинга предполагалось отмѣнить тѣлесныя наказанія въ тюрьмахъ. Въ 1824 г. при обсужденіи въ государственномъ совѣтѣ проекта Уголовнаго Уложенія 1813 г. противъ кнута высказалось 13 членовъ, а за него только 4. Особенно горячо поддерживалъ мысль объ уничтоженіи кнута одинъ изъ просвѣщеннѣйшихъ и лучшихъ представителей александровской эпохи адмиралъ Мордвиновъ ¹⁾.

Тяжело чувствовалось основанное на битвѣ управление во время Николая I: „печальное зрѣлище“, пишетъ въ своемъ интересномъ дневникѣ (1841 года) проф. Ники-Никитенко, „представляетъ современное общество: въ немъ нѣтъ ни великодушныхъ стремленій.... ни правосудія, ни чести“; въ 1845 г. тѣ же жалобы: „1812 г. не оставилъ никакихъ слѣдовъ въ народномъ духѣ.... страшный гнетъ, безмолвное раболѣпство,—вотъ что пожалала Россія на этой кровавой нивѣ“.... Другой современникъ, не профессоръ, а служащій, сенаторъ Н. Н. Лебедевъ, писалъ о наказаніяхъ: „дурная система наказаній; по своду только и слышится плеть, да кнутъ, ссылка, да каторга. Гласности никакой“.

Настроеніе общества въ вопросѣ о тѣлесныхъ наказаніяхъ дѣлалось для нихъ мало по малу неблагопріятнымъ; они оказывались въ разладѣ съ понятіями о существѣ и цѣляхъ наказанія, выполненіе ихъ внушало уже не „спа-

¹⁾ П. С. З. 11,908. г. 1763. 12,741 г. 1766. 12,957. г. 1767. П. С. З. 170. 1855. Отношеніе Министра Двора о тѣлесномъ наказаніи придворныхъ служащихъ. П. С. З. 27,895 г. 1819. Чтенія. 1860.. 4 стр. 292—5. *Титанцевъ*, о. с. стр. 1415.

сительный страх“, а ужасъ и отвращеніе вмѣстѣ съ сожалѣніемъ къ преступнику. Само правительство вполнѣ сознавало съ 20 годовъ XIX столѣтія неумѣстность кнута, благодаря которому за границей особенно подчеркивалось варварство и дикость русскихъ. Въ 1832 году сынъ маршала Даву кн. Эмюльскаго, будучи въ Москвѣ, тайно купилъ у заплочнаго мастера кнутъ, вслѣдствіе чего 22 Сентября этого года состоялось секретное предписаніе министра внутреннихъ дѣлъ губернаторамъ съ указаніемъ на этотъ случай и сообщеніемъ, что „Его Императорское Величество повелѣтъ всемилостивѣйше соизволилъ впредь ни кнотовъ ни заплочныхъ мастеровъ никому не показывать“¹⁾. Изъ этого указа ясно, что государство чувствовало себя неловко, пользуясь давно отжившими свое время орудіями тѣлесныхъ наказаній, но, по традиціи, подчиняясь идеѣ о спасительности битья и устрашенія, не рѣшалось на коренныя реформы; этой нерѣшительностью, крѣпостнымъ правомъ, указанными въ началѣ главы чертами общественнаго быта, свидѣтельствующими о маломъ проникновеніи во всѣ слои общества просвѣщеніи и, сложившимся въ чиновничествѣ того времени мнѣніи о гибели всѣхъ основъ съ ослабленіемъ тѣлесныхъ наказаній, равносильнымъ якобы полной отмѣнѣ всякихъ наказаній въ глазахъ народа,—и объясняется медленный и тяжелый процессъ исчезновенія тѣлесныхъ наказаній въ Россіи.

Разсматривая ближе причины, непосредственно содѣйствовавшія вымиранію тѣлесныхъ наказаній, постепенно превращавшихъ Россію, по выраженію Д. А. Ровинскаго, изъ „битаго“ въ „небитое“ царство, слѣдуетъ отмѣтить три важнѣйшихъ условія: 1) признаніе тѣлесныхъ наказаній позорными, 2) возникновеніе привиллегій, вытекающихъ изъ позорности наказаній и 3) смягченіе наказаній.

Въ первой главѣ указывалось, что въ XVII в. наказаніе кнутомъ не вліяло на служебное положеніе чловѣка. Это измѣнилось съ введеніемъ въ русское право наказаній,

¹⁾ Дневникъ В. Никитенко. Р. Ст. 1889 г. Т. 64. стр. 322—3, 753. Т. 65 стр. 50. Изъ записокъ сенатора К. Н. Лебедева. Р. Архив. 1888. кн. 2 стр. 135 Р. Стар. 1887 г. т. 56. стр. 216.

лишающихъ чести въ западно-европейскомъ смыслѣ. Шельмованіе упоминается уже въ 1714 году по указу о запрещеніи взятокъ и посуловъ: по которому виновный долженъ быть „жестоко наказанъ, шельмованъ, имѣнья лишень и смертию казненъ“. Воинскимъ Уставомъ шельмованіе опредѣляется окончательно ¹⁾. Наказанія лишающія чести были перенесены съ запада, оттуда же вмѣстѣ съ ними перенеслось и укрѣпилось сознаніе ихъ позорности. Вначалѣ эта позорность, конечно проникла въ очень скромныхъ размѣрахъ, такъ какъ признать сразу всѣ тѣлесныя наказанія позорными, перевернуть вѣками сложившіеся взгляды, значило ввести новшество, не понятное для современниковъ, да и предубѣжденія противъ тѣлесныхъ наказаній не могъ имѣть и самъ законодатель, поэтому при Петрѣ Великомъ безчестящимъ дѣлается лишь наказаніе кнутомъ, совершаемое всенародно рукою палача, съ которымъ кромѣ физическаго страданія соединяется и позоръ. Въ указѣ 1721 г. Петръ Великій объяснилъ, что шпицрутены употребляются для офицеровъ и рядовыхъ, ссылаемыхъ въ каторгу, потому, что если они освободились бы по отбитіи урочныхъ лѣтъ (послѣ наказанія кнутомъ) „то за такимъ порокомъ, что были въ катскихъ рукахъ невозможно ихъ въ прежнюю службу употреблять“, — въ виду этого военныхъ и стали наказывать кнутомъ въ тѣхъ случаяхъ, когда возвращеніе на службу было для нихъ невозможно, т. е. при вѣчной каторгѣ. Этимъ порядкомъ былъ сдѣланъ важный шагъ, намѣтившій дальнѣйшее развитіе понятія позорности тѣлесныхъ наказаній: прикосновеніе палача стало безчестящимъ. Однако прежніе взгляды не могли измѣниться сразу, даже высшая администрація не была въ состояніи тотчасъ примѣниться къ новому порядку: въ 1722 г. Петръ Великій долженъ былъ писать сенату, чтобы не опредѣляли на службу въ военную коллегію, бывшаго офицера Языкова „явно наказаннаго, яко вора“ ²⁾. Позорность наказаній была признана главнымъ образомъ для воен-

¹⁾ П. С. З. 2871. г. 1714. *Латкинъ*, Лекціи по внѣшней исторіи русскаго права. стр. 213.

²⁾ П. С. З. 3136. г. 1717. 3760 г. 1721. Указы и повелѣнія. Сборникъ Р. И, Об-ва. 11. стр. 492.

ныхъ, что объясняется ея западнымъ происхожденіемъ; духовенство, напр., въ царствованіе Петра наказывалось кнутомъ по старому, что не влекло, повидимому, безчестія: въ 1724 г. за ложное показаніе о ревизскихъ душахъ велѣно нещадно бить кнутомъ и духовныхъ и свѣтскихъ свидѣтелей, первыхъ только снесшись съ архіереемъ, при этомъ ничего не говорилось о лишеніи сана, слѣдовательно, кнутъ не вліялъ на возможность продолжать пастырское служеніе ¹⁾.

При преемникахъ Петра Великаго въ указахъ постоянно выдвигается позорность битья кнутомъ, исполнявшагося всегда рукою палача, несовмѣстимость его со считавшейся тогда наиболѣе почетной военной службой: предписывается годныхъ для военной службы наказывать плетью, негодныхъ кнутомъ, напр., въ указѣ 1745 года говорится: „кто кнутомъ не сѣченъ, годныхъ написать въ Астраханскій гарнизонъ, а которые въ службу не годны или кнутомъ сѣчены возвратить помѣщикамъ или записать въ подушный окладъ, гдѣ они жить пожелаютъ“.

Позорящее значеніе битья кнутомъ создало для правительства необходимость прибѣгать къ этому наказанію въ важныхъ случаяхъ, сократить область его примѣненія, чтобы не лишиться себя права воспользоваться наказанными въ цѣляхъ военной службы, поэтому кнутъ начинаетъ замѣняться во многихъ случаяхъ плетью, кошками, на которыя переносится обстановка битья кнутомъ (см. ниже), всенародно рукою палача, что въ свою очередь вызываетъ признаніе и этихъ тѣлесныхъ наказаній безчестящими: позорнымъ становится не битье кнутомъ, а всякое тѣлесное наказаніе; результатомъ этихъ возрѣній и явились указы 1761 и 1775 г., по которымъ наказанія батошьемъ, кошками и плетью признаны „не исправленіями, а сущей казнью“ и приравнены по порядку вступленія въ законную силу къ кнуту ²⁾. Отъ времени Павла I сохранились 2 любопытные указа, доказывающіе, что вообще тѣлесныя наказанія, даже и шпицрутены, считались въ нѣкоторыхъ

¹⁾ П. Собр. Зак. 4520. Годъ 1724.

²⁾ П. С. З. 5528. г. 1730. 7903. г. 1739. 9912. т. 1751, 9928. 9207. г. 1745. 16,513. г. 1787.

обстоятельствах позорными: въ 1798 г. съ Петровской законичностью былъ отданъ приказъ: „прогнанныхъ сквозь строй, хотя бы одинъ разъ кирасирь писать уже въ извошки, а не въ кирасиры“, въ 1799 г. повелѣвалось „впредь виновныхъ, приговариваемыхъ къ тѣлеснымъ наказаніямъ никогда не назначать въ воинскую службу“, оба эти указа не отличались ясностью и едва ли долго примѣнялись на практикѣ, но они интересны, какъ указаніе на то, что для возвышенія престижа службы въ арміи изъ нея нашли нужнымъ удалить всѣхъ, на комъ лежало пятно безчестія—тѣлеснаго наказанія. Позднѣе, въ царствованіе Николая I тѣлесное наказаніе составляло непреодолимое препятствіе для производства въ офицеры: въ 1831 г. дозволено производить въ унтеръ офицеры, отданныхъ въ военную службу послѣ тѣлесныхъ наказаній, съ тѣмъ, чтобы наказаніе отмѣчалось въ формулярныхъ спискахъ, чтобы они никоимъ образомъ не попали въ офицеры. Препятствіемъ для военной службы вообще осталось тѣлесное наказаніе рукою палача: въ 1831 г. приказано было отдать въ солдаты всѣхъ ссылаемыхъ на поселеніе до 30 возраста, кромѣ публично наказанныхъ; отступленія отъ этого правила дѣлались лишь въ тѣхъ случаяхъ, когда выполненіе его было опасно для правительственныхъ интересовъ: такъ, въ 1837 г. повелѣвалось возвращать на службу солдатъ, которые, скрывъ свое званіе подъ именемъ бродягъ, поселенцевъ или бѣглыхъ каторжниковъ, были наказаны плетью, какъ они умышляютъ получить какъ бы отставку посредствомъ претерпѣнія легкаго наказанія ¹⁾).

Уже въ половинѣ XVIII в. и общество стало смотрѣть на тѣлесныя наказанія, какъ на обезчещивающія, крайне тяжелыя для высшихъ сословій: на проявленія подобнаго настроенія можно указать въ эпоху, ближайшую къ царствованію Петра Великаго: въ 1727 г. А. Чоглоковъ, бывшій при Петрѣ комендантомъ на Олонцѣ просилъ дать ему указъ изъ сената о непорицаніи его понесеннымъ наказаніемъ, ссылаясь на то, что Петръ простилъ его и воз-

¹⁾ П. С. З. 18530. г. 1798. 18898. г. 1799. 4379. г. 1831. 10.155. г. 1837.

вратилъ конфискованное имущество ¹⁾. Князь Щербатовъ оставилъ намъ яркую картину измѣнившихся взглядовъ: „Петръ, не разбирая ни роду, ни чиновъ, бивалъ приближенныхъ къ нему. Не можетъ сіе въ нашихъ обычаяхъ, имъ же введенныхъ, не странно казаться и многіе изъ насъ восхотятъ скорѣе смертную казнь... нежели жить послѣ палокъ или плетей, хотя бы сіе и священными руками и подъ очами помазанника Божія учинено. Всякій вѣкъ имѣетъ свои нравы... а при Петрѣ Великомъ вѣкъ былъ таковъ, что побои не иначе какъ по болѣзни почитали, не считая ихъ себѣ въ безчестье, хотя бы тѣ и кацкими руками были учинены. Колико находимъ мы въ разрядныхъ книгахъ, что иного висѣбли плетями, отсылали къ тому головой, съ кѣмъ мѣстничался или иного за какое неисполненіе приводили подъ висѣлицу и били чрезъ кацкія руки по щекамъ, именъ я не упоминаю, дабы не сдѣлать огорченія потомкамъ... А однако сіи тогда наказанія не безчестили, и они по прежнему въ чины и должности употреблялись“ ²⁾.

Князь Щербатовъ не точно указываетъ на то, что при Петрѣ наказаніе рукою палача не безчестило (кнутъ), въ остальномъ приведенный отрывокъ можетъ послужить лучшимъ комментариемъ отношенія къ тѣлеснымъ наказаніямъ съ половины XVIII в.; нѣтъ надобности говорить, что оно не измѣнилось и въ позднѣйшее время.

Изъ сознанія позорности тѣлесныхъ наказаній выработалось и второе условіе, содѣйствовавшее ихъ исчезновенію и бывшее логическимъ выводомъ изъ перваго,—изъятіе отъ тѣлесныхъ наказаній (привилегія). Когда тѣлесныя наказанія стали налагать на подвергшагося имъ неизгладимое клеймо позора, высшіе вліятельные классы по понятнымъ причинамъ начали употреблять всѣ усилія, чтобы избѣжать ихъ и сохранить неприкосновенной свою честь, идея которой была неизвѣстна въ Московскомъ государствѣ, тамъ че-

¹⁾ Протоколы, журналы и указы Тайнаго верховнаго Совѣта. Сборникъ Рус. Истор. Об-ва Т. 69, 1889 г. стр. 846.

²⁾ Щербатовъ. Разсмотрѣніе о порокахъ и самовластіи Петра. Чтенія 1860. 1. стр. 15—16.

ловѣкъ могъ лишаться званія, чина, напр. изъ высшаго разряда служилыхъ попасть въ низшій,—и только. Шельмованіе расширило это понятіе уже съ царствованія Петра Великаго, но не слѣдуетъ думать, что въ это время понятіе о чести совпадало съ современнымъ, т. е. соединялось съ представленіемъ о достоинствѣ человѣка, независимо отъ сословія и положенія, занимаемаго имъ на іерархической служебной лѣстницѣ. Первоначально честь, что естественно вытекало изъ существовавшихъ раньше воззрѣній, была служилая, т. е. право на почетъ обуславливалось чиномъ. Въ спорѣ съ Шафировымъ членъ иностранной коллегіи Степановъ писалъ: „Шафировъ могъ говорить, что онъ побилъ бы меня, то бѣ мнѣ можно за его благодаренія ко мнѣ снести. Я о моей персонѣ не говорю, только характеръ канцеляріи совѣтника не допускаетъ, что не токмо побои, но и брани терпѣть“ ¹⁾. Слѣдовательно, защищался только совѣтникъ канцеляріи, а Степанова бить было можно. Въ Воинскомъ и Морскомъ Уставахъ наказуемость въ зависимости отъ чина проведена довольно послѣдовательно: въ нихъ видно желаніе освободить офицеровъ отъ тѣлеснаго наказанія, по крайней мѣрѣ за менѣе важныя проступки, такъ какъ на западѣ офицеры дворяне вовсе не подвергались тѣлеснымъ наказаніямъ,—это было приспособленіе западныхъ началъ къ русскимъ условіямъ. Рядовымъ назначались, обыкновенно, шпицрутены, кошки, тогда какъ офицерамъ—штрафъ, служба за рядоваго, лишеніе чина, вычетъ изъ жалованья, отставка безъ абшида. С. М. Соловьевъ говоритъ, что малый чинъ не защищалъ передъ большимъ, гражданскіе чины давали почетъ меньше чѣмъ военные, отсюда стремленіе чиновниковъ называться военными чинами, вызвавшее указъ 1736 г., запрещавшій это подъ страхомъ лишенія чина ²⁾.

¹⁾ Соловьевъ, Исторія XVI, стр. 176.

²⁾ Воинскіе артикулы 10, 38, 45, 47, 48, 64, 69, 85, 113, 114, 117, 141, 181. Военно-морской уставъ, кн. IV. ч. I. 5, 7, 9, 10, 18, 19, 25, 27, 34, 36. Кн. V, 11 и т. д. II. С. З. 3755. г. 1721. Соловьевъ, Т. XX, стр. 258. II. С. З. 7021.

На ряду со служебной честью появляется понятие о сословной, т. е. достоинство человека стало охраняться независимо от его чина, но смотря по тому, къ какому сословию онъ принадлежалъ. Начатки этого порядка наблюдаются тоже въ царствованіе Петра Великаго. Раньше, въ Москвѣ, преимущество высшихъ классовъ выражалось въ смягченіи тѣлесныхъ наказаній, теперь—въ отсутствіи его, различіе несомнѣнно коренное. Прежде всего изъ массы населенія выдѣляются знатные, къ которымъ правительство считаетъ долгомъ отнестись съ извѣстнымъ уваженіемъ. Въ 1708 г. предписывалось съ неявившихся на службу знатныхъ брать штрафъ, малознатымъ чинить наказаніе, и сверхъ того брать штрафъ; за подачу запрещенныхъ челобитныхъ знатные лишались чина и имѣнія, изъ нижняго чина и подлые—жестоко наказывались кнутомъ. То же подтверждено и указомъ 1740 г. Понятіе знатности опредѣляется со временемъ точнѣе, замѣняется понятіемъ „состоящихъ въ рангахъ“; такъ напр. состоящіе въ рангахъ за корчемство лишались имѣнія, подлые подвергались тѣлесному наказанію (указъ 1751 г.). Но табель о рангахъ включала въ себѣ такіе незначительные чины, что дарованіе имъ всѣмъ привилегіи едва ли могло казаться нужнымъ и приличнымъ, поэтому къ рангамъ прибавляются ограничивающія это понятіе дополненія. Въ таможенномъ уставѣ 1755 г. говорится о взисканіи штрафа съ состоящихъ на службѣ въ рангахъ изъ дворянъ¹⁾, словомъ начинаетъ получать значеніе сословная точка зрѣнія на честь. Стремленіе дворянства и болѣе вліятельныхъ классовъ населенія освободить себя отъ тѣлесныхъ наказаній сказывается вполне ясно въ проектѣ 1754 г., гдѣ постоянно выдѣляются персоны, состоящія въ первыхъ 8 классахъ, дворяне и знатные купцы. Въ редакціи проекта, данной ему Комиссіей 1766 года, система изыятій достигаетъ полной опредѣленности: наказаніе распадается на 2 самостоятельные вида: 1) для привилегированныхъ и 2) для подлыхъ, причемъ для первыхъ наказаніе вообще смягчается съ совершеннымъ исключеніемъ

¹⁾ П. С. З. 2199 г. 1768 3261 г. 1718. 8113 г. 1740. П. С. З. 9928 г. 1751, 10486, г: 1755.

тѣлесныхъ, напр. при обнаженіи оружія во дворцѣ привилегированнымъ назначается вѣчное житіе въ Сибири, подлымъ же—плети и ссылка; за ссору и брань—первымъ арестъ и безчестіе, подлымъ плети (23,2,3). За насильное ополченіе—благородныхъ лишать чина на годъ или сослать на годъ, простымъ—кнутъ; за подметныя письма о поджогахъ—первымъ назначалось лишеніе всѣхъ чиновъ или ссылка, вторымъ—кнутъ и ссылка; за похвальбу поджогомъ—тюрьма, лишеніе чина, подлымъ—плети, и т. д. Правда о дворянахъ не упоминается въ главахъ о ворахъ и татахъ, гдѣ щедро назначаются тѣлесныя наказанія, но изъ того, что законъ постоянно говоритъ въ этой главѣ объ отдачѣ виновныхъ тѣмъ, чьи они люди (Гл. 33,4.5), видно, что рѣчь идетъ не о благородныхъ.

Какъ высоко цѣнилось освобожденіе отъ тѣлесныхъ наказаній высшими классами, доказывается и тѣмъ, что правительство считало эту привилегію одной изъ важнѣйшихъ. Въ царствованіе Петра III была издана, такъ называемая, грамота о вольностяхъ дворянства, въ ней освобожденіе отъ тѣлесныхъ наказаній помѣщается на ряду съ важнѣйшими преимуществами. Екатерина II сочла нужнымъ пересмотрѣть этотъ актъ, но въ изданной ею въ 1785 г. жалованной грамотѣ дворянству сохранена та же привилегія изъятія отъ тѣлесныхъ наказаній, формулированная въ извѣстномъ выраженіи: „тѣлесное наказаніе да не коснется благороднаго“. На ряду съ дворянствомъ, по жалованной грамотѣ городамъ отъ тѣлесныхъ наказаній были изъяты именитые граждане и купцы первой и второй гильдіи ¹⁾, понятіе сословной чести въ этихъ актахъ было уже вполне воспринято законодательствомъ. Но жалованныя грамоты не создавали новаго, они только подтверждали практику: въ царствованіе Екатерины и до 1785 г. тѣлесныя наказанія для дворянъ и именитаго купечества по высочайшимъ конфирмаціямъ, замѣнялись, обыкновенно, другими. По дѣлу о заговорѣ Гурьевыхъ и Хрущова, виновныхъ, вмѣсто смертной казни, сослали въ Камчатку и Иркутскъ (вѣчно). Въ 1768 г. Батюшковъ лишенъ чиновъ и сосланъ. Поручикъ Чефорид-

¹⁾ П. С. З. 16,188 г. 1785.

зевъ, замѣшанный въ дѣлѣ Мировича (хотя не сильно), вмѣсто смертной казни лишень чиновъ и отданъ въ солдаты въ отдаленный гарнизонъ. Въ 1775 г. подпоручикъ, подчинившійся изъ страха самозванцу, былъ наказанъ лишеніемъ чиновъ и дворянства. Конфирмуя приговоръ по дѣлу Дубровина и Кузнецова, Императрица (1768 г.) отмѣнила тѣлесное наказаніе: Кузнецова велѣно сослать въ крѣпость Св. Димитрія и изъ имѣнія взять 3,000 руб. (вмѣсто кнута, ссылки въ Сибирь и конфискацій), Дубровина, приговореннаго къ плетямъ и ссылкѣ въ Оренбургъ, выслать на 10 лѣтъ изъ Орла и взять съ него 1000 руб. штрафа ¹⁾).

Но принципиальное, выраженное въ законѣ, освобожденіе дворянства и купечества отъ тѣлеснаго наказанія не только санкціонировало практику, оно имѣло вліяніе и на дальнѣйшее движеніе законодательства. Признаніе тѣлесныхъ наказаній безчестящими, недопустимыми для лицъ, занимающихъ болѣе или менѣе высокое положеніе, вообще сдѣлало ихъ удѣломъ мелкихъ людей, на честь которыхъ не стоило обращать вниманія,—и, естественно, все, что поднималось надъ уровнемъ „подлой“, сѣрой, безправной массы, стало стремиться занять такое же положеніе, какъ и названнаго высшія сословія, а это стремленіе неминуемо вызывало дальнѣйшее распространеніе привилегій и слѣдовательно, стѣсненіе круга лицъ, къ которымъ тѣлесныя наказанія могли примѣняться. Екатерина II не обратила вниманія на духовенство, она оставила для него тѣлесныя наказанія, установивъ только частичныя смягченія: въ 1771 г. былъ изданъ Синодскій указъ духовнымъ властямъ о ненаказываніи священнослужителей тѣлесно, подтвердительно къ указу 1767 г., въ которомъ повелѣвалось, чтобы наказаніе для духовенства „всегда были соображаемы съ человѣческими немощами и добрымъ въ священствѣ поведеніемъ“, почему и было предписано: „священникамъ и іеромонахамъ никакихъ на тѣлѣ наказаній не чинить“ ²⁾. Но это не избавляло духо-

¹⁾ Соловьевъ, т. XXV. стр. 163. П. С. З. 12,316. г. 1765, 12,448. г. 1765. 13,101 г. 1768.

²⁾ П. С. З. 12.909. г. 1767. 13.609. г. 1771.

венство отъ безчестящихъ наказаній по приговорамъ свѣтскихъ судовъ и ставило наравнѣ съ податными сословіями, унижало его сословное положеніе въ государствѣ; неудивительно поэтому, что духовенство горячо желало добиться завидной привилегіи дворянства, и воспользовалось первымъ удобнымъ моментомъ. Едва успѣлъ вступить на престолъ Павелъ I, какъ синодъ обратился къ нему съ ходатайствомъ объ освобожденіи духовенства отъ тѣлесныхъ наказаній ¹⁾. „Не благоугодно ли будетъ Его Императорскому Величеству, говорилось въ представленіи, изъ высочайшаго милосердія повелѣть, чтобы судимыхъ въ преступленіяхъ, изъ священнаго сана впредь тѣлесно не наказывали, а отсылали по лишеніи чиновъ въ работу вѣчно или на время... ибо чинимое имъ наказаніе въ виду самыхъ тѣхъ прихожанъ, кои получали отъ нихъ спасительныя тайны, располагаетъ народныя массы къ презрѣнію священнаго сана“. Императоръ согласился на исполненіе желанія духовенства и утвердилъ докладъ 9 Декабря 1796 г., — не имѣвшій впрочемъ практическаго значенія, такъ какъ въ началѣ 1797 г. тѣлесныя наказанія были восстановлены для всѣхъ сословій. Въ царствованіе Александра I и Николая I завершилось освобожденіе отъ тѣлесныхъ наказаній греко-россійско-православнаго духовенства: въ 1808 г. изъяты отъ тѣлесныхъ наказаній жены священниковъ, въ 1811 г. — простые монахи. Въ 1835 г. дѣти священнослужителей, такъ какъ имъ было предоставлено пользованіе служебными правами наравнѣ съ дѣтьми личныхъ дворянъ, и, кромѣ того, наказаніе возводило бы позоръ на родителей, и, слѣдовательно, только отчасти достигалась бы цѣль освобожденія отъ тѣлесныхъ наказаній духовенства ²⁾.

Но сословная точка зрѣнія не могла удержаться въ XIX в.; привилегіи начали распространяться уже не по однимъ сословнымъ соображеніямъ, а по болѣе широкимъ основаніямъ: на признаніи чести, какъ нравственнаго достоинства человѣка, — это основаніе привилегій ярче всего выразилось въ изытаніи отъ тѣлесныхъ наказаній по образованію. Большой интересъ

¹⁾ П. С. З. 17624 г. 1796.

²⁾ П. С. З. 23,027 г, 1808. 24,739 г. 1811, т. X 8,450 г, 1835.

въ этомъ отношеніи представляютъ замѣчанія членовъгосударственнаго совѣта по поводу освобожденія отъ тѣлесныхъ наказаній по диплому тѣхъ или иныхъ учебныхъ заведеній (1847 г.); государственный совѣтъ указывалъ здѣсь, что лица, получившія образованіе, „хотя и не принадлежація къ привилегированнымъ состояніямъ, по своему положенію въ обществѣ и воспитанію не могли бы быть подвергнуты сему наказанію безъ тяжкаго для нихъ посрамленія“; семинаристы освобождались въ виду того, что „могутъ быть священниками и учителями или поступить въ гражданскую службу, т. е. для поддержанія въ народѣ уваженія къ духовному сану и для возвышенія въ нихъ самихъ чувства собственнаго достоинства“. Государственный Совѣтъ предполагалъ впрочемъ ограничиться изъятіемъ двухъ первыхъ разрядовъ, что вызвало возраженіе статсъ-секретаря барона М. Корфа, въ которомъ отразились возрѣнія лучшей части общества на тѣлесныя наказанія: онъ предположилъ распространить изъятіе на всѣхъ окончившихъ: „курсъ наукъ, предначертанный для семинарій, обеспечиваетъ такое образованіе, при которомъ чувство чести не можетъ остаться не возвышеннымъ, съ развитіемъ же сего чувства тѣлесное наказаніе по неразлучному понятію его униительности становится болѣе сугубымъ и уничтожить, можетъ быть, безвозвратно облагораживающую челоуѣка пользу наукъ и нравственнаго образованія“. Министръ юстиціи гр. Панинъ, вполне присоединяясь къ мнѣнію барона Корфа, предложилъ дополнить списокъ изъятыхъ „лицами женскаго пола, для которыхъ тѣлесное наказаніе при нѣкоторомъ относительно равномъ образованіи еще посрамительнѣе и убійственнѣе“. Графъ же Панинъ предложилъ распространить изъятіе и на получившихъ свидѣтельство на званіе домашняго учителя и на женскія учебныя заведенія, состояція подъ высочайшимъ покровительствомъ.

Результатомъ приведенныхъ преній было изъятіе отъ тѣлесныхъ наказаній окончившихъ гимназіи, среднеучебныя заведенія и высшія учебныя заведенія или не окончившихъ ихъ, но не по предосудительнымъ причинамъ, лицъ, удостоенныхъ званія дѣйствительнаго студента, или ученой степени или свидѣтельства на званіе домашняго учителя

лицъ женскаго пола, окончившихъ въ учебныхъ заведеніяхъ подъ покровительствомъ Государыни Императрицы или членовъ Императорскаго Дома состоящихъ, или удостоенныхъ свидѣтельства на званіе домашней учительницы; семинаристовъ, окончившихъ съ успѣхомъ курсъ ученія.

Основаніемъ для привилегій здѣсь берется, какъ замѣчено, не только принадлежность къ тому или другому сословію, а всякое положеніе человѣка въ обществѣ, которое требовало уваженія къ нему со стороны другаго и предполагало развитое чувство чести, „сознаніе собственнаго достоинства“. Когда законодательство приняло указанный принципъ, число привилегій должно было чрезвычайно быстро возрасти. По своду 1833 года изъятыми считались лица, имѣющія несомнѣнныя доказательства объ ихъ дворянствѣ, личные дворяне, дворяне иностранные и султаны сибирскихъ киргизовъ (ст. 82—86), священнослужители грекороссійскаго исповѣданія, ихъ жены и вдовы, кромѣ вступившихъ во второй бракъ съ неизъятными, монахи, духовныя лица иностранныхъ христіанскихъ исповѣданій согласно съ ихъ уставами, высшіе чины магометанскаго таврическаго духовенства (ст. 87—92), почетные граждане, купцы 1 и 2 гильдіи, ихъ жены и дѣти въ семейномъ капиталѣ при нихъ состоящія; нѣжинскіе греки, мѣщане и купцы 3-й гильдіи подлежали тѣлеснымъ наказаніямъ только по приговору уголовныхъ судовъ, такъ какъ тѣлесное наказаніе влекло для нихъ лишеніе добраго имени, котораго они по городовому положенію 1785 г. Апр. 21, ст. 84, 86 лишены безъ суда быть не могли (93—96 и прим.) нѣкоторые другіе разряды сельскихъ должностныхъ лицъ и нижнихъ чиновъ (ст. 97—101). Въ Сводѣ 1842 г. на ряду съ лицами, изъятыми отъ тѣлесныхъ наказаній по состоянію, появляются уже значительные разряды лицъ изъятыхъ по особымъ постановленіямъ: воспитанники технологическаго института, лица свободнаго податнаго состоянія, окончившіе съ успѣхомъ курсъ наукъ реальныхъ классовъ при гимназіяхъ и уѣздныхъ училищъ, ученики школы межевщиковъ при лѣсномъ институтѣ, практическіе экономы горьгорѣцкой школы и т. д. Нѣсколько новыхъ группъ изъятыхъ прибавляется и Уложеніемъ 1845

года ¹⁾. Наконецъ, въ послѣднемъ изданіи Уложенія 1885 г. въ приложеніи упоминаются тѣлесныя наказанія: наказаніе розгами и наложеніе оковъ. Затѣмъ идетъ длинное перечисленіе изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній (ст. 2) : 15 категорій въ 3 ст., 4 категоріи въ 4 ст., 38 разрядовъ въ 5 ст. и 11 въ ст. 6, всего 68 категорій; до такой внушительной цифры дошло законодательство шагъ за шагомъ, съ 1785 до 1885 г., т. е. въ теченіе столѣтія, исключая изъ числа наказываемыхъ тѣлесно по всевозможнымъ основаніямъ.

Вымираніе тѣлесныхъ наказаній происходило и путемъ ихъ смягченія; въ этомъ направленіи законодательство шло медленно, но вѣрно. Болѣзненные тѣлесныя наказанія переходили постепенно изъ тяжкихъ въ болѣе легкія: кнутъ замѣнился плетьюми, плети въ свою очередь удержались недолго, теперь остались розги (кромѣ Уст. о ссыл.). Это смягченіе, идущее рука объ руку съ нравственнымъ и культурнымъ развитіемъ общества, первоначально обуславливалось, главнымъ образомъ, соображеніями полезности: членовредительныя наказанія отмѣнялись, чтобы сохранить рабочую силу преступника, кнутъ уступалъ мѣсто плетямъ, чтобы сохранить отъ безчестія, дѣлавшаго для преступника невозможной военную службу. Мысль о пользѣ преобладала въ эпоху, когда только что стало замѣчаться критическое отношеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ; въ послѣдствіе смягченіе ихъ вызывалось по большей части соображеніями человѣчности, противорѣчіемъ тѣлесныхъ наказаній съ установившимися въ обществѣ воззрѣніями и вызываемаго ими болѣе снисходительнаго отношенія къ преступнику. Результатомъ сознанія жестокости и варварства этихъ наказаній были отмѣна рванья ноздрей, кнута и всѣ послѣдующія смягченія.

¹⁾ По Уложеніи 1845 г. [къ изъятымъ отъ тѣлесныхъ наказаній кромѣ перечисленныхъ прежде группъ (12 группъ по состоянію) прибавлены: литераты, ихъ вдовы, иностранные гости, вдовы потомственныхъ дворянъ, вышедшія замужъ за неизъятыхъ, по особымъ постановленіямъ, окончившіе курсъ въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ, особенно поименованныхъ, престарѣлые свыше 70 лѣтъ, нижніе чины со знаками отличій; на время состоянія въ должностяхъ: 1) мѣщане, 2) станціонные смотрителя и 3) ливрейные лакеи Высочайшаго Двора и т. д. С. З. 19,856, 19,885 г. 1801.

Снисходительное отношеніе къ наказуемымъ вызывало смягченіе наказанія установленіемъ возможно точнаго соответствія ихъ съ силами преступника. Особенное вниманіе законодатель обратилъ на возрастъ: уже и въ царствованіе Елизаветы послѣдовали значительныя облегченія для несовершеннолѣтнихъ, они были расширены въ царствованіе Екатерины II указомъ 1763 г., который, однако, приказано было держать въ тайнѣ и „отноудь въ доношеніяхъ и сообщеніяхъ онаго не включать“¹⁾, ограниченіе, вызванное желаніемъ сохранить во всей силѣ угрозу закона. По Своду изд. 1833 г. о малолѣтнихъ (17 лѣтъ), совершившихъ преступленія, караемыя кнутомъ и каторгой, сенату предоставлялось постановлять приговоры по благоусмотрѣнію, за менѣ важныя преступленія малолѣтніе въ возрастѣ отъ 15 до 17 лѣтъ присуждались совѣстными судами или уголовными палатами къ плетямъ, 10—15 лѣтніе—къ розгамъ, 10 лѣтъ и ниже отдавались родителямъ на исправленіе (ст. 125, 126), слѣдовательно, какъ и раньше, кнутъ къ нимъ никогда не примѣнялся. Въ изданіи 1842 г. Сводъ сохраняетъ срокъ малолѣтства до 17 л. (ст. 137) и безусловной невмѣняемости въ 10 лѣтъ. Значительное измѣненіе внесено постановленіемъ наказанія малолѣтнихъ въ зависимости отъ разрѣшенія вопроса о разумѣніи, который полагалось ставить о малолѣтнемъ въ возрастѣ 10—14 лѣтъ: признанные дѣйствовавшими съ разумѣніемъ могли быть наказаны по общимъ законамъ, хотя они во всякомъ случаѣ избавлялись отъ наказанія кнутомъ и плетями (публично) и каторжныхъ работъ; признанные дѣйствовавшими съ разумѣніемъ въ возрастѣ отъ 14 до 17 лѣтъ освобождались только отъ тѣлесныхъ наказаній, но не отъ каторги. Уложеніе 1845 г. назначало малолѣтнимъ (10—14 л.), признаннымъ дѣйствовавшими съ разумѣніемъ, взамѣнъ каторжныхъ работъ—поселеніе безъ тѣлесныхъ наказаній, вмѣсто поселенія—заключеніе въ монастырь или смирительный домъ отдѣльно отъ взрослыхъ; тѣлесныя наказанія отмѣнялись для нихъ и за менѣ важныя преступленія. Несовершеннолѣтніе (14—21 л.) наказывались тѣлесно, но наказаніе исполнялось не

¹⁾ П. С. З. 12. 510. 1765.

палачами, а при полиціи, и вмѣсто плети назначались розги. Кромѣ того малолѣтніе и несовершеннолѣтніе не подлежали клейменію (ст. 144—146).

Основаніемъ для смягченія конечно, должна была служить не только молодость, но имѣющая много общаго съ ней по слабости силъ — старость. Въ 1798 г. было предписано не наказывать тѣлесно преступниковъ, достигшихъ 70 лѣтняго возраста, не клеймить ихъ, а ограничиваться ссылкой безъ наказанія ¹⁾. Тотъ же порядокъ сохраненъ и сводомъ законовъ (изд. 1833 г. т. XV, ст. 127).

Тѣлесныя наказанія, были вредны для здоровья, иногда опасны для жизни. Эта сторона впервые обратила на себя вниманіе при наказаніи шпицрутенами. Въ царствованіе Николая, когда тѣлесныя наказанія стали казаться все болѣе и болѣе жестокими, правительство озаботилось принятіемъ мѣръ, предупреждающихъ насколько возможно послѣдствія наказанія, не предусмотрѣнныя судебнымъ приговоромъ, зависяція отъ случайности его выполненія или особенностей организаціи наказуемаго. Въ 1832 году постановлено, чтобы доктора являлись по призыву полиціи для поданія помощи наказаннымъ. Въ 1833 г. состоялся указъ объ облегченіи наказанія преступниковъ, одержимыхъ нѣкоторыми неизлѣчимыми болѣзнями, перечисленными въ законѣ: ихъ ссылали на каторгу и поселеніе безъ наказанія; вмѣсто полицейскаго наказанія плетью назначались розги. Въ медицинскомъ свидѣтельствѣ должно было обозначаться, что болѣзнь неизлѣчима и что тѣлесное наказаніе можетъ подвергнуть жизнь опасности. Въ 1851 г. въ дополненіе постановленій свода, основанныхъ на приведенномъ законѣ, предписано, чтобы при исполненіи приговора находился всегда врачъ; если, по его мнѣнію, преступникъ по внезапно приключившейся болѣзни или слабости не въ состояніи вынести положеннаго числа ударовъ, наказаніе должно быть отложено до излѣченія или облегченія болѣзни; свидѣтельство врача подлежало контролю врачебной управы; по выздоровленіи наказаніе продолжалось безъ сопутствующаго ему, уже выполненнаго обряда, выставленія у позорнаго столба. Этому закону предшествовало

¹⁾ Ш. С. З. 18.758. г. 1798.

обсужденіе во II отдѣленіи и въ государственномъ совѣтѣ, причемъ гр. Блудовъ указалъ, что и при наказаніи розгами можетъ быть обморокъ или болѣзнь, но въ виду того, что призывать врача при наказаніи розгами неудобно, предложилъ сдѣлать въ такихъ случаяхъ обязательной для полицейскаго чиновника пріостановку наказанія и призывъ врача въ сомнительныхъ случаяхъ. Относительно времени отсрочки при излѣчимой болѣзни гр. Блудовъ предполагалъ ввести опредѣленный срокъ для пріостановокъ и опредѣлить болѣзни, на что медицинскій совѣтъ далъ заключеніе что, такъ какъ тѣлесныя наказанія нарушаютъ отправленія важнѣйшихъ органовъ, особенно уже пораженныхъ болѣзнию и особенно при худосочіи развиваютъ злокачественныя воспаленія, то для точнаго опредѣленія такихъ случаевъ пришлось бы перечислить почти всѣ извѣстныя болѣзни, и призналъ возможнымъ поэтому ограничиться только самымъ общимъ положеніемъ. Для предупрежденія же злоупотребленій предполагалъ требовать отъ врача подробно мотивированное свидѣтельство, которое контролировалось бы врачебной управой. Въ 1855 г. слабосильные арестанты, въ томъ числѣ и женщины были освобождены отъ наказанія плетью ¹⁾.

Но не отъ однихъ условій здоровья и силъ преступника могла усиливаться или уменьшаться тяжесть тѣлеснаго наказанія: она измѣнялась по временамъ года, прямо по погодѣ. Напр. сильный вѣтеръ, поднимающій облака пыли, нагоняющій ее на наказываемаго шпицрутенами, неизбежно усиливалъ мучительность наказанія и затруднялъ выздоровленіе; не одно и то же было наказаніе лѣтомъ или зимою на морозѣ, когда полубнаженному преступнику приходи-

¹⁾ П. С. З. VII. 5320 г. 1832. 7551. г. 1833. 25. 740, г. 1851. Дѣла II отдѣленія № 105. г. 1850 № 132 г. 1850. П. С. З. г. XXX, 29, 035. г. 1855. Въ 1855 г. для военно-служащихъ были утверждены правила, по которымъ приговоренные къ наказанію отсылались въ госпиталь или врачебныя управы для освидѣтельствованія, могутъ-ли они быть подвергнуты тѣлесному наказанію безъ опасности для жизни. При признаніи излѣчимости болѣзни, наказаніе отлагалось до выздоровленія, если-же болѣзнь оказывалось неизлѣчимой,—наказаніе совершенно отменялось.—Джаншѣвъ, Г. Изъ эпохи великихъ реформъ. М., 1893 стр. 193.

лось опасаться не только послѣдствій наказанія, но и смертельной простуды; уже одно это дѣлало изъ примѣненія наказанія своего рода лотерею, въ которой счастливый номеръ могъ выпасть на самаго тяжкаго преступника и облегчить его участь, въ то время какъ несравненно менѣе виновный могъ погибнуть отъ непредвидѣнной случайности. Лишь въ 1848 г. (за 15 лѣтъ до закона 1863 г.), состоялся циркуляръ министра внутреннихъ дѣлъ, обращающій вниманіе на то, что арестанты „оставаясь во время наказанія обнаженными, въ случаѣ значительныхъ морозовъ, подвергаются сильному простудному болѣзнямъ, что лѣчение по причинѣ ослабленія силъ послѣ наказанія сопряжено съ большими затрудненіями“, поэтому приказывалось „но совершенно секретнымъ образомъ, чтобы при сильныхъ морозахъ, напр. превышающихъ 10⁰, особенно, когда при томъ бываетъ вьюга или сильные вѣтры“, не производить наказанія ¹⁾. Но и этотъ циркуляръ, предвидѣвшій только крайніе случаи (вьюгу, морозъ), не гарантировалъ наказуемаго отъ печальныхъ случайностей. Уваженіе къ старинѣ, поддерживавшей тѣлесныя наказанія, боязнь ослабить „страхъ“ закона заставляли правительство, не смотря на убѣжденіе въ невозможности выполнять тѣлесныя наказанія, какъ дѣлалось прежде, держать въ секретѣ свои предписанія; поклонникамъ исчезающаго режима оставалось въ этомъ, хотя платоническое утѣшеніе въ сохраненіи буквы закона, разъ они не были въ состояніи воспрепятствовать побѣдоносному шествію ненавистныхъ для нихъ новшествъ.

Настроеніе общества, вызываемое имъ смягченіе наказаній, сознаніе ихъ позорности, образованіе привилегій— вотъ силы, шагъ за шагомъ уничтожавшія значеніе тѣлесныхъ наказаній. Ограниченіе ихъ въ законодательствѣ, какъ я уже указывалъ, началось въ XVIII в. съ признаніемъ публичнаго наказанія несомвѣстимымъ съ положеніемъ честнаго, имѣющаго право на уваженіе человѣка, но ясно новое направленіе опредѣлилось въ царствованіе Екатерины II, что въ значительной степени зависѣло отъ личныхъ взгля-

¹⁾ Предписаніе Управы благочинія 5 Іюня 1848. Студенкинъ, заплечные мастера, Р. Стар. 1873 г.

довъ великой императрицы, находившихъ поддержку въ лучшей наиболѣе образованной части русскаго общества. Екатерина была хорошо знакома съ произведеніями французскихъ философовъ XVIII в., въ ранней молодости она уже говорила о себѣ, какъ о „философѣ въ 15 лѣтъ“; влияніе новыхъ гуманныхъ идей энциклопедистовъ ярче всего сказалось въ ея Наказѣ, въ которомъ главною цѣлью наказанія она ставитъ не страхъ (чѣмъ ниспровергалась вся прежняя русская практика), но стыдъ: „послѣдуемъ природѣ, давшей человѣку стыдъ, читаемъ мы въ Наказѣ, вмѣсто бича, и пускай самая большая часть наказанія будетъ безчестіе, въ претерпѣннн наказанія заключающееся“. „Стыдъ не является слѣдствіемъ наказанія только въ тѣхъ странахъ, гдѣ существуетъ мучительское владѣніе, которое налагаетъ одни и тѣ же наказанія на людей беззаконныхъ и добродѣтельныхъ“¹⁾.

Сообразно со взглядами на устыдительное значеніе наказанія въ 1774 г. за кражу казенныхъ денегъ ассессоръ Шишкинъ вмѣсто смертной казни былъ лишенъ дворянства, выведенъ на площадь передъ коллегіями съ надписью на груди: „воръ и похититель казенныхъ денегъ“, поставленъ на $\frac{1}{4}$ часа у позорнаго столба и сосланъ въ Сибирь. Такая же выставка у позорнаго столба въ связи со сложной обрядностью была примѣнена при наказаніи извѣстныхъ Салтычихи и Жуковыхъ.

Кромѣ того, слѣдуя принципамъ энциклопедистовъ, императрица не могла иначе, какъ съ полнымъ осужденіемъ относиться къ жестокости наказаній. Въ отзывѣ на книгу Шаппъ Д'Отероша Екатерина II утверждаетъ, что жестокость наказаній заимствована русскими. Розги и кнутъ перешли къ намъ отъ римлянъ, говоритъ она, какъ и всѣ подобныя ужасы заимствованы нами отъ другихъ народовъ. Сохранилась собственноручная записка Екатерины II о средствахъ помощи народу въ годину бѣдствій, въ которыхъ не маловажное мѣсто занимаетъ смягченіе наказаній²⁾. Жесто-

¹⁾ П. С. З. 12.949 г. 1767. Наказъ комисіи о составленіи проекта новаго Уложенія. 88, 89.

²⁾ П. С. З. 12.600 г. 1766. 14.171. г. 1774. 15.946. г. 1784. Антидотъ.

кость тѣлесныхъ наказаній и заставляла императрицу высказываться противъ нихъ, когда она находила это возможнымъ: въ 1771 г. она издала повелѣнiе, запрещавшее бить придворныхъ служителей, гдѣ ясно выразились ея взгляды на тѣлесное наказанiе: „Мы имѣвъ въ омерзѣнiи“ гласить указъ, „всѣ суровости отъ невѣжества рожденныя и выдуманныя... повелѣваемъ... ливрейныхъ служителей нашихъ ничѣмъ не бить“; въ 1765 г. по поводу дѣла купца Ребякина, обвинявшагося въ произнесенiи непристойныхъ словъ и наказаннаго только недѣльнымъ арестомъ, императрица писала московскому главнокомандующему фельдмаршалу П. С. Салтыкову: „Спасибо графу П. С., что онъ какъ мало возможно сѣчетъ. Изволь и впредь такъ поступать“, и прибавляетъ, что боялась, какъ бы купца не наказали кнутомъ ¹⁾.

Но дѣятельность императрицы отличалась нѣкоторою двойственностью: философскiе принципы уживались со старыми порядками, отвергаемые въ теорiи средства и приемы допускались въ дѣйствительности. Разгадка этого лежитъ въ сознании необходимости считаться съ окружающей обстановкой, нѣкоторомъ недовѣрiи къ прочности своего положенiя, желанiи сообразоваться съ господствующимъ настроенiемъ придворныхъ сферъ, для которыхъ старыя порядки были устоями неизблемости и твердости государства и опасенiя которыхъ какъ бы оправдывались внутренними безпорядками, серьезно озабочивавшими Екатерину II, написавшую, вѣроятно, въ одну изъ горькихъ минутъ: „Нѣтъ ничего удивительнаго, что въ Россiи было много государей—тирановъ. Народъ по природѣ безпокоенъ, неблагодаренъ, изобилуетъ доносчиками и людьми подъ предлогомъ усердiя, старающимися устроить свои дѣла“. Особенно тяжелымъ для Екатерины II было время Пугачевского бунта, и при слѣдствiи о немъ употреблялись пристрастные допросы, а при наказанiи и смертная казнь и членовредительныя наказанiя, и сама императрица, отправляя 25 Апрѣля 1774 г.

XVIII вѣкъ. кн. 4. М. 1869. стр. 294. Бумаги Императрицы Екатерины II. Сборн. Р. Ист. Об—ва. т. 42. Спб. 1885 г. № 605.

¹⁾ П. С. З. 13.603 г. 1771. Письма Екатерины II къ фельдмаршалу гр. П. С. Салтыкову. Р. Арх. 1886 г., кн. 3. № 59. стр. 35.

капитановъ гвардіи Лунина и Маврина въ Казань для слѣдствія надъ бунтовщиками, только рекомендовала, „чтобы они сколько возможно при слѣдствіи отъ пристрастныхъ допросовъ воздерживались“, что, конечно, далеко отъ полнаго запрещенія ихъ. Въ 1768 г. по дѣлу о возмущеніи фабричныхъ села Покровскаго императрица приказывала Чичерину: „сіе дѣло примѣрнымъ надо сдѣлать и для того поворотитесь попроворнѣе и покруче“. По всей вѣроятности императрицѣ было извѣстно, какія средства употреблялись тогдашнимъ генераль-полиціймейстеромъ, и какъ мало соотвѣтствовали они правиламъ и духу Наказа 1766 г. ¹⁾ Этими обстоятельствами и объясняется то, что система тѣлесныхъ наказаній не была реформирована въ царствованіе Екатерины II,—реформа казалась не соотвѣтствующей народнымъ нравамъ и строю общества, основанному на крѣпостномъ правѣ; но царствованіе Екатерины имѣетъ тѣмъ не менѣе громадное значеніе, какъ эпоха, въ которую впервые положены начала изытаній, благодаря чему законодательство получило рѣшительный толчекъ, двинувшій его на путь уничтоженія тѣлесныхъ наказаній. Направленіе его приобрѣло ясность и опредѣленность, возвратъ къ прежнему сталъ невозможнымъ, что блестяще было доказано слѣдующимъ царствованіемъ и мимолетнымъ успѣхомъ, начавшейся въ немъ реакціи въ пользу возвращенія къ началамъ Петровскихъ законовъ. Павелъ I, подозрительный и недовѣрчивый, быстро мѣнявшій свои рѣшенія, не стѣснявшійся противорѣчіями, отдаваемыхъ имъ повелѣній, долженъ былъ произвести на русское общество, привыкшее къ сдержанному и умѣлому управленію, тяжелое впечатлѣніе. „Время было самое ужасное, читаемъ въ запискахъ Д. Б. Мертваго, государь былъ на многихъ въ подозрѣніи. Тайная канцелярія была занята дѣлами болѣе Вотчинной. Знатныхъ сановниковъ почти ежедневно отставляли отъ службы и ссылали на житье въ деревняхъ. Государь занялся церковными дѣлами, преслѣдовалъ раскольниковъ, разбиралъ основанія ихъ сектъ; многихъ брали въ Тайную канцелярію, брили бороды,

¹⁾ Бумаги Имп. Екатерины II. Сб. Р. И. Об—ва, т. 42, 421, 456. 1885 г. Подлинныя бумаги и письма Имп. Екатерины II. Читенія. 1860, 2. стр. 70.

били и отправляли на поселение. Словомъ ежедневный ужасъ ¹⁾“. По прежнему на первомъ планѣ стало ослушаніе повелѣній, и создавались совершенно новыя, иногда весьма строго наказуемые, проступки. Въ 1799 г., напр. императоръ замѣтилъ: „что гг. офицеры ведутъ себя весьма неблагопристойно тамъ, гдѣ требуется благопристойность, и до такого невѣжества уже дошло, что во дворцѣ, въ караульномъ домѣ сидятъ въ шляпахъ и кушаютъ“, за такое преступленіе назначалась ссылка въ Сибирь въ дальніе гарнизоны. Въ 1798 г. Павелъ I усмотрѣлъ развратные проступки брестскаго городничаго Пирха, который „забывъ всѣ обязанности своего служенія... публично ходилъ въ круглой шляпѣ и фракѣ“, за что былъ наказанъ еще весьма милостиво: „выкинуть изъ службы“. У самого Павла I, вѣроятно по примѣру Петра I, въ кабинетѣ, какъ свидѣтельствуется близко стоявшій къ нему генералъ Котлубицкій, была трость изъ воловьихъ жилъ для расправы съ приближенными. Этой тростью императоръ, почти на глазахъ у названнаго генерала, изволилъ собственноручно дать 40 ударовъ своему любимцу гр. Кутайсову, приказавъ только предварительно снять ленту ²⁾.

Возвращеніе назадъ въ области примѣненія тѣлесныхъ наказаній, оказавшихся въ полномъ соотвѣтствіи съ началами управления, произошло быстро и рѣзко: еще 4 Декабря 1796 г. въ силу жалованной грамоты были наказаны только ссылкой, лишеніемъ чиновъ и дворянства привилегированные виновные въ кражѣ денегъ изъ заемнаго банка, даже непривилегированные участники были освобождены отъ кнута „изъ единственнаго челоуѣколюбія и милосердія“; 9 Декабря духовенство освобождено отъ тѣлесныхъ наказаній, а уже 3 Января 1797 г. Павелъ положилъ на сенатскомъ докладѣ по дѣлу отставнаго прапорщика Рожнова, осужденнаго за произнесеніе непристойныхъ словъ противъ императора, слѣдующую резолюцію: „какъ скоро снято дворянство, такъ ужъ и привилегія до него не касается, почему и впредь

¹⁾ Записки. Д. В. Мертваго. Р. Архивъ. 1867. стр. 118.

²⁾ И. С. З. 19.131. г. 1799. 18. 606. г. 1798. Разказы генерала Котлубицкаго Р. Арх. 1866, стр. 1324. Разказы о старинѣ. Р. Арх. 1868. стр. 1171.

поступать“¹⁾. Этой конфирмаціей уничтожались всѣ раньше дарованныя привилегіи, и тѣлесныя наказанія заняли тоже положеніе, что и въ началѣ XVIII в.: бить стали всѣхъ безъ различія.

Само собою разумѣется, что это торжество тѣлесныхъ наказаній не замедлило отразиться и вообще на жестокости, что сказалось напр. при усмиреніи крестьянскихъ волненій, вызванныхъ слухами о близкомъ освобожденіи. Кн. Репнинъ доносилъ 15 Февраля 1797 года изъ Орловской губерніи: „за упорственное сопротивленіе войскамъ Вашего Императорскаго Величества наказаны силою оружія и преданы яко изверги огню и мечу; тѣла ихъ, справедливо погибшія... недостойныя погребенія общаго съ вѣрными подданными зарыты въ особую яму... дома ихъ истреблены до основанія такъ, что остатковъ онаго не видно“. Изъ Калужской губерніи вице-губернаторъ Митусовъ доносилъ, что у него „до оружія не доходило... по прибытіи... не нашедъ никого изъ крестьянъ, пересѣлъ кнотомъ женъ ихъ и средняго возраста дѣтей. Въ страхъ имъ, дабы вызвать ихъ сожогъ особо стоящую клетъ, но изъ за сего никого изъ скрывающихся не явилось“²⁾.

Но возвращеніе къ традиціямъ минувшихъ временъ не имѣло глубокихъ корней, оно поддерживалось единственно волею императора и опиралось на легко измѣняющіе свое настроеніе административные круги. „Въ сенатѣ, пишетъ объ этомъ времени И. Лопухинъ,... большаго труда стоило мнѣ успѣвать въ пощадѣ челоувѣчества,... потому что другіе были убѣждены, что Государю угоденъ судъ самый строгій“. Лопухинъ воспользовался слухами о своей близости къ императору и благодаря этому могъ избавлять „отъ жесточайшихъ наказаній“. „Ну, а послѣ нѣсколькихъ соглашеній, прибавляетъ онъ, трудно было не соглашаться: разнообразныя рѣшенія закономъ воспрепятствуются. Во все царствованіе Павла ни одинъ дворянинъ не былъ приговоренъ

¹⁾ П. С. З. 17.612 г. 1796. 17.797. г. 1797.

²⁾ Крестьянское движеніе при Императорѣ Павлѣ I. Р. Арх. 1867. стр. 531, 545, 558, 559.

5 департаментом сената къ тѣлесному наказанію, и вообще наказанія смягчались“¹⁾.

Система Павла I сошла съ нимъ въ могилу. Немедленно, по вступленіи на престоль, новый императоръ объявилъ въ манифестѣ, что будетъ царствовать по правиламъ своей Бабки, и съ 1801 г. законодательная отмѣна тѣлесныхъ наказаній пошла непрерывно. Въ 1801 г. были восстановлены статьи жалованныхъ грамотъ дворянству и городамъ, дарующія свободу отъ тѣлесныхъ наказаній и освобождено отъ нихъ духовенство, чтобы „укоренить въ немъ самое чувство почтенія къ себѣ и ужасъ къ пороку, которое служителямъ Всевышняго должно быть свойственно“.

Александръ I, какъ и Екатерина II, по убѣжденію, былъ противъ жестокости наказаній, его личная мягкость проявлялась, напр. въ дѣлахъ объ оскорбленіи Величества, онъ весьма недвусмысленно высказался и на счетъ кнута (см. ниже), не отмѣннаго въ его царствованіе изъ опасенія, что простой народъ сочтетъ это за отмѣну всѣхъ наказаній. Такія же опасенія слышались при появленіи каждаго законодательнаго акта, нарушавшаго привычный, хотя бы и несостоятельный порядокъ, а Александръ I не отличался энергичнымъ и рѣшительнымъ характеромъ и предпочиталъ держаться полумѣрь и компромиссовъ. Эта черта его характера сказалась, напр., и на отношеніи къ жестокому обращенію съ солдатами: совершенно не сочувствуя ему, Александръ I писалъ въ 1804 г. инспектору по кавалеріи Боуру, что „сія метода, бывъ столько же вредна для службы, сколько противна здравому разуму, введена... или отъ непониманія или наклонности къ жестокости“.... Но послѣ столь сильнаго вступленія императоръ въ концѣ рескрипта ограничивается рекомендаціей Боуру обратить вниманіе на то, чтобы „гдѣ можно“ обходились безъ побоевъ и вдобавокъ „сохранить сіе повелѣніе въ одномъ только своемъ свѣдѣніи“²⁾. И это было еще въ первые годы царства-

¹⁾ Записки И. В. Лопухина. Р. Арх. 1884, I, стр. 67—68.

²⁾ П. С. З. 19,856 и 19,885, 19,901. г. 1801. По дѣлу о богохульствѣ и дерзкихъ словахъ противъ Его Особы, императоръ утвердилъ приговоръ о наказаніи за первое „прощая совершенно въ словахъ, произнесенныхъ на мой

нія, когда императоръ думалъ о значительныхъ внутреннихъ преобразованіяхъ; еще меньшаго можно было ожидать во вторую половину, когда Александръ I обратилъ вниманіе, главнымъ образомъ, на вопросы внѣшней политики, а во внутреннемъ управленіи огромное значеніе получилъ Аракчеевъ. Но если крупныхъ измѣненій въ системѣ наказаній быть не могло, то все таки были устранены нѣкоторые вопіющіе недостатки: отмѣнено въ 1817 году рванье поздрей, введена опредѣленность въ назначеніи наказанія кнутомъ и плетью обозначеніемъ числа ударовъ, исчезли въ приговорахъ устрашительныя выраженія: нещадно и жестоко, — продолжалась Екатерининская политика изъятій и привилегій.

Царствованіе Николая I было послѣднимъ, въ которомъ карательная система основывалась на тѣлесныхъ наказаніяхъ, потерявшихъ въ 1845 г. съ отмѣной кнута значительную долю жестокости, но не умалившихся по числу случаевъ примѣненія. Тѣлесное наказаніе, битье во всевозможныхъ формахъ считалось безусловно необходимымъ для поддержанія порядка и дисциплины, и то, что тѣлесныя наказанія потеряли при Николаѣ I въ интенсивности, они сохранили въ экстенсивности. Уступка духу времени была сдѣлана въ смягченіи наказаній (отмѣнѣ кнута, въ регулированіи числа ударовъ плетей). Сознаніе опасности, представляемой тѣлесными наказаніями, повело къ ряду узаконеній, обезпечивающихъ соотвѣтствіе наказанія съ силами преступника, самый же принципъ оставался непоколебленнымъ, что объясняется господствомъ въ представителяхъ администраціи убѣжденія въ цѣлесообразности такого порядка и личными взглядами Императора Николая I, признававшего необходимость реформъ (напр. освобожденія крѣпостныхъ), но поддерживавшаго старое изъ боязни вызвать опасное политическое броженіе. Средствомъ поддержать начавшее давно разрушаться зданіе была строгость и сила, ими пользовались въ широкихъ размѣрахъ, чтобы воспре-

счетъ. П. С. З. 26,602 г. 1817. 27,705 г. 1819. Чтенія, 1871. т. 2. Смѣсь стр. 22—25. Императоръ Александръ Павловичъ и его время. Р. Ст. 1881 г. 32 стр. 659.

пятствовать проявленію непріятныхъ теченій общественной мысли.

Со вступленіемъ на престолъ Александра II николаевскій режимъ, наглядно доказавшій свою непригодность во время Крымской кампаніи, долженъ былъ утратить свой кредитъ, да и по характеру новый государь имѣлъ мало общаго со своимъ предшественникомъ. Общественное мнѣніе получило неслыханную прежде свободу, начались реформы, глубоко затронувшія судебное и общественное устройство Россіи; при такихъ обстоятельствахъ законодатель не могъ не обратить вниманія и на тѣлесныя наказанія, отношеніе къ которымъ уже и раньше было неблагопріятно не только въ высшихъ, но и въ низшихъ классахъ: въ 40—50 годахъ, по свидѣтельству кн. Имеретинскаго, солдаты, по крайней мѣрѣ, гвардейскіе тяготились шпицрутенами. „Большинство било очень легко... не взирая на строгое приказаніе; не только офицеры, но даже фельдфебеля смотрѣли сквозь пальцы на исполненіе, многіе отворачивались“. Самъ Николай I (въ 50 годахъ) приказалъ наказать провинившагося на смотру, приговореннаго къ 3000 шпицрутеновъ, солдата „примѣрно“; его хотя и провели по зеленой улицѣ, но шпицрутены не били его, а только касались ¹⁾. Въ царствованіе Александра II враждебное отношеніе къ тѣлеснымъ наказаніямъ проявлялось еще свободнѣе: молодые офицеры относились къ нимъ отрицательно, на что указываетъ слѣдующій инцидентъ: въ 1861 г. въ „Военномъ Сборникѣ“ была помѣщена статья, въ которой защищались тѣлесныя наказанія; противъ этой статьи немедленно появился въ „Сѣверной Пчелѣ“ протестъ, подписанный 106 офицерами разныхъ родовъ оружія ²⁾.

¹⁾ Кн. Н. К. Имеретинскій. Р. Стар. 1893 г. т. 78, стр. 29. За много лѣтъ. Воспоминанія неизвѣстнаго. Р. Ст. 1894. Июль, 112.

²⁾ Вотъ подлинный текстъ этого любопытнаго протеста:.... „кн. Э. Витгенштейнъ обдумывалъ, написалъ и напечаталъ свои взгляды по нѣмецки. До него слѣдовательно, намъ нѣтъ дѣла, но намъ непріятно видѣть, что дикія сужденія иностранца.... переводятся и находятъ мѣсто въ журналѣ, редакція котораго вѣрена Вамъ, М. Г., конечно, не для того, чтобы расиространять въ нашемъ военномъ сословіи невѣжество и проводить взгляды, доказывающіе возмутитель-

Освобожденіе крестьянъ отъ крѣпостной зависимости, съ которой были такъ тѣсно связаны тѣлесныя наказанія, должно было отразиться и на судьбѣ послѣднихъ. Дѣйстви-тельно въ 1858 г. Я. И. Ростовцевъ писалъ Императору Александру II: „о наказаніи тѣлесномъ не слѣдуетъ упо-минать вовсе (въ Положеніи о крестьянахъ): это было бы пятномъ настоящаго законодательства“. Противъ сохраненія тѣлеснаго наказанія высказались Московскій и Владимірскій дворянскій комитеты, однако редакціонный комитетъ, большинствомъ одного голоса, призналъ необходимымъ удержи-вать тѣлесныя наказанія, такъ какъ уничтоженіе ихъ требо-вало общаго пересмотра системы наказаній; предполагалось только изъять отъ тѣлесныхъ наказаній лицъ, занимавшихъ должности въ сельскомъ управленіи и женщинъ. Послѣднее изъятіе не состоялось благодаря энергичному противодѣй-ствію Гр. Панина, оно осуществилось все таки черезъ 2 года по закону 17 Апрѣля 1863 года.

Но сохраненіе тѣлесныхъ наказаній нисколько не сви-дѣтельствовало о благопріятномъ къ нимъ отношеніи дѣя-телей по крестьянскому вопросу: взглядъ лучшей части рус-скаго общества 60-хъ годовъ на тѣлесныя наказанія, въ частности на розги, о которыхъ однѣхъ и могло говорить въ положеніи 19 Февраля 1861 г., прекрасно формулиро-ванъ словами И. С. Аксакова, писавшаго въ 1860 г.: „какихъ бы умъ не вымышлялъ діалектическихъ изворотовъ для оправданія розги, все это рушится передъ внутреннимъ простымъ чувствомъ.... становится просто невозможнымъ подать голосъ за розгу“¹⁾.

Несоотвѣтствіе тѣлесныхъ наказаній съ условіями об-щественной жизни и правами заставляло нѣкоторыхъ выс-шихъ представителей администраціи обращаться при удоб-ныхъ случаяхъ съ ходатайствами объ отмѣнѣ ихъ. Такъ, въ 1859 г. генераль-губернаторы С.-Петербургскій и Ново-

ное непониманіе духа русскаго солдата и потребностей общества“. Подписано 106 офицерами. Сѣв. Пчела. № 85. г. 1862.

¹⁾ Семевскій. Необходимость отмѣны тѣлесныхъ наказаній. Р. Мысль, 1896, 2. стр. 1 и слѣд. Дожатіевъ. Какъ уцѣлѣла розга. Рус. Вѣдомости. 1895 г. Миръ Божій, 1895, Июнь.

россійскій по поводу возникшаго вопроса объ отмѣнѣ публичнаго наказанія женщинъ, указали на желательность полной отмѣны тѣлесныхъ наказаній, что вызвало высочайшее повелѣніе (6 Іюня 1861 г.) Министру Внутреннихъ Дѣлъ и главноуправляющему II отдѣленія представить соображенія о смягченіи и уничтоженіи тѣлесныхъ наказаній ¹⁾. Въ 1861 г. кн. Орловымъ была внесена записка въ комитетъ, учрежденный (въ 1861 г.) при II отдѣленіи собственной Его Величества канцеляріи для пересмотра военно-уголовныхъ законовъ. Въ запискѣ указывалось, что „тѣлесныя наказанія суть зло въ христіанскомъ, нравственномъ и общественномъ отношеніяхъ“, что они противны духу христіанства, запрещающему насилія и истязанія, что въ христіанскомъ государствѣ всѣ должны быть равны передъ закономъ, что тѣлесныя наказанія безнравственны и бесполезны: „у насъ бьютъ всякаго, кто даетъ себя бить, это поддерживаетъ грубость нравовъ и сильно мѣшаетъ правильному развитію человѣческой личности.... мы не далеки отъ того времени, когда тѣлесное наказаніе будетъ приводить къ сопротивленію или самоубійству.... въ настоящее время стараются изъ челоуѣколюбія уменьшить число ударовъ розгами. Этими не достигаютъ хорошихъ результатовъ. Розги не внушаютъ прежняго страха, а по прежнему унижаютъ челоуѣка и подавляютъ въ немъ чувство чести“.... „Прогнаніе шпицрутенами.... такая же квалифицированная казнь, какъ четвертованіе и колесованіе. Употребленіе розогъ, какъ дисциплинарнаго наказанія въ арміи понятно было въ прежнее время, когда въ арміи было много рекрутъ, сданныхъ въ наказаніе, теперь можно бы отмѣнить тѣлесныя наказанія въ войскѣ, тѣмъ болѣе, что военное начальство и безъ розогъ имѣетъ во власти своей довольно различныхъ способовъ взыскапія“.

Замѣчанія князя Орлова касались большого мѣста, такъ какъ тѣлесное наказаніе съ упраздненіемъ крѣпостнаго права стало окончательно анахронизмомъ. Комитетъ ²⁾ при

¹⁾ *Винитокъ*. Матеріалы для исторіи отмѣны тѣлесныхъ наказаній въ Россіи. Юрид. Вѣст., 1892. № 7—8. стр. 409.

²⁾ Комитетъ состоялъ изъ сенаторовъ: Губе (предсѣдатель), Капгера, чин-овниковъ II отдѣленія Малевскаго, Бруна, Попова, Яневичъ-Яневскаго, Пе-

разсмотрѣннн записки князя Орлова, заявилъ, что имъ уже неоднократно обсуждался вопросъ о тѣлесномъ наказаннн въ воинскомъ уставѣ. „Постоянное, говорилось дальше въ журналахъ комитета.... стремленн правительства къ уменьшенн жестокости тѣлесныхъ наказаннн.... и.... столь часто возбуждавшнся въ обществѣ.... и въ печатныхъ изданннхъ вопросы объ отмѣннн.... наказанн сего рода.... ясно обнаруживаютъ все болѣе и болѣе развивающееся у насъ сознанн и убѣжденн, что безчеловѣчныя истязаннн.... уже до крайности не согласны.... съ правами нашего народа и распространяющимся въ немъ образованнмъ“. Комитетъ предположилъ въ виду важности этого „жизненнаго“ вопроса рассмотреть его отдѣльно для военнаго и гражданскаго вѣдомства, и поручилъ сенатору Капгеру и генераль-аудитору Философову доложить о запискѣ князя Орлова тогдашнему военному министру г.-а. Сухозанету и генераль-адмиралу. Военный министръ нашелъ возможнымъ допустить лишь частичныя смягченн тѣлесныхъ наказаннн, считая розги необходимыми въ армнн, генераль-адмиралъ Великнй Князь Константинъ Николаевичъ призналъ отмѣну тѣлесныхъ наказаннн необходимой немедленно и въ военномъ и въ гражданскомъ вѣдомствахъ. Согласно съ полученными отзывами высшаго военнаго начальства комитетъ предположилъ отмѣнить тѣлесныя наказаннн, оставивъ ихъ лишь при невозможности замѣнить другими карательными мѣрами (недостатокъ мѣстъ заключеннн), и совершенно освободить отъ нихъ лицъ женскаго пола, „такъ какъ, будучи сопряжено съ обнаженнмъ тѣла.... оно (тѣлесное наказанн) не только источникъ физическаго боли, но и причиняетъ большое нравственное посрамленн“. Для ссыльныхъ женщинъ Комитетъ находилъ возможнымъ оставить тѣлесное наказанн, розгами, такъ какъ совершая новое преступленн онѣ обнаруживаютъ отсутствн раскаянн и высшую степень нравственной порчи. Для ссыльныхъ мужчинъ шпицрутены предполагалось замѣнить плетью, а тѣлесныя наказанн

ретца, членовъ бывшей кодификацннной комиссн царства Польскаго—Славскаго и Александровича, генераль-аудиторовъ Военнаго Министерства Философова и флотовъ-Глѣбова.

при ссылкѣ и отдачѣ въ арестантскія роты замѣнить увеличеніемъ (для неизъятыхъ) срока заключенія; клейма налагать на плечо ¹⁾). Такимъ образомъ былъ поставленъ вопросъ о существованіи тѣлесныхъ наказаній, понятно, что поклонники стараго режима должны были употреблять всѣ усилія, чтобы отстоять наказанія, бывшія какъ бы символомъ, внѣшнимъ выраженіемъ защищаемыхъ ими порядковъ жизни—началась борьба. Заключение Комитета было представлено на разсмотрѣніе высшихъ государственныхъ сановниковъ, 12 изъ числа которыхъ высказались противъ тѣлесныхъ наказаній. Въ этой группѣ (противниковъ тѣлесныхъ наказаній) обращало на себя особенное вниманіе мнѣніе Великаго Князя Константина Николаевича: соглашаясь на отмѣну тѣлесныхъ наказаній при ссылкѣ и арестантскихъ ротахъ, Великій Князь высказался противъ всякаго увеличенія срока заключенія вмѣсто тѣлеснаго наказанія, потому что не сообразно съ достоинствомъ и строгою справедливостью имѣть за одни и тѣ же тяжкія преступленія различные виды наказаній. Вмѣстѣ съ тѣмъ Великій Князь считалъ справедливымъ совершенно изъять женщинъ отъ тѣлеснаго наказанія безъ ограниченій, предложенныхъ комитетомъ ²⁾).

Министръ Внутреннихъ дѣлъ (Валуевъ) съ особенной подробностью останавливался на клейменіи, онъ писалъ въ своемъ мнѣніи слѣдующее: „Клейменіе, составляя часть жестокаго тѣлеснаго наказанія и видимый знакъ изверженія изъ гражданскаго общества, служить еще къ тому, чтобы въ случаѣ побѣга каторжнаго, можно было легко опредѣлить, къ какой категоріи ссыльныхъ принадлежитъ бѣглецъ. Между тѣмъ каторжникъ по истеченіи извѣстнаго числа лѣтъ можетъ перейти въ государственные крестьяне, и клеймо не соотвѣтствуетъ его положенію, какъ напоминаніе о преступленіи, искупленномъ безукоризненнымъ поведеніемъ“. Въ то же время клейменіе представляло и большія практическія неудобства, доктора подвергались взыска-

¹⁾ Сводъ мнѣній и замѣчаній по вопросу объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній. Записка Кн. Орлова. стр. 18—31.

²⁾ Ib. стр. 59, 79—81, 92, 108, 110, 146—50.

нію за неясныя или стершіяся клейма, медицинскій совѣтъ неоднократно заявлялъ, что нѣтъ средствъ сдѣлать знаки неизгладимыми. Возложеніе клейменія на фельдшеровъ вызвало справедливое нареканіе медицинскаго совѣта, что они превращаются въ палачей „званіе спеціальное и не имѣющее ничего общаго съ назначеніемъ и обязанностями медиковъ“, и считало вообще присутствіе врача при клейменіи совершенно бесполезнымъ, неприличнымъ и унижающимъ человѣческое достоинство. Кромѣ того Валувъ совершенно соглашался съ необходимостью изъять женщинъ отъ тѣлесныхъ наказаній.

О значеніи тѣлесныхъ наказаній за маловажныя проступки интересно замѣчаніе юриста-практика Н. А. Будковского, въ немъ говорится, что 1) они недостаточно репрессивны, такъ какъ по духу нашего времени доведены до незначительнаго числа ударовъ, и для людей, привыкшихъ къ грубому обращенію и побоямъ съ малолѣтства, не составляютъ страданія, 2) преступникъ немедленно отпускается продолжать свой прежній образъ жизни, т. е. пьянствовать и т. д., 3) тѣлесныя наказанія убиваютъ достоинство человѣка, не достигая никакихъ разумныхъ цѣлей (Сводъ мнѣній, ст. 117—119—121). На легкую возможность отмѣны тѣлесныхъ наказаній указывалъ и другой юристъ-практикъ Д. А. Ровинскій, доказывавшій, что ихъ можно отмѣнить совершенно, несмотря на недостаточность мѣстъ заключенія.

На сторонѣ противниковъ тѣлесныхъ наказаній было общественное мнѣніе. Они могли рассчитывать и на поддержку при дворѣ, они были сильны; въ другомъ положеніи находились защитники тѣлесныхъ наказаній, не могшіе рассчитывать на побѣду, имъ оставались только компромиссы, задержки, выжидательное положеніе. Поэтому среди сановниковъ, несогласныхъ съ заключеніями комитета, не встрѣчается прямой оппозиціи: тѣлесныя наказанія отстаиваютъ, но косвенно; такъ государственный контролеръ Анненковъ нашель, что въ эпоху преобразованія всѣхъ основъ государственнаго быта, при политическихъ смутахъ въ западныхъ губерніяхъ, измѣненіе уголовной системы несвоевременно. Рѣшительнѣе высказался министръ юстиціи гр. Панинъ, заявившій себя убѣжденнымъ сторонникомъ сущест-

вующаго порядка: „виды наказаній, писалъ онъ, должны соотвѣтствовать степени развитія народнаго образованія и понятія о чести“. Внезапный переходъ отъ мѣръ жестокихъ къ болѣе кроткимъ можетъ поколебать страхъ наказанія въ тѣхъ лицахъ, которыхъ могутъ страшить только тѣлесныя кары. Въ народномъ понятіи тѣлесное наказаніе есть единственное возбуждающее страхъ... и отмѣна его въ грубыхъ понятіяхъ нѣкоторыхъ преступниковъ была бы равносильна отмѣнѣ всѣхъ уголовныхъ наказаній. Далѣе министръ юстиціи занялся опроверженіемъ доводовъ противниковъ: сочувствіе народа къ наказаннымъ вызывается не отвращеніемъ къ наказанію, а христіанскимъ соболѣзнованіемъ (что прямо противорѣчило дѣйствительности). Недостатокъ палачей объясняется не столько тяжестью ихъ обязанностей, сколько налагаемыми на нихъ стѣсненіями, подвергающими ихъ какъ бы пожизненному одиночному заключенію (гр. Панинъ забывалъ здѣсь, что недостатокъ въ палачахъ чувствовался еще въ XVIII вѣкѣ, когда о стѣсненіи ихъ не было рѣчи). Но и гр. Панинъ не могъ защитить дѣла, которое было уже проиграно, онъ долженъ былъ признать, что предшествовавшее законодательство представляло изъ себя картину постепенныхъ уступокъ медленно, но вѣрно разрушавшихъ лѣстницу тѣлесныхъ наказаній, но логическаго вывода, къ которому вело такое постепенное уничтоженіе, министръ не хотѣлъ видѣть и допускалъ только частичныя смягченія. Клейменіе онъ считалъ возможнымъ замѣнить наложеніемъ знаковъ на плечи. Шпицрутены онъ признавалъ строгимъ наказаніемъ и не возставалъ противъ ихъ отмѣны, предлагая только выждать заключенія генералъ-губернаторовъ Сибири. Женщинъ, въ виду ихъ менѣе крѣпкаго сложенія и сохраненія между зрителями чувства стыдливости и приличія, предполагалъ наказывать въ половину противъ мужчинъ и не публично; плети для ссыльныхъ до пересмотра законовъ о нихъ уменьшить на половину; наказаніе розгами при арестантскихъ ротахъ понизить въ 2 раза: 50 вмѣсто 100 ударовъ; исправительныхъ наказаній розгами взамѣнъ тюремнаго заключенія не отмѣнять. Переходя къ отдѣльнымъ статьямъ Уложенія, гдѣ розги назначались самостоятельно, гр. Панинъ и здѣсь сбавлялъ нѣ-

сколько, напр. (по ст. 1038) 15—20 ударовъ онъ предлагалъ замѣнить 10—20. Министръ юстиціи, впрочемъ, какъ и государственный контролеръ, защищалъ не само тѣлесное наказаніе, а только его необходимость въ настоящую минуту: по мнѣнію гр. Панина къ его уничтоженію слѣдовало переходить постепенно (ст. 37—58). Оберъ-прокуроръ св. Синода не представилъ собственнаго мнѣнія, но переслалъ въ комитетъ мнѣніе преосвященнаго Филарета митрополита Московскаго. Свѣтскіе противники реформъ вынуждены были къ уступкамъ и осторожности, митрополитъ высказался свободнѣе. Онъ писалъ, что вопросъ о тѣлесномъ наказаніи касается только государства, а не церкви, если государство можетъ отказаться отъ этого наказанія, „христіанство одобритъ сію кротость, въ противномъ случаѣ не осудитъ строгости, только бы наказаніе было справедливо и не чрезмѣрно“ (условія невозможныя при тѣлесномъ наказаніи). Думаютъ, что тѣлесныя наказанія дѣйствуютъ разрушительно на народную нравственность, но „нельзя думать, что Господь Богъ чрезъ Моисея узаконилъ тѣлесныя наказанія (4—десять ранъ да наложить ему. Второзаконіе XXV, 3) для разрушенія нравственности народа (іерархъ упустилъ изъ виду, что Моисеевымъ закономъ устанавливается и казнь побіенія камнями, о примѣненіи которой на этомъ основаніи, однако, никто не говорилъ). Отмѣнить тѣлесныя наказанія невозможно и потому, что, если всѣхъ сажать въ тюрьму, то понадобится въ большомъ городѣ особый тюремный городъ.

Комитетъ могъ безъ особеннаго труда возразить на всѣ нареканія, указавъ, что въ политическомъ отношеніи такая благая мѣра, какъ отмѣна тѣлеснаго наказанія, не можетъ быть признана опасной, что уменьшеніе числа ударовъ „въ видахъ постепеннаго перехода“ не имѣетъ за себя рациональныхъ основаній, такъ какъ тѣлесныя наказанія предполагается уничтожить, какъ позорныя и развращающія, а не только какъ истязательныя, и число ударовъ поэтому не существенно; затѣмъ, признавъ справедливость замѣчаній противъ увеличенія сроковъ ссылки, предложилъ просто отмѣнить придаточныя тѣлесныя наказанія и клейменіе и высказался за полную отмѣну тѣлесныхъ наказаній для жен-

щинъ, а отмѣну ихъ вмѣсто тюремнаго заключенія предполагалъ отложить до переустройства тюремъ. Въ заключеніи самъ комитетъ признавалъ, что съ оставленіемъ розогъ въ качествѣ замѣны тюремнаго заключенія сдѣлана только половина дѣла и реформа не закончена. Предположенія комитета были переданы въ государственный совѣтъ для окончательнаго обсужденія, и дѣло отмѣны тѣлесныхъ наказаній совершилось указомъ 17 Апрѣля 1863 года. Но полной отмѣны не послѣдовало: нерѣшительность и опасенія старыхъ партій сказались даже въ заглавіи указа: не объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, а „о нѣкоторыхъ измѣненіяхъ въ существующей нынѣ системѣ наказаній уголовныхъ и исправительныхъ“,—подъ такимъ скромнымъ заглавіемъ былъ изданъ одинъ изъ крупныхъ законодательныхъ актовъ царствования Александра II. Этимъ указомъ отмѣнялось тѣлесное наказаніе розгами и плетью и клейменіе. Самостоятельное наказаніе розгами въ 573—576 ст. Уложения замѣнялось тюрьмою. Лица женскаго пола объявлены изъятими отъ тѣлеснаго наказанія (кромѣ ссыльныхъ). Замѣна розгами тюрьмы, смирительнаго и рабочаго домовъ и ареста оставлено только при явной невозможности исполнить назначенное наказаніе. Въ этотъ же день состоялись указы о совершенной отмѣнѣ для воинскихъ нижнихъ чиновъ наказанія шпирутенами и о существенномъ измѣненіи для сихъ чиновъ всей системы тѣлесныхъ наказаній, что дѣлалось „въ видахъ возвышенія нравственнаго духа нижнихъ чиновъ“. Всѣ безпорочно служащіе нижніе чины освобождены отъ тѣлесныхъ наказаній пока не будутъ переведены по суду въ разрядъ штрафованныхъ, въ которомъ не изъятые отъ тѣлесныхъ наказаній могутъ подвергаться наказанію розгами безъ судебного приговора до 50 ударовъ по приказу полковаго командира или равныхъ ему по власти лицъ. Мѣра наказанія должна соотвѣтствовать степени вины, лѣтамъ и физическимъ силамъ наказываемаго, въ сомнительныхъ случаяхъ требовалось медицинское освидѣтельствованіе.

Во флотѣ шпирутены и кошки были замѣнены розгами, до 200 ударовъ до устройства мѣстъ заключенія; нижнихъ чиновъ, подлежащихъ во время плаванія наказанію кошками,—разрѣшено наказывать линьками не болѣе 100 уда-

ровъ. Реформа 1863 г., неполнота которой сглаживалась ея огромнымъ нравственнымъ значеніемъ, вызвала восторженные привѣтствія русскаго общества. „17 Апрѣля 1863 г., писать одинъ изъ пережившихъ этотъ день, кн. Голицынъ, снята была, наконецъ, съ русскаго народа эта позорная язва, много вѣковъ тяготѣвшая надъ нимъ“. Проф. Никитенко отмѣчаетъ въ своемъ дневникѣ: „17 Апрѣля невыразимый народный энтузіазмъ въ Москвѣ. Народъ потребовалъ, чтобы молебень былъ отслуженъ на площади противъ комнатъ дворца, гдѣ родился Александръ II. „Когда я получилъ отъ министра Внутреннихъ дѣлъ извѣщеніе... что государь окончательно приказалъ отмѣнить тѣлесныя наказанія... слезы брызнули изъ глазъ... я послалъ гонцовъ во все уѣзды, чтобы остановить исполненіе приговоровъ на прежнемъ основаніи“, пишетъ въ своихъ запискахъ о 17 Апрѣля 1863 г. сенаторъ Денъ. Этотъ общій восторгъ и образованнаго класса и простого народа служить краснорѣчивымъ отвѣтомъ всемъ защитникамъ тѣлесныхъ наказаній.

Въ 1863 же году въ день царскихъ именинъ были отмѣнены шпицрутены для ссыльныхъ вслѣдствіе представленія министра Внутреннихъ дѣлъ, справедливо находившаго, что съ отмѣной шпицрутенъ въ войскахъ нельзя возлагать на солдатъ неприличную ихъ званію обязанность быть исполнителями тѣлесныхъ наказаній. Шпицрутены замѣнялись плетью по 831 ст. Уст. о ссыл.

Крупное измѣненіе въ системѣ наказаній вызвало и пересмотръ Уложенія, появившагося новымъ изданіемъ въ 1866 году, въ которомъ устанавливалось общее правило замѣны заключенія тѣлесными наказаніями (ст. 78, 80, 81, 82). Въ приложеніи списокъ тѣлесныхъ наказаній ограничивался только двумя—розгами и наложеніемъ оковъ. Затѣмъ слѣдовали группы изъятыхъ отъ этихъ наказаній: въ ст. 3—15 группъ, въ 4—4, въ 5—37, въ 6—6 группъ, всего 62. Для замѣнительныхъ тѣлесныхъ наказаній сохранились особыя изъятія (ст. 11). Положеніе о не назначеніи тѣлесныхъ наказаній для страдающихъ извѣстными болѣзнями повторено ст. 88 и въ приложеніи III безъ измѣненій.

Законъ 1863 г. оставилъ въ Россіи плети въ качест-

въ спеціального наказанія по Уставу о ссыльныхъ, какъ средство устрашенія для людей, противъ которыхъ считались исчерпанными всѣ карательныя мѣры, — этотъ обломокъ прежней системы не находитъ себѣ защитниковъ, и примѣняется въ сравнительно ничтожномъ объемѣ; исчезновеніе его представляется несомнѣннымъ тѣмъ болѣе, что само правительство держится въ отношеніи плетей прежняго пути постепенныхъ изыятій по соображеніямъ милосердія и человѣчности. Еще въ 1867 г. государственный совѣтъ, разсматривая записку объ отмѣнѣ тяжкихъ тѣлесныхъ наказаній для ссыльныхъ постановилъ „для признаваемаго необходимымъ безотлагательнаго изыятія ссыльныхъ женскаго пола отъ тѣлесныхъ наказаній предоставить министру внутреннихъ дѣлъ свои по сему предмету соображенія“, однако желаніе государственнаго совѣта осуществилось лишь закономъ 1893 года, когда отмѣна тѣлесныхъ наказаній для женщинъ стала совершившимся фактомъ: Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта постановлено, что женщины, приговоренныя къ ссылкѣ въ каторжныя работы или на поселеніе, какъ во время препровожденія ихъ къ мѣстамъ назначенія, такъ и въ мѣстѣ ссылки не подлежатъ ни тѣлесному наказанію плетями, лозами или розгами, ни прикованію къ телѣжкѣ. Женщины, осужденныя на безсрочныя каторжныя работы, содержатся въ ножныхъ и ручныхъ кандалахъ, но менѣе тяжелыхъ, которые могутъ быть снимаемы по медицинскому освидѣтельствованію по болѣзни съ разрѣшенія тюремнаго начальства. Тѣлесныя наказанія для женщинъ замѣняются содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ въ особомъ отдѣленіи тюрьмы съ прекращеніемъ всякаго сообщенія съ другими содержимыми (не свыше 50 дней), съ отпускомъ горячей пищи черезъ 3 дня къ четвертый, наложеніемъ ножныхъ оковъ на срокъ до 1 годъ 8 мѣс. на ссыльно-каторжныхъ, и на поселеное до 10 дней.

Казалось бы, что того же образа дѣйствій будетъ держаться законодательство и по отношенію къ розгамъ. Такъ и было дѣло до 1889 г. Розги были осуждены на исчезновеніе, ихъ вредъ представлялся аксіомой, не требующей доказательствъ. Въ 1864 г. при обсужденіи въ государствен-

номъ совѣтъ Мироваго Устава возникло было предположеніе предоставить мировымъ судьямъ право назначать тѣлесныя наказанія (до 30 розогъ), но оно было отвергнуто громаднымъ большинствомъ, на томъ основаніи, что „тѣлесныя наказанія не могутъ не быть признаны положительно вредными, препятствующими смягченію нравовъ народа и не дозволяющими развиваться въ немъ чувству чести и нравственнаго долга“¹⁾; сохраненіе розогъ для крестьянъ объяснялось нежеланіемъ колебать только что изданное положеніе 19 Февраля. О розгахъ говорилось и въ комиссіи о преобразованіи волостныхъ судовъ (1870 г.), какъ о наказаніи, подлежащемъ уничтоженію; противъ розогъ были не только опрошенные комиссіей крестьяне, но и различныя должностныя лица, входящія въ близкое соприсосновеніе съ крестьянскимъ міромъ, даже нѣкоторые исправники (Московской губ.). Указывалось и на то, что тѣлесное наказаніе должно быть отмѣнено уже потому, что 20 ударовъ розгами ничего не значатъ для простолюдина (Мировой посредникъ Костромской губ.)²⁾, что это не наказаніе, а отвратительная комедія, влекущая за собою деморализацію наказаннаго. Удостоверилось, что народъ не обращается къ волостному суду, рѣшеніе котораго, какъ и стариковъ, разбирающихъ дѣла иногда въ нетрезвомъ видѣ, кончается приговорами къ розгамъ.

Внезапный поворотъ назадъ въ законодательствѣ былъ сдѣланъ закономъ 12 Юля 1889 г., имѣющимъ цѣлью восполнить отсутствіе „близкой къ народу твердой правительственной власти, которая соединяла бы въ себѣ попечительство надъ сельскими обывателями... съ обязанностями по охраненію благочинія, общественнаго порядка, безопасности и правъ частныхъ лицъ въ сельскихъ мѣстностяхъ“³⁾. Вѣроятно, по традиціи въ Россіи понятіе объ административномъ

¹⁾ Джаншіевъ. Изъ эпохи великихъ реформъ. 5-е изд. стр. 202.

²⁾ Труды комиссіи по преобразованію волостныхъ судовъ. Мнѣнія и отзывы Владимірской г. стр. 78. Ів. Сводъ мнѣній и отзывовъ. стр. 111, 124, 430, 433. 544, 580, т. III, стр. 180, 330, т. I, стр. 3, 12, 124 и слѣд.

³⁾ Положенія и правила о земскихъ участковыхъ начальникахъ, Сиб. 1890, Высочайшій указъ.

попечительствѣ и твердой власти какъ бы связывается съ битьемъ, и законъ о земскихъ начальникахъ, отступая отъ исторически сложившагося отношенія законодателя къ тѣлеснымъ наказаніямъ, расширилъ область примѣненія розогъ, хотя и не безъ оговорокъ: такъ, наказаніе ими допускается лишь по приговору волостныхъ судовъ, утвержденныхъ земскими начальниками, въ особо важныхъ случаяхъ, если судъ признаетъ необходимымъ именно тѣлесное наказаніе (ст. 36, 37. Времен. правилъ о волостномъ судѣ). Практика земскихъ начальниковъ оказалась весьма разнообразной. Лучшая часть ихъ, дѣйствуя, въ духѣ законодателя, безъ сомнѣнія, имѣвшего въ виду улучшить, а не ухудшить положеніе крестьянъ, избѣгаетъ примѣненія тѣлесныхъ наказаній, другая, напротивъ, какъ бы возложила всѣ свои надежды въ управленіи не на собственное умѣніе, а на розги. Практика второй группы вызвала, какъ и слѣдовало ожидать не только протестъ общественнаго мнѣнія, выразившійся въ массѣ газетныхъ замѣтокъ и брошюръ, но и вполне заслуженное неодобреніе высшей администраціи. Въ 1891 г. министерство Внутреннихъ дѣлъ циркуляромъ (Вѣст. Европы, 1891, № 9. ст. 378) рекомендовало земскимъ начальникамъ большую осторожность въ примѣненіи тѣлесныхъ наказаній и указало, что законодатель допустилъ ихъ какъ крайнюю мѣру, безъ которой возможно обойтись.

Законъ 1889 г. снова придалъ, сходявшему уже съ очереди, вопросу о тѣлесныхъ наказаніяхъ практическое значеніе и сдѣлалъ его опять предметомъ борьбы и полемики, на этотъ разъ уже послѣдней, такъ какъ съ уничтоженіемъ розогъ не о чемъ будетъ спорить. Положеніе защитниковъ тѣлеснаго наказанія въ настоящее время безнадежно: въ 1863 г., еще могли быть шансы на успѣхъ, старое было живо, въ него вѣрили, теперь исходъ борьбы, можно сказать, заранѣе предрѣшенъ историческимъ процессомъ развитія и вымиранія тѣлесныхъ наказаній.

Розги могутъ (плети стоятъ особнякомъ) примѣняться по дѣйствующему праву лишь къ крестьянамъ: 1) совершеннолѣтнимъ мужчинамъ, не занимавшимъ никакихъ должностей, не служившимъ въ военной службѣ, не имѣющимъ образовательнаго ценза, не страдающимъ предусмотрѣнными

въ законѣ болѣзнями, не старше 60 лѣтъ. 2) несовершеннолѣтнимъ отъ 10—17, приче́мъ наказаніе имъ назначается въ половинномъ противъ взрослыхъ размѣрѣ.

Высшее число ударовъ—20 (число, которое прежде считалось бы не важнымъ для какого нибудь школьника, должно устрашать, теперь взрослога здороваго чело́вѣка). Большее значеніе розги сохранили по воинскому и дисциплинарному уставамъ для переведенныхъ въ разрядъ штрафованныхъ; это опять таки специальное наказаніе, котораго не касаются защитники розогъ. Примѣненіе тѣлесныхъ наказаній въ войскахъ само собою постепенно ограничивается, по крайней мѣрѣ по суду съ 6149 случаевъ въ 1870 г. оно дошло до 348 въ 1893 году. Споръ, слѣдовательно, идетъ о ничтожномъ по физическому значенію наказаніи, примѣненіе котораго вдобавокъ зависитъ отъ такой случайности, какъ счастливый жребій при отбываніи воинской повинности или занятія хотя бы на короткое время незначительной должности; розги по мѣткому замѣчанію одного изъ враждебныхъ имъ земскаго начальника г. Чернова: „имѣютъ жертвами всѣхъ тѣхъ, кто и безъ того обиженъ судьбою: узкогрудыхъ, хромоногихъ или единственныхъ тружениковъ въ семьѣ, сыновей — одиночекъ и т. п.“¹⁾ Для оправданія тѣлесныхъ наказаній въ такой формѣ трудно подыскать подходящіе аргументы: защитники розогъ, какъ замѣчаетъ г. Обнинскій²⁾ опираются на то, что 1) нравственный уровень крестьянъ низокъ, что 2) тюрьма грозитъ раззореніемъ и развращаетъ попадающихъ въ нее и 3) вмѣстѣ съ этимъ связывается не совсемъ логично указаніе на то, что розги примѣняются къ окончательно испорченнымъ, потерявшимъ чувство стыда; не трудно видѣть, что 2 и 3 доказательства взаимно уничтожаютъ другъ друга: если сѣкутъ въ конецъ испорченныхъ, то имъ не можетъ повредить и тюремное заключеніе; если сѣкутъ въ исправительныхъ цѣляхъ, то это неправильно,

¹⁾ Черновъ. набросокъ соображеній изъ волостной юстиціи. Гжатскъ, 1895, стр. 71—72.

²⁾ Обнинскій, П. Розга, какъ карательная мѣра. Юр. Вѣст. Май—Іюнь, стр. 48—69.

такъ какъ розги уничтожаютъ чувство стыда и чести, которыя прежде всего нужно сохранить въ интересахъ исправленія. Точно также признаніе уровня крестьянской нравственности низкимъ не можетъ оправдать примѣненія къ нимъ наказанія еще болѣе понижающаго его, напротивъ оно требуетъ карательныхъ мѣръ, могущихъ дать совершенно иные результаты. Для поддержанія тѣлесныхъ наказаній пришлось бы настаивать на положеніи, что русскій народъ менѣе сознаетъ ихъ позорность и тяжесть, чѣмъ дикія инородческія племена, изъятія отъ тѣлесныхъ наказаній, которымъ подвергается живущее вмѣстѣ съ ними русское населеніе,—этотъ печальный фактъ, унижающій коренное населеніе страны, вызвалъ 1895 г. ходатайство степнаго и Туркестанскаго генераль-губернаторовъ объ отмѣнѣ тѣлесныхъ наказаній.

Защита розги, какъ наказанія, представлялась бы сама по себѣ мало-обоснованнымъ предразсудкомъ, если бы за нимъ не скрывалось отстаиванье принципа битья низшихъ классовъ, выдвигать который самостоятельно не совсѣмъ удобно,—приходится прикрываться восхваленіемъ достоинствъ розги, какъ карательной мѣры. Съ этой точки зрѣнія протестъ противъ розогъ, въ какомъ бы то ни было числѣ ударовъ и для какого бы то ни было узкаго круга лицъ, имѣетъ несомнѣнно большое общественное и государственное значеніе. Законъ 12 Іюля 1889 года только обострилъ положеніе и доставилъ богатый матеріалъ для доказательства безусловно отрицательнаго отношенія къ тѣлесному наказанію всѣхъ слоевъ русскаго общества; масса данныхъ въ этомъ направленіи сгруппирована въ интересной статьѣ г. Семевского „Необходимость отмѣны тѣлесныхъ наказаній“ (Русская Мысль, 1896, 2, 3.), поэтому я не буду на нихъ останавливаться. Упомяну лишь, что многія губернскія (С.-Петербургское, Московское, Тверское, Смоленское, Черниговское) и уѣздныя земскія собранія, медицинскія и сельско-хозяйственныя общества (особенно вниманія заслуживаетъ ходатайство Императорскаго Вольно-Экономическаго общества) ходатайствовали объ отмѣнѣ розогъ; эти выраженія общественнаго настроенія горячо поддерживаются русскою печатью, защита тѣлесныхъ наказаній въ

которой является ничтожнымъ и мало авторитетнымъ исключеніемъ.

Словомъ, и общество и печать единодушно выступили какъ бы въ крестовый походъ противъ розги, символа исчезнувшаго варварства и безправія, и есть полное основаніе предполагать, что недалекъ тотъ день, въ который въ Россіи закончится исторія тѣлесныхъ наказаній такъ же прочно, какъ во Франціи, и исчезнетъ раздѣленіе русскихъ людей на тѣхъ, кого бить можно и кого бить нельзя.

СПбГУ

ОТДѢЛЪ III.

Виды тѣлесныхъ наказаній въ русскомъ правѣ.

ГЛАВА I.

Членовредительныя наказанія и клейменіе.

Членовредительныя наказанія, довольно широко примѣнявшіяся въ Россіи, служили не только цѣлямъ устрашенія, но и безопасности. Въ наказаніяхъ, преслѣдовавшихъ преимущественно первую цѣль, поражались наиболѣе важные органы человѣческаго тѣла, эти наказанія были сопряжены съ тяжкими физическими страданіями. Членовредительныя наказанія, имѣвшія въ виду вторую цѣль, заключая въ себѣ извѣстное страданіе, направлялись главнымъ образомъ на выдѣленіе преступника неустранимыми признаками, такъ чтобы государство всегда могло судить о степени представляемой имъ опасности. Примѣненіе членовредительныхъ наказаній съ этимъ характеромъ объяснялось отсутствіемъ у государственной власти средствъ иначе отличить важныхъ нарушителей общественнаго порядка, рецидивистовъ, лицъ, сдѣлавшихъ изъ преступленія промыселъ, и потребностью въ знакѣ, который преступникъ носилъ бы всегда на себѣ, на своемъ тѣлѣ.

Изъ членовредительныхъ наказаній первой группы, служившихъ устрашенію, въ Россіи были извѣстны: 1. Ослѣпленіе, хотя нужно замѣтить, что лишеніе зрѣнія,—можетъ быть самое жестокое членовредительное наказаніе,—въ отличіе отъ западно-европейскаго права не было въ Россіи обычнымъ, повседневно примѣняемымъ карательнымъ средствомъ, и не упоминается прямо ни однимъ законодатель-

нымъ памятникомъ. Въ Уложеніи 1649 года оно допускалось лишь по статьѣ о тѣлесныхъ поврежденіяхъ, наказанія за которыя законъ опредѣлялъ по началу матеріальнаго таліона, предписывая учинить то же тому, кто... „отсѣчетъ руку или ногу, или носъ, или ухо, или губы обрѣжетъ или глазъ выколетъ“; до насъ не дошло ни одного приговора, заключающаго въ себѣ примѣненіе этой статьи Уложенія, вѣроятно, если она и выполнялась на дѣлѣ, то весьма рѣдко. Въ судебной практикѣ XVII в. встрѣчались помимо этого и случаи ослѣпленія государственныхъ преступниковъ: есть извѣстіе, что въ царствованіе Шуйскаго Болотникову съ 2 товарищами до смертной казни были выколоты глаза. Коллинсъ сообщаетъ также, что иногда выкалывали глаза у бунтовщиковъ и потомъ ссылали ¹⁾. Болѣе позднихъ извѣстій объ ослѣпленіи не имѣется.

Раньше, ослѣпленіе по русскому праву стояло тоже особнякомъ и назначалось не какъ наказаніе, а скорѣе какъ мѣра политической безопасности: въ тѣхъ случаяхъ, когда находили ненужнымъ или неудобнымъ лишить жизни противника и въ то же время считали необходимымъ сдѣлать его разъ навсегда безвреднымъ (расчетъ на послѣднее, однако, не всегда оправдывался: ослѣпленные враги оказывались сильными и грозными, несмотря на отсутствіе зрѣнія). Подобные примѣры ослѣпленія изъ политическихъ видовъ или мести даютъ лѣтописи, начиная съ XI вѣка: въ 1068 г. Мстиславъ Изяславичъ, возвратившись въ Кіевъ изъ изгнанія, многихъ враговъ своихъ изсѣкъ, другихъ ослѣпилъ. Въ 1098 г. былъ ослѣпленъ кн. Василько. Въ 1177 г. владимірцы выкололи глаза 2 захваченнымъ ими въ плѣнъ рязанскимъ князьямъ; въ томъ же году бояре требовали у великаго кн. Всеволода ослѣпленія или смерти его враговъ, плѣнныхъ суздальцевъ и ростовцевъ. Въ 1446 г. Василий Темный, самъ лишенный зрѣнія въ междуусобной борьбѣ, ослѣпилъ двухъ враждебныхъ ему князей ²⁾.

¹⁾ Уложеніе царя Алексѣя Михайловича. 1649 г. XXII, гл. 10. Бояринъ и воевода кн. М. В. Скопинъ-Шуйскій. Р. Арх. 1889 г., кн. 2. стр. 478. Коллинсъ, С. Нынѣшнее состояніе Россіи. Чтенія, 1846, I. стр. 23.

²⁾ *Погодинъ*, о. с. стр. 1257, 1258. *Будановъ*, Хрестоматія. стр. 101. Пол.; Собр. лѣтописей т. I, 3. Ипатьевская лѣтопись, годъ 6653. т. VII. Воскресен-

2. Вырѣзаніе языка, вызванное желаніемъ покарать виновнаго по строгимъ началамъ возмездія, назначалось за преступленія, совершаемыя словомъ. Оно употреблялось: а) за „непристойныя“ слова, касавшіяся личности государя или побуждавшія къ возмущенію. Еще Иванъ III грозилъ вырѣзать языкъ Татищеву, но былъ упрощенъ митрополитомъ; въ XVI в. (1545 году) у Афанасія Бутурлина былъ отрѣзанъ языкъ за „невѣжливыя слова“. Нѣсколько подобныхъ приговоровъ дошло до насъ отъ XVII вѣка. Въ 1700 г. былъ урѣзанъ языкъ у женщины, распространявшей извѣстіе, что Петръ побилъ въ церкви генеральскую жену. Есть и позднѣйшія указанія на примѣненіе этой кары вплоть до 1743 г., когда въ царствованіе Елизаветы былъ вырѣзанъ языкъ у Лопухиной и Бестужевой за злодѣйскій умыселъ противъ ея Величества¹⁾; б) для наказанія еретиковъ. Въ 1505 г. одному изъ секты жидовствующихъ Некрасу Рукавову „урѣзали“ языкъ передъ сожженіемъ²⁾. Точно также въ XVII в. лишались языка „за противность и ругательство св. церкви“; языки вырѣзали у раскольниковъ, напр. у протопопа Аввакума и его трехъ сотоварищей. Въ Уложеніи 1649 г. вырѣзаніе языка не назначалось непосредственно, но къ ст. 10, гл. XIV прибавлена справка о томъ, что царя Льва Премудраго новая заповѣдь 72 повелѣваетъ за лжесвидѣтельство „языка урѣзати“, само же Уложеніе опредѣляетъ за названное преступленіе только „жестокое наказаніе“, т. е. кнутъ.

Самая процедура вырѣзанія языка состояла въ томъ, что у осужденнаго, посаженнаго на скамью, палачъ вытя-

скій списокъ. ст. 95. *Карамзинъ*, т. VI. стр. 123. т. V. стр. 126. *Соловьевъ*, т. II. стр. 55. т. IV. стр. 64 и 68.

¹⁾ *Соловьевъ*, т. V. стр. 173. Полн. Собр. Лѣтоп. т. VIII. отд. 4. годъ 6996. Р. Стар. 1875. т. XIII. стр. 146. Акты, собран. археографической экспедиціей, т. IV. № 51. 1651 г. Собраніе государственныхъ грамотъ и договоровъ № 201. Приговоръ 1689 г. О митежахъ въ Москвѣ. Чтенія, 1890 г. кн. 3. стр. 244. П. С. З. 362 г. 1664 г. 8773 г. 1743. *Есиповъ*, Г. Государево слово и дѣло. Др. и Нов. Россія, 1880 г. Янв.—Апр. стр. 782—783. *Коллинъ*. Смыслные и заключенные въ Соловецкомъ монастырѣ. Рус. Стар. 1887 г. стр. 361. *Чистовичъ*, И. Дѣло о богопротивныхъ сборищахъ и дѣйствіяхъ. Чтенія, 1887 г. стр. 67. *А. II. Волгинскій*. Рус. Стар. 1885 г., т. 48. стр. 184.

²⁾ Пол. Собр. Лѣтописей, VIII, 2. годъ 7013.

гиваль языкъ клещами и затѣмъ отрѣзаль, обыкновенно не весь языкъ, а часть до половины, поэтому иногда люди съ отрѣзаннымъ языкомъ были въ состояніи говорить болѣе или менѣе ясно. Здѣсь значительную роль играло усмотрѣніе исполнителей наказанія. Говорятъ, что Лопухиной (1743 г.), которая сопротивлялась палачамъ, языкъ былъ вырѣзанъ почти до половины, напротивъ Бестужевой, задобившей палача, отрѣзали только кончикъ языка ¹⁾.

Со времени Петра I въ Россіи стало употребляться и прожженіе языка каленымъ желѣзомъ. Военскій артигулъ назначаетъ его за хулу имени Божьяго (Гл. I, ар. 3). О прожженіе языка и за другія преступленія (лихоимство) сообщаетъ въ своихъ запискахъ датчанинъ, Фоккеродтъ ²⁾.

3. Отсѣченіе руки было общераспространеннымъ членовредительнымъ наказаніемъ, существовавшимъ повсемѣстно, оно чаще другихъ примѣнялось и въ Россіи. Уже подъ 1462 г. мы находимъ въ лѣтописи сообщеніе, что сторонникамъ кн. Василя Ярославича отсѣкали руки, но въ это время еще членовредительныя наказанія, какъ можно предположить, были исключительною карою, по крайней мѣрѣ лѣтописецъ отмѣчаетъ по этому поводу, что вел. князь повелѣлъ казнить „казнью незнаемою“, т. е., вѣроятно, до тѣхъ поръ неизвѣстною, неупотребительною. Позже, въ 1533 году, въ Москвѣ отсѣкали руки за порчу денегъ.

Объ отсѣченіи руки впервые упоминаютъ Судебники и Губныя грамоты, послѣднія угрожаютъ имъ за кражу, то же подтверждается и выпиской изъ постановленій о разбойныхъ и татинныхъ дѣлахъ, относящейся къ XVI или къ самому началу XVII столѣтія ³⁾. Болѣе опредѣленные данныя имѣ-

¹⁾ Н. О. Лопухина. Русск. Стар. 1874, 11 стр. 196. Права, по которымъ судится малороссійскій народъ, изд. А. Бистяковскаго. Кіевъ, 1879 г. VIII, Ар. 9, 1.

²⁾ Россія при Петрѣ Великомъ по рукописи извѣстнаго Іоанна Готлиба Фоккеродта. Чтенія, 1874. Апрель—Іюнь, стр. 30.

³⁾ Пол. Собр. лѣтоп. т. IV. Новгородская лѣтопись. стр. 148. Соловьевъ, IV, стр. 338. т. IV. стр. 35, 50, 73. Акты, собран. въ бібліотекахъ и архивахъ т. I. № 224, т. II № 225. Богдановскій, о. с. стр. 66. Калачовъ, Уголовное право по Судебнику царя Ивана Васильевича. Юрид. записки, изд. Рѣдкимъ, М. 1842 г. т. II. стр. 327. Татищевъ, Исторія Россіи. Чтенія, годъ III. стр. 93.

ются относительно XVII стол. По Уложению 1649 г. отсѣченіе руки назначено за нанесеніе ранъ на государевомъ дворѣ, если раненный „обможется“, за обнаженіе оружія при государѣ, за покушеніе на убійство господина, за подлоги, третью татьбу на государевомъ дворѣ или за ложное обвиненіе въ этомъ преступленіи, за кражу лошади на службѣ и за нѣкоторыя другія преступленія. Указы расширяютъ область примѣненія этого наказанія и на другія правонарушенія, напр. на корчемство и участіе въ денежномъ воровскомъ дѣлѣ (для второстепенныхъ участниковъ). Наконецъ, какъ и въ XV вѣкѣ, отсѣченіемъ руки наказывались участвовавшіе въ мятежахъ, напр. въ 1662 г. ¹⁾. Воинскій Уставъ назначаетъ отсѣченіе руки за неизвѣстныя въ московское время спеціальныя преступленія: — нанесеніе раны хозяину или его домашнимъ солдатомъ, находящимся на постоѣ (Ар. 88) или за ударъ „съ сердцемъ и злостью“ кого либо палкой или чѣмъ инымъ, или угрозу оружіемъ (Ар. 145). Воинскій уставъ заимствуетъ съ запада и другое неизвѣстное раньше наказаніе, повреждающее руку преступника — прибитіе ее къ висѣлицѣ (на 1 часъ) за драку съ оружіемъ въ рукахъ (Ар. 143). Въ царствованіе Елизаветы указомъ фельдмаршалу Ласси (въ 1743 г.) предписывалось замѣнять смертную казнь за убійство шведскихъ подданныхъ отсѣченіемъ руки и ссылкой; въ 1753 году оно было отмѣнено для всѣхъ ссыльно-каторжныхъ въ тѣхъ видахъ, чтобы они „способнѣе въ работу употребляемы быть могли“; въ позднѣйшую эпоху, если приговоры къ отсѣченію руки и встрѣчались (даже въ началѣ XIX столѣтія), по буквѣ считавшихся еще дѣйствующимъ закономъ Уложения 1649 г. и Воинскаго Устава, то во всякомъ случаѣ они не исполнялись, такъ, напр., въ рекрутскомъ уставѣ 1831 г. предписывалось читать статьи о преступленіяхъ по Воин. Уст. 1716 г., въ которыхъ встрѣчались угрозы членовредительными наказаніями, встрѣчались такіа указанія и въ учебникахъ уголовного права, напр. въ курсѣ Гуляева (1833 г.)

¹⁾ Уложения 1649 г. III, 45, т. VII, 29. X, 12, 106, 199, 251. XXII, 8 *Сергеевскій*, о. с. стр. 133. Акт. истор. т. IV. № 167. Указъ 1661 г. О мятежахъ. Чтенія, 1890 г. кн. 3, стр. 244.

упоминается отсѣченіе руки за нанесеніе оружіемъ раны въ присутствіи императора, т. е. излагается соотвѣтствующая статья Уложения 1649 г. ¹⁾).

До какого мѣста отрубалась рука въ законахъ не говорится; изъ примѣровъ, приведенныхъ проф. Сергѣевскимъ можно видѣть, что руки отсѣкали по запястіе или поперекъ ладони на плахѣ топоромъ ²⁾).

4. Отсѣченіе пальцевъ въ первый разъ предписывается въ указахъ слѣдующихъ за Уложениемъ: въ 1653 г. приказано у воровъ и разбойниковъ за первое преступленіе отсѣкать по пальцу на лѣвой рукѣ и ссылатъ въ Сибирь вмѣсто смертной казни; въ 1661 г. два перста на лѣвой рукѣ велѣно отсѣгать за участіе въ поддѣлкѣ монеты; по новоуказнымъ статьямъ—за первую татбу, по указу 1682 г. за первый разбой (увеличеніе на палецъ сравнительно съ 1653 г.). Воинскій уст. назначаетъ отсѣченіе двухъ пальцевъ за клятвопреступленіе (Ар. 196). Практика по обыновенію примѣняла это наказаніе и въ другихъ случаяхъ кромѣ указанныхъ: по свидѣтельству Котошихина пальцы отсѣкались у неважныхъ участниковъ въ бунтѣ 1662 г. Въ 1687 г. такъ были наказаны подьячіе за подлогъ: у нихъ отрубили по 2 пальца на правой рукѣ; по сообщенію Болотова во время семилѣтней войны пальцы были отсѣчены у 11 прусскихъ крестьянъ, стрѣлявшихъ въ русскія войска. Какъ видно изъ большинства указовъ, пальцы отрубались на лѣвой рукѣ, вѣроятно для того, чтобы сохранить работоспособность для ссылки, а отчасти и по религіознымъ соображеніямъ; есть извѣстіе, передаваемое Олеаріемъ, что у одного, приговореннаго къ отсѣченію трехъ пальцевъ на правой рукѣ, по настоянію патріарха было отрублено 3 на лѣвой, такъ какъ пальцы на правой рукѣ необходимы для крестнаго знаменія ³⁾; исключеніе дѣлалось лишь тогда, когда въ наказаніи желали осуществить возможно полнѣе

¹⁾ *Сергѣевскій*. Смертная казнь при Елизаветѣ, Ж. Гр. и Уг. Пр. 1890 I, стр. 51. П. С. З. 10.086, г. 1753. 4677. г. 1831, *Гуляевъ*. Россійское уголовное право. Сиб. 1833. гл. II. стр. 897.

²⁾ *Сергѣевскій*, Русское Уголовное Право. стр. 136. П. С. З. 1449.

³⁾ П. С. З. 105, 970. Дополненіе къ акт. истор. т. XII, № 60 *Олеарій*, о. с. стр. 256. *Сергѣевскій*, Наказаніе. стр. 136.

идею таліона, напр. клятвopеступника лишали 2 пальцевъ, которыми онъ пользовался при присягѣ.

5. Отсѣченіе носа встрѣчается уже въ XIII вѣкѣ: подъ татарскимъ вліяніемъ: носы отсѣкалъ Александръ Невскій у мятежныхъ дружинниковъ своего сына, но это была скорѣе расправа сильнаго князя, чѣмъ правильное наказаніе. Объ отсѣченіи носа за государственныя преступленія говорится при описаніи наказанія сторонниковъ Василия Ярославича; та же практика сохранилась и въ XVII в.; въ XVI вѣкѣ по сообщенію иностранцевъ Герберштейна и Ченслера кусокъ носа отрубали за кражу ¹⁾.

Уложеніе 1649 г. назначало урѣзаніе носа за употребленіе табаку для уличенныхъ въ 3-й разъ (Ул., XXV, 16).

6. Иногда преступники лишались нѣсколькихъ органовъ сразу, — примѣры этому я указывалъ и въ западно-европейскомъ правѣ, — тогда получался какъ бы особый видъ чрезвычайно жестокаго, трудно отличимаго отъ смертной казни членовредительнаго наказанія; въ Россіи изъ такихъ наказаній было извѣстно отсѣченіе рукъ и ногъ въ различной комбинаціи, опредѣляемое обыкновенно взамѣнъ смертной казни: въ указахъ говорится о немъ, какъ о „казни съ пощадою“, насколько незначительна была пощада въ данномъ случаѣ можно заключить изъ отписки Соликамскаго воеводы (XVII в.) о подобномъ наказаніи: разбойнику Родькѣ была совершена „казнь съ пощадою: отсѣчена лѣвая рука по запястье, да правая нога по лодыжку... и послѣ той казни... тотъ Родька... въ скорыхъ числахъ умре“. Отсѣбались у преступниковъ: а) рука и обѣ ноги, такая казнь назначалась напр. фальшивымъ монетчикамъ (главнымъ заводчикамъ); въ 1663 г. повелѣвалось наказывать такимъ образомъ воровъ и разбойниковъ, взамѣнъ смертной казни, которая, впрочемъ, была уже восстановлена въ 1666 г., пока новоуказными статьями (1669 г.) не были введены опять членовредительныя наказанія даже со смягченіемъ противъ 1663 года: отсѣбалось по одной ногѣ и рукѣ. б) Нога и

¹⁾ Полн. собр. лѣток. т. VI ст. 39. Извѣстія англичанъ о Россіи во второй половинѣ XVII в. Чтенія, 1884, кн. 4. стр. 9—10. Разсказъ о путешествіяхъ, должностяхъ, службахъ и переговорахъ сэра Е. Горсея. Чтенія, 1877 г. Лян.—Маргъ. стр. 15. *Жорбъ*, о. с. Чтенія, 1866 г. 1—3, стр. 140.

рука отсѣкались и участникамъ въ поддѣлкѣ монеты; такъ же по новоуказнымъ статьямъ слѣдовало наказывать церковныхъ татей, воровъ и разбойниковъ; это же наказаніе на практикѣ примѣнялось къ заслуживающимъ снисхожденіе убійцамъ взаменъ смертной казни ¹⁾. Изрѣдка встрѣчается также отсѣченіе носа и ушей, напр. Воинск. Уст. (Ар. 188, 189) грозитъ имъ совмѣстно съ ссылкой въ каоторгу за кражу свыше 20 руб. въ полѣ и походѣ.—Перечисленными поврежденіями органовъ исчерпывается первая группа преимущественно устрашительныхъ членовредительныхъ тѣлесныхъ наказаній, ко второй группѣ наказаній съ предупредительнымъ полицейскимъ характеромъ относятся: 1) отрѣзаніе ушей и 2) вырѣзаніе ноздрей, стоящее въ тѣсной связи съ клейменіемъ.

1. Отрѣзаніе ушей представляется наказаніемъ съ двойственнымъ спорнымъ значеніемъ, такъ какъ несомнѣнно оно составляло тяжкое лишеніе, дозволяющее отнести его къ наказаніямъ первой группы, но мнѣ кажется, что правильнѣе считать его въ числѣ предупредительныхъ мѣръ, установленныхъ для опознанія преступника въ виду того, что таковъ былъ его преобладающій характеръ въ XVII; въ XVIII же это наказаніе употреблялось, очень рѣдко, въ особенныхъ случаяхъ. Полицейское значеніе отсѣченія ушей прямо выдвигаетъ Улож. 1649 г., содержащее постановленіе (XXI, 19): „чтобы людей, у которыхъ рѣзаны уши и письма въ томъ, что они выпущены изъ тюрьмы не будетъ... имая приводить къ воеводамъ“. Въ 1683 г. отсѣченіе пальцевъ было замѣнено отрѣзаніемъ ушей, вѣроятно по тѣмъ соображеніямъ, что отсѣченіе пальцевъ отражалось на работоспособности, а потеря ушей, служа яснымъ знакомъ преступления, не представляла этого неудобства. Въ самомъ началѣ XVIII вѣка отрѣзаніе ушей выходитъ изъ употребленія: для обозначенія опасныхъ преступниковъ взаменъ его назначается вырѣзаніе ноздрей. Отрѣзаніе ушей одного или обоихъ по Улож. 1649 г. опредѣлялось для виновныхъ въ

¹⁾ Дополненіе къ акт. истор. XII, № 56. 25 Сентября 1689 г. Акты истор. IV. № 158, *Сергѣевскій*, о. с. стр. 135. П. С. З. 334 г. 1663, 337. г. 1666 441. г. 1669 Новоуказныя статьи, п. 8. *Соловьевъ*, т. XIII, стр. 155.

кражѣ, разбоѣ и нѣкоторыхъ другихъ имущественныхъ преступленіяхъ; указомъ 1657 г. предписывалось отсѣкать уши у совершившихъ убійство въ пьянствѣ и дражѣ. Воинскій уставъ сохранилъ его за кражу; уши отсѣкались иногда у мятежниковъ и поддѣльвателей монетъ ¹⁾. Случаи отсѣченія ушей, встрѣчающіеся въ XVIII ст., объясняются исключительными обстоятельствами, подъ вліяніемъ которыхъ въ дѣятельности властей становилось на первый планъ устрашеніе, — такъ было во время пугачевского бунта, когда гр. Панинъ въ письмѣ отъ 1 Октября 1774 г., сообщая объ усмиреніи имъ деревни гр. Шувалова, просить, чтобъ послѣдній „пожаловалъ, не прогнѣвался, что попу его отрубилъ голову, а у нѣсколькихъ другихъ сдѣлалъ поменьше ушей ²⁾“.

2. Вырѣзаніе ноздрей (рванье ноздрей), мало употребительное въ XVII ст. (вмѣстѣ съ отрѣзаніемъ носовъ за употребленіе табаку), пріобрѣтаетъ большое значеніе съ Петровскаго царствованія на ряду съ клейменіемъ, съ которымъ оно соединяется при наказаніи за самыя тяжкія преступления. Указомъ 1705 г. приказывалось „колотниковъ всякихъ чиновъ людей, которые... въ его государевыхъ дѣлахъ и въ татѣбахъ и въ разбоѣ и во всякихъ воровствахъ, кражѣ и смертоубійствѣ и бунтовщиковъ... смертью не казнить... чинить имъ жестокое наказаніе и пятнать новымъ пятномъ, вырѣзать у носу ноздри и ссылатъ на каторгу въ вѣчную работу“. Вырѣзаніе ноздрей преслѣдовало полицейскія цѣли—боль и обезображеніе были придатками, мало существенными въ глазахъ правительства; съ этой точки зрѣнія понятна и заботливость, съ которой старались обезпечить сохраненіе наложенныхъ знаковъ. Указъ 1724 г. приказываетъ, чтобы „ноздри вынуть до кости и на тѣхъ, у кого ноздри вынуты мало знатны“, цѣль поясняется предписаніемъ ловить и приводить ссыльныхъ людей съ вынутыми ноздрями и клеймами. Такой

¹⁾ П. С. З. 203. 1657 г. 1004 г. 1683, 1404 г. 1691. Уложеніе 1649 г. XX, 9, 11, 15, 16, 90, 63. *Котошигинъ*, о. с. Гл. VII. стр. 81. Акты, относящіяся до юрид. быта, т. I № 55. Грамота губнымъ старостамъ, 1666. *Сергеевскій*, о. с. стр. 140.

²⁾ Пугачевщина. Р. Арх. 1876 г. Кн. 2, стр. 27.

взглядъ на вырѣзаніе ноздрей сохранялся законодательствомъ все время, пока существовало это наказаніе; правильность этого вывода подтверждается вполнѣ позднѣйшими указами: въ 1757 г. былъ изданъ, напр. указъ о ссылкѣ преступницъ, въ которомъ говорится, чтобы „ноздрей у нихъ не вынимать и знаковъ не ставить для того, что колодникамъ мужеска пола ноздри вырѣзать и знаки ставить положено въ томъ разсужденіи, чтобы они изъ ссылки... побѣговъ чинить и, непоставленіемъ на нихъ знаковъ, укрываясь въ такія воровства вступать не дерзали: а женска пола изъ такихъ отдаленныхъ въ Сибири мѣстъ и побѣговъ и воровства чинить не могутъ“¹⁾. Вырѣзаніе ноздрей сохранилось и въ XIX стол.: по проекту 1813 г. оно предполагалось за цѣлый рядъ преступленій при вѣчной ссылкѣ²⁾ (женщины согласно указу 1757 года ему не подлежали), отмѣнено оно было лишь въ 1817 г., причемъ въ указѣ ясно сказались взгляды на него, какъ на предупредительную мѣру. Отмѣна мотивировалась тѣмъ, что вырѣзаніе ноздрей было принято вслѣдствіе желанія выдѣлить яснымъ для всѣхъ признакомъ опасныхъ преступниковъ (чему не всегда могло служить клейменіе различными знаками, такъ какъ со временемъ они дѣлались неясными, сливались), для того чтобы съ исторженіемъ подобныхъ лицъ изъ общества наложить на нихъ неизгладимый знакъ преступленія, чтобы онъ лишилъ ихъ навсегда способа избѣжать присужденнаго имъ мѣста... „находя при нынѣшнемъ устройствѣ внутренней стражи, гласить указъ, таковое усугубленіе наказанія излишнимъ, мы отмѣняемъ оное, яко

¹⁾ П. С. З. № 2026. 4417. г. 1724, 10686. г. 1757. *Ясевичъ-Ясевичскій* Объ указныхъ знакахъ. Юридическія записки. III. стр. 84—103.

²⁾ Клейменіе и вырваніе ноздрей сохранились и въ официальной редакціи проекта 1813 года. Наказаніе 2-го рода (перваго—смертная казнь) состояло въ лишеніи всѣхъ правъ и вѣчной ссылкѣ, 1-я степень его состояла въ выставкѣ у позорнаго столба для преступниковъ не изъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній, сверхъ того въ вырѣзаніи ноздрей и заклеиваніи лица, чему женщины не подвергались (Ч. I. гл. II, 23, 31, 32, 33). Политической смертью 1 степ. предполагалось наказывать за ложный доносъ объ измѣнѣ или бунтѣ § 137, и въ др. ст.: 178, 197, 202, 228, 235, 237, 256, 289, 288, 337, 344—346, 354, 405, 445, 494, 497, 515, 537—539.

безчеловѣчнымъ истязаніемъ сопровождаемое¹⁾). Вырѣзаніе ноздрей, какъ и клейменіе имѣло смыслъ не только какъ средство предупредить рецидивъ и побѣги, но и для различенія преступниковъ въ ссылкѣ; особенно важно было это въ XVIII вѣкѣ, когда при Петрѣ Великомъ каторжныя работы были мѣстомъ для отбытія принудительнаго труда вообще лицъ, обязанныхъ работать на государство, независимо отъ ихъ виновности. Въ каторгу ссылались нерѣдко и безъ поставленія знаковъ, даже и безъ наказанія за всевозможныя провинности, какъ указываетъ на это длинный рядъ Петровскихъ указовъ²⁾, такъ, напр. въ 1711 г. назначается ссылка съ торговою казнью, но безъ клейменія для корчемниковъ. Составъ каторжнаго населенія отличался поэтому большимъ разнообразіемъ, общаго въ немъ было только то, что всѣ каторжные — ослушники царской воли; сама по себѣ каторга, слѣдовательно, не могла быть всегда позорящимъ наказаніемъ, указывающимъ на особую злостность или опасность преступника или на важность совершеннаго имъ преступленія. Въ 1723 г., напр., въ каторгу было приказано ссылать не только свѣтскихъ несостоятельныхъ должниковъ, но и священниковъ и дьяконовъ, только чиновъ съ нихъ не снимать, слѣдовательно существовали каторжные

1) П. Собр. Зак. 27.197. г. 1817.

2) Въ указѣ 1704 г. Генв. 14 вмѣсто наказанія, т. е. кнута и дальней ссылки предписывается ссылать на каторгу на 10 лѣтъ безъ наказанія. Въ 1711 г. назначается ссылка съ торговою казнью, но безъ клейменія для корчемниковъ. (П. С. Зак. № 2343, г. 1711 Мартъ 31). Битье кнутомъ и ссылка въ вѣчную каторгу назначается за засориваніе рѣкъ, невысланіе своихъ людей на пожаръ; причѣмъ у высшихъ персонъ наказывались служители, низшіе отвѣчали сами. (П. С. З. 3382). Въ 1718 г. предписывается ссылать, съ наказаніемъ на галеры, безъ указанія на клейма, хозяевъ не объявляющихъ о пріѣзжихъ и постояльцахъ (П. С. З. № 3203, годъ 1718). Въ 1714 г. ссылкѣ съ жестокимъ наказаніемъ подлежали продавцы русскаго платья и сапогъ. Въ 1720 г. подъ такимъ же наказаніемъ предписывается выдѣлывать юфть съ ворваннымъ саломъ (вѣчная работа). (П. С. З. 3490. г. 1720). Иногда клейменіе назначается для болѣе виновныхъ: въ 1720 г. за рубку заповѣдныхъ лѣсовъ главнымъ виновникамъ назначались кнутъ, запятнаніе и ссылка въ каторгу вѣчновоевода (за потворство) бить кнутомъ и сосланъ на 10 лѣтъ, другіе на 5 (3509. г. 1720 Февр. 9). Въ 1722 г. постановлено ссылать нищихъ, притворяющихся больными и увѣчными (П. С. З. № 4047): „ибо въ таковыхъ много воровъ бываетъ и чуть не всѣ“ и т. п.

священники и дьяконы. Понятно, что правительство должно было выдѣлять изъ среды каторжниковъ несомнѣнныхъ и опасныхъ преступниковъ, отмѣченныхъ клеймами и вырванными ноздрями. Въ 1721 г. въ указѣ о прощеніи и было повелѣно: разобрать колодниковъ каторжныхъ, шляхетство отослать въ сенатъ, служивыхъ сухопутныхъ—въ военную коллегію, морскихъ—въ адмиралтейство, и опредѣлить по прежнему на службу тѣхъ, у кого не вынута ноздрей и не положено знаковъ, остальныхъ же сослать въ Сибирь и опредѣлить ихъ тамъ въ города или дать волю, тоже повторялось въ 1725 и въ 1744 г. ¹⁾; разница въ положеніи двухъ названныхъ разрядовъ каторжниковъ была, очевидно, громадная.

Вырѣзаніе ноздрей сопровождало тягчайшій видъ ссылки на каторжныя работы (въ XVIII столѣтіи это правило не соблюдалось строго: лишь въ 1797 г. состоялся указъ, по которому наказанные съ поставленіемъ знаковъ должны были обязательно ссылаться въ каторгу), поэтому не бесполезно указать на важнѣйшія группы лицъ, подлежащихъ этому наказанію. Оно назначалось: „за нарушеніе законовъ о военной службѣ, (уклоненіе и членовредительство), за важныя имущественныя преступленія, пріемъ бѣглыхъ, составленіе воровскихъ писемъ, государственныя преступленія, преступленія противъ жизни и личности, поддѣлку монетъ и ассигнацій ²⁾. Съ 175^{3/4} года смертная казнь вообще за-

¹⁾ П. С. З. 3842. г. 1721. 4655. г. 1725. 8992 г. 1744.

²⁾ П. С. З. № 2784. г. 1713. 2716. 3136. г. 1717. 3515 г. 1720. Доклады и приговоры. Т. III, II. Годъ 1713 № 767. Въ 1753 г. въ Соловецкій монастырь былъ сосланъ раскольникъ Яковлевъ за вины, извѣстныя Тайной Канцеляріи, послѣ нещаднаго наказанія кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей, скованнымъ въ ручныхъ и ножныхъ кандалахъ (Колчинъ, ссыльные. Р. Стар. 1887, стр. 602). Въ 1727 г. вырѣзаны ноздри солдату Пигасову за убійство (бить кнутомъ и сосланъ въ каторгу вѣчно). (Протоколы, журналы и указы Верховнаго Тайнаго Совѣта. Сборникъ Р. И. Об-ва. 69. стр. 411. годъ 1727. Окт. 2). Въ 1737 г. капитанъ Алексѣевъ былъ приговоренъ къ смерти, Возницынъ къ кнуту, вырѣзанію ноздрей и работѣ въ Оренбургѣ, но обоимъ наказаніе смягчено: лишены чиновъ, биты кнутомъ и сосланы въ Сибирь. (П. С. З. 7865. 1737 г. Сент. 7. Именной). Въ 1759 г. вырѣзаны ноздри у кр-на Степанова зарастлѣніе малолѣтней дѣвки. (П. С. З. 11539. 1762 г. Мая 18 Сенатскій). Въ 1762 г. за ложный доносъ и напрасное утружденіе Ея Величества вырѣзаны ноздри и бить кну-

мѣнялась ссылкой въ каторгу съ вырѣзаніемъ ноздрей и клейменіемъ. На тѣхъ же основаніяхъ назначалось вырѣзаніе ноздрей и въ XIX вѣкѣ до его отмѣны.

Выполнялось вырѣзаніе ноздрей палачами послѣ тѣлеснаго наказанія особыми щипцами, которыми вырывалось мясо до костей; щипцы эти, по описанію очевидцевъ, напоминали употреблявшіеся парикмахерами для завивки волосъ: одна половина ихъ, представлявшая собою желѣзный стержень, вкладывалась въ ноздрю, другая—острая и вогнутая приходилась съ наружной стороны носа, щипцами этими дѣйствовали какъ ножницами ¹⁾.

3. Клейменіе не представляло собою членовредительнаго наказанія въ собственномъ смыслѣ слова, оно было обезображеніемъ, а не поврежденіемъ, и при употребленіи въ качествѣ наказанія имѣло главной цѣлью не причиненіе

томъ казакъ Тереховъ. Въ Тайной Канцеляріи въ 50-хъ годахъ былъ приговоренъ къ вырѣзанію ноздрей, кнуту и вѣчной работѣ матросъ, сказавшій во время слѣдствія по произнесенію имъ ложнаго слова и дѣла, браннаго слова на государыню. (Тайная Канцелярія въ царствованіе Елизаветы Петровны 1741—61 гг. Рус. Стар., 12. (1875, стр. 256). Въ 1755 г. извѣстному вору Ванькѣ Кайну и его товарищу было назначено вмѣсто смертной казни—битье кнутомъ, вырѣзаніе ноздрей и вѣчная работа. (Есиповъ Ванька Кайнъ. XVIII вѣкъ. Сборникъ Бартенева. Кн. 3 М. 1869, стр. 335). Въ 1771 г. главнымъ виновникамъ возмущенія крестьянъ, приписанныхъ къ Олонецкимъ заводамъ, были вырѣзаны ноздри, и они сосланы. (Семевскій, В. Волненія крестьянъ, приписанныхъ къ Олонецкимъ заводамъ, Р. Стар. 1877) т. 2. стр. 257). Въ томъ же году, по дѣлу о чумномъ бунтѣ 62 человекъ было наказано кнутомъ съ вырѣзаніемъ ноздрей и сослано. (П. С. З. 13.695 г. 1771). Въ 1773 и слѣдующихъ годахъ вырѣзали ноздри, заклеивали, били кнутомъ и сослали участниковъ въ Пугачевскомъ мятежѣ, другимъ же участникамъ (38 человекъ) при томъ же наказаніи клеймъ не было поставлено. (Подлинныя бумаги до Пугачевского бунта относящіяся. Чтенія. 1860. 2. стр. 35). Тоже было въ 1775 г. для менѣе важныхъ сообщниковъ самозванца, о казни которыхъ сообщалось письмомъ изъ С.-Петербурга въ Утрехтской газетѣ, что послѣ самозванца и его 4 товарищей, другихъ наказывали кнутомъ, вырывали ноздри, нѣкоторыхъ клеймили. Казнь продолжалась до вечера. Въ 1794 г. биты кнутомъ съ заклеиваніемъ и вырѣзаніемъ ноздрей и сосланы 2 преступника, виновные въ поддѣлкѣ ассигнацій. (П. С. З. 17262. г. 1794). При Павлѣ 1796 г. такъ же были наказаны виновные въ кражѣ денегъ изъ заемнаго банка. (П. С. З. 17.612 г. 1796).

¹⁾ П. С. З. 3149. г. 1718. Генв. 31. Именной. Проектъ 1754 г. гл. 13, 8. Штетлицеръ. Archiv d. Kriminalrechts. стр. 410.

физическаго страданія, а опозореніе, поэтому я и отнесъ его къ группѣ осрамительныхъ тѣлесныхъ наказаній (см. выше стр. 1), говорю же о немъ въ настоящей главѣ потому, что разсмотрѣть условія, въ которыхъ примѣнялось клейменіе всего удобнѣе вмѣстѣ съ рваніемъ ноздрей, такъ какъ оно постоянно соединялось съ послѣднимъ и служило осуществленію однѣхъ и тѣхъ же задачъ.

Клейменіе—наложеніе особыхъ знаковъ, отличающихъ преступника, можетъ употребляться съ различными цѣлями: 1) оно можетъ быть позорящимъ наказаніемъ, символическимъ изображеніемъ преступления на тѣлѣ виновнаго, покрывающимъ его вѣчнымъ стыдомъ, показывающимъ всѣмъ произнесенный надъ нимъ приговоръ; въ такомъ случаѣ клеймо ставится на видныхъ, не прикрываемыхъ одеждой частяхъ тѣла, напр. на лицѣ. 2) Оно можетъ назначаться лишь для того, чтобы дать возможность узнать преступника, опредѣлить число и родъ совершенныхъ имъ преступленій, въ такомъ смыслѣ клейменіе—чисто полицейская мѣра, не носящая карательнаго характера, и мѣсто, на которое налагается клеймо для законодателя безразлично, лишь бы существовалъ необходимый знакъ. 3) Наконецъ клейменіе можетъ преслѣдовать обѣ цѣли сразу, назначаясь и какъ усиленіе наказанія и какъ средство отмѣтить преступника.

По русскому праву клейменіе рассматривалось, главнымъ образомъ, какъ полицейская мѣра, а не наказаніе въ собственномъ смыслѣ. Такъ первый памятникъ, говорящій о клейменіи—Двинская грамота 1397 г., до которой о немъ не сохранилось никакихъ извѣстій ¹⁾, предписываетъ пятнать всякаго татя и назначаетъ за третью татьбу смертную казнь, слѣдовательно клеймо имѣло значеніе для опредѣленія числа кражъ. Тотъ же характеръ оно сохраняетъ и впоследствии. Указъ 1691 г. прямо говоритъ, что клейма ставятся для того, чтобы „кто изъ ссылки сбѣжитъ и объявится на Москвѣ, было бы по чему признать“. Въ указѣ

¹⁾ Это обстоятельство навело г. Деша на странную мысль, что пятнаніе по Двинской грамотѣ могло быть нравственнымъ, т. е. состояло въ признаніи татя вѣдомымъ лихимъ. Деша. О наказаніи до царя Алексѣя. М. 1849. стр. 85. Едва-ли нужно опровергать это мнѣніе, въ защиту котораго авторъ и не приводитъ никакихъ доказательствъ. Будановъ, Хрестоматія, I. стр. 126, 129.

1692 г. объясняются и практическія послѣдствія объявки заклеименныхъ: „если воры, сосланные и запятнанные, говорятся въ немъ, сбѣгутъ и пойманы будутъ—ихъ запятнать въ другой разъ... если же они будутъ въ... воровствѣ, казнить смертью не докладывая“; казни же подлежали и пойманные бѣглецы, не совершившіе преступленія, если попадались во второй разъ. Клейма старались всячески охранить отъ исчезновенія: въ 1705 г. ихъ приказывается натирать пороховомъ „многажды на крѣпко, чтобы они (преступники) тѣхъ пятенъ ничѣмъ не вытравливали и не жили и чтобы тѣ пятна на нихъ, ворахъ, были знатны по смерти ихъ“.

Указъ 1746 года точно также объясняетъ наложеніе клеймъ желаніемъ, чтобы преступники „отъ прочихъ добрыхъ людей были отличны, и когда... учинять утечку... таковыхъ къ поимкѣ чрезъ то клейменіе удобный способъ быть можетъ“¹⁾. Приведенные указы говорятъ о полной аналогичности цѣлей, преслѣдуемыхъ вырваніемъ ноздрей и клейменіемъ, которыя и ставились всегда рядомъ, въ виду этого сохраненіе клеймъ послѣ отмѣны рванья ноздрей было въ извѣстной степени нелогичнымъ и могло возбудить недоразумѣнія на практикѣ; дѣйствительно, какъ сообщаетъ Яневичъ-Яневскій, псковской и рязанскій прокуроры, основываясь на общемъ смыслѣ закона 1817 г., признали подлежащимъ отмѣнѣ и клейменіе, это толкованіе вызвало сенатское разъясненіе о буквальномъ примѣненіи комментируемаго указа²⁾. Какъ же объяснить эту непоследовательность законодателя, отмѣнившего одинъ способъ отличія преступниковъ на основаніи улучшившихся средствъ надзора и сохранившаго другой? Причины лежатъ въ томъ, что, клейменіе не казалось столь жестокимъ „усугубленіемъ“ наказанія, какъ вырѣзаніе ноздрей, при существованіи кнута оно не могло вызывать особой оппозиціи. Кромѣ того нельзя не отмѣтить, что если законодатель и смотрѣлъ на клейменіе съ исключительно полицейской точки зрѣнія, то такой взглядъ былъ общимъ правиломъ, отъ котораго, допускались

¹⁾ П. С. З. 1404. г. 1691. 1430. г. 1692. 2026. г. 1705, 2647 г. 1712. 9293 г. 1746.

²⁾ Яневичъ. о. с. III. стр. 92.

отступленія, не мѣнявшія общаго тона указовъ, но тѣмъ не менѣ весьма существенныя, отражавшіяся на практическомъ примѣненіи клейменія. Впервые такое отступленіе было сдѣлано въ царствованіе Екатерины II подъ вліяніемъ личныхъ воззрѣній Императрицы: считая, что наказаніе должно быть прежде всего устыдительною, позорящимъ, она воспользовалась клейменіемъ, какъ одной изъ каръ, могущей служить намѣченнымъ ею цѣлямъ. Клеймо стало не только указаніемъ на важность совершеннаго преступленія, какъ было до того времени, но и на свойство преступленія; поэтому исчезло однообразіе клейма, бывшее раньше неизмѣннымъ правиломъ, — форма его стала сообразоваться съ характеромъ дѣянія. Въ 1762 г. за покушеніе на поддѣлку фальшивыхъ ассигнацій Сергѣй Пушкинъ былъ лишенъ чиновъ, дворянства, заклеименъ буквою „В“ въ лобъ и заключенъ вѣчно въ крѣпость; въ 1780 г. въ приговорѣ о нѣкоемъ Григорьевѣ постановлено: „лишить чиновъ и дворянства и поставить на лбу знакъ буквы первой слова „убійца“ и сослать“. Клейменіе буквою „У“ убійць въ 1768—1774 гг. примѣнялось довольно часто для дворянъ и совершалось подъ висѣлицей (отставнаго капитана Отяева за убійство жены, поручика Лескова за убійство бѣглаго челоуѣка, жену прапорщика Авдулова за убійство мужа). Измѣнялись по усмотрѣнію и части тѣла, на которыя накладывались клейма: въ 1782 г. за подлогъ (переправку апелляціоннаго срока на судебномъ рѣшеніи) регистратора Шацкаго велѣно было: „лишить чиновъ и заклеимить подъ висѣлицей на правой рукѣ первую буквою слова „лжець“ и сослать въ каторгу вѣчно“. Въ 1794 г. за поддѣлку ассигнацій офицеровъ Фейнберга и барона Гумпрехта лишить чиновъ и дворянства, потомъ публично въ С.-Петербургѣ заклеимить подъ висѣлицей обѣ руки первыми буквами слова „воръ и сочинитель фальшивыхъ ассигнацій“ и сослать въ вѣчную работу въ Нерчинскъ вмѣсто смертной казни¹⁾). Значеніе клейменія, какъ позорящаго наказанія, настолько за-

¹⁾ П. С. З. 15,032 г. 1780. 15,336 г. 1782. 17,262 г. 1794. Соловьевъ. Т. XXIX стр. 134—136. Бумаги Екатерины II. Сборн. Р. И. Об-ва т. 13. Сиб. 1874. стр. 229.

слоняетъ въ этихъ приговорахъ его значеніе какъ тѣлеснаго наказанія, что оно примѣняется къ дворянамъ, даже послѣ жалованной грамоты. Весьма вѣроятно, что и въ царствованіе Александра I оно разсматривалось не только какъ мѣра охраны, но и какъ позорящій придатокъ наказанія, который находили нужнымъ оставить для большей примѣрности послѣдняго. Въ Уложеніи 1845 г. законодателемъ признаны обѣ цѣли и карательная и полицейская: для важныхъ преступниковъ клейма, служа средствомъ отмѣтить наказаннаго, усиливали тяжесть наказанія, налагаясь на лицо публично палачемъ; для бродягъ же и бѣглыхъ ссыльныхъ наложеніе клеймъ было просто средствомъ опредѣлить число побѣговъ и предшествовавшихъ наказаній,— оно „не имѣло, какъ говорилось въ указѣ 1846 г., вовсе цѣлью усугубленія наказанія, а было полицейской мѣрой для предупрежденія побѣговъ“, поэтому оно не должно было производиться публично ¹⁾. Съ такимъ двойственнымъ значеніемъ клейменіе употреблялось до отмѣны, послѣдовавшей въ 1863 году.

Объемъ примѣненія клеймъ въ XVII вѣкѣ и раньше установить съ нѣкоторою точностью весьма трудно, объ этомъ сохранилось мало указаній, не позволяющихъ дѣлать какихъ либо положительныхъ выводовъ. Въ русской литературѣ существуетъ, правда, противоположное мнѣніе, высказанное г. Яневичемъ-Яневскимъ, который говоритъ, что хотя клейменіе не упоминается до 1637 г. и въ Уложеніи, но тѣмъ не менѣе клейма употреблялись на практикѣ, какъ принадлежность торговой казни, особенно по дѣламъ о воровствѣ и разбоѣ. Трудно согласиться однако съ тѣмъ, что клейменіе являлось въ XVII в. „принадлежностью торговой казни“: послѣдняя имѣла громадное примѣненіе за всевозможныя провинности, клеймить за которыя не было никакой надобности, и памятники не даютъ указаній, позволяющихъ подозрѣвать такую связь, тѣмъ болѣе, что клейменіе не столько карательная, сколько полицейская мѣра, и являлась послѣдствіемъ преступленія, а не наказанія. Что касается разбоя и татбы, то въ памятникахъ (кромѣ Двин-

¹⁾ П. С. З. Т. XX. 20, 203. г. 1846.

ской грамоты) за нихъ всегда назначается отсѣченіе ушей или пальцевъ, клейменіе появляется для этихъ преступленийъ только въ концѣ XVII вѣка; до этого же времени оно примѣнялось на практикѣ, но произвольно и къ разнымъ категоріямъ преступниковъ, такъ напр., по свидѣтельству Котошихина, клеймили участниковъ бунта 1662 г., чтобы они „до вѣку признаты были“ ¹⁾. Въ 1637 г. было предписано клеймить фальшивыхъ монетчиковъ, съ 1691 г. клейменіе сопровождаетъ наказанія, замѣняющія смертную казнь. Болѣе правильно употреблялось клейменіе въ царствованіе Петра В. въ соединеніи съ вырѣзаніемъ ноздрей и самостоятельно: обыкновенно оно сопровождало ссылку въ каторжныя работы съ жестокимъ наказаніемъ. Указы 1703 и 1704 годовъ предписываютъ клеймить воровъ и разбойниковъ, не совершившихъ убійства. Въ 1720 году повелѣно виновныхъ въ порубѣхъ лѣсовъ вмѣсто смертной казни, запятнавъ, сослать вѣчно. Указъ 1746 г. назначалъ клейменіе для воровъ, разбойниковъ и прочихъ уголовныхъ преступниковъ, этотъ порядокъ (клейменіе тяжкихъ преступниковъ) окончательно закрѣпленъ указомъ 1753 г., когда клейменіе стало частью наказанія, замѣнявшаго смертную казнь ²⁾. Въ такомъ же объемѣ—оно сохранялось и въ проектѣ 1813 года. По Своду (1833 и 1842) и Уложенію (1845) клейменію подлежали преступники мужескаго пола, осужденные въ каторжныя работы, неизъятые отъ тѣлесныхъ наказаній (Сводъ, 1833, т. XV, 1201).

Формы клейма (штампы, съ пластинками, на которыхъ были изображены буквы или фигуры, напр. орелъ) въ теченіе 2 столѣтій существованія „знаковъ“ претерпѣвали значительныя измѣненія. Первая извѣстная форма опредѣляется указомъ 1637 г.: „напятнати на щебахъ разжегши, а въ пятнѣхъ написати воръ“. Участниковъ бунта 1662 г. клеймили буквой „Б“ (бунтовщикъ); въ 1691 г. велѣно выковать желѣзное азбучное слово „В“ (воръ, начальная буква), ссыльныхъ въ концѣ столѣтія (1698)

¹⁾ *Ялевичъ-Ялевскій*, о. с. стр. 84—103. *Котошихинъ*. о. с. стр. 82. *Бергъ*. Царь Алексѣй Михайловичъ. стр. 153.

²⁾ П. С. Зак. 3509 г. 1720, 10086 г. 1753.

приказано клеймить сибирскими городскими клеймами. При Петрѣ входитъ въ употребленіе новое клеймо съ изображеніемъ орла, удержавшееся, впрочемъ, очень недолго, по свидѣтельству Корба такъ клеймили мятежныхъ стрѣльцовъ въ 1699 г. ¹⁾ Въ первые годы XVIII ст. даже вмѣсто „пятна“ употреблялся особый терминъ „заорленіе“. Въ 1702 г. попа Никитина за наученіе сына духовнаго ко лжесвидѣтельству... велѣно „бить кнутомъ нещадно и, заоря въ щеку сослать въ Азовъ“, но уже указъ 1704 г. говоритъ о пятнаніи новымъ клеймомъ, а въ 1705 г. объясняется, что новое клеймо сдѣлано 2 видовъ: одно для тяжкихъ преступниковъ, ссылаемыхъ въ вѣчную каторгу (его форма не опредѣляется) и другое (буква „В“, какъ и прежде)—для менѣе важныхъ преступниковъ, ссылаемыхъ на урочные годы ²⁾; такъ какъ съ этого времени о клеймѣ съ изображеніемъ орла болѣе не говорится, то можно предположить, что оно и было замѣнено новыми клеймами. Въ 1746 г. снова вводится клеймо со словомъ „воръ“ изъ 4 отдѣльныхъ буквъ (В.О.Р.Ъ), съ 1753 г. остаются 3 буквы (В.О.Р.), сохранившіяся вплоть до Улож. 1845 г. ³⁾, когда для каторжниковъ были назначены новыя клейма: 3 буквы „К.А.Т.“ (каторжный); для бѣглыхъ и бродягъ были установлены клейма съ особыми соотвѣтствующими буквами „Б“ (бродяга), „С. К.“ (ссылно-каторжный), „С. П.“ (ссылно поселенецъ).

Налагались клейма (за исключеніемъ случаевъ, когда они примѣнялись безъ всякаго карательнаго характера), публично палачемъ на лицо (кромя городскихъ сибирскихъ клеймъ, ставившихся на спину). По выраженію указа 1637 г. клеймо разжигалось, и затѣмъ палачъ ударялъ имъ по назначенному мѣсту. Указъ 1691 г. предписывалъ ставить въ

¹⁾ Акты археологической экспедиціи. III. № 266. *Будановъ*. о. с. VII. стр. 74—75, *Сергиевскій*, о. с. стр., 146. Акты истор., т. V. № 280. Корбъ, Чтенія, 1866 г., Окт.—Дек. стр. 140.

²⁾ П. С. З. 1893. г. 1702. 1953 г. 1704.

³⁾ Въ проектѣ 1844 г. (ст. 28) предполагалось ставить клейма на плечѣ преступника, буквы Б. К. (безсрочно каторжный), С. К. (срочно каторжный), слѣдовательно онъ избавлялъ осужденныхъ отъ неизгладимаго пятна на лицѣ. Статья была измѣнена при обсужденіи въ государственномъ совѣтѣ.

первый разъ клеймо на лѣвую, во 2-й разъ на правую щеку; употреблявшееся съ 1753 г. клеймо изъ 3 буквъ (каждая на отдѣльныхъ штампахъ) ставилось: „В“ на лбу, „О“—на правой щекѣ, „Р“—на лѣвой. Клейма затирались порохо́мъ немедленно послѣ наложенія. Порядокъ этотъ былъ измѣненъ Уложен. 1845 г., установившимъ 2 способа наложенія клеймъ: 1) для каторжныхъ, подвергавшихся; ему въ „усугубленіе“ наказанія; клейма состояли изъ 3 мѣдныхъ пластинокъ, на каждой стальными иглами была выведена одна изъ буквъ „К. А. Т.“ Пластинка прикрѣплялась къ неподвижной деревянной ручкѣ. При наложеніи клейма, палачъ долженъ былъ взять въ лѣвую руку клеймо сначала съ буквою „К“ и, укрѣпивъ его на лбу осужденнаго, ударить ладонью правой руки по концу рукоятки такъ, чтобы иглы вошли въ тѣло, такимъ же образомъ налагались и 2 остальныхъ буквы. По наложеніи клеймъ, знаки натирались составомъ (изготовленнымъ по указаніямъ медицинскаго департамента), раствореннымъ въ водѣ до нѣкоторой густоты, и черезъ сутки обмывались губкой, намоченной въ теплой водѣ. 2) На бродягъ и бѣглыхъ клейма налагались безовсякой торжественности въ полицейскихъ управленіяхъ около плеча на спинѣ посредствомъ особыхъ инструментовъ (штампа съ пружинами) при нажимѣ которыхъ, иглы, составлявшія буквы сразу входили въ тѣло ¹⁾.

¹⁾ Знаки на бродягъ и бѣглыхъ, согласно наставленію медицинскаго совѣта, накладывались „на правой рукѣ на предплечья (antibrachium) на 2 поперечныхъ пальца ниже локтеваго сгиба, съ наружной стороны на толстой мясистой части, на общемъ началѣ разгибающихъ руку мускуловъ (unitium communi musculorum extensorum)“. Въ слѣдующіе побѣги знаки налагались на правой лопаткѣ „отступая на поперечный палецъ внизъ отъ ощущаемой подъ вѣшними покровами лопатки (spina scapulae), слѣдующіе еще ниже. Наставленіе медицинскаго совѣта о сохраненіи и наложеніи клеймъ. 1846 г. Р. Ст. 1873. стр. 218.

ГЛАВА II.

Болѣзненные тѣлесныя наказанія.

Кнутъ.

Болѣзненные тѣлесныя наказанія были извѣстны русскому праву въ разнообразныхъ формахъ отъ кнута до розогъ, занимали въ немъ господствующее положеніе и налагали рѣзкій отпечатокъ на всю карательную систему, въ которой битье являлось почти неизбѣжнымъ спутникомъ всякаго значительнаго наказанія, не говоря уже о многочисленныхъ случаяхъ, въ которыхъ оно примѣнялось самостоятельно. При этомъ болѣзненные тѣлесныя наказанія не сохраняли постоянно разъ занятаго ими мѣста: одни изъ нихъ исчезали совершенно, у другихъ измѣнялась, суживаясь или расширяясь, область примѣненія. Начиная рѣже употребляться кнутъ, его замѣщали плети и шпицрутены; начинало сокращаться примѣненіе послѣднихъ, — замѣнивъ ихъ приобрѣтали тѣмъ большее значеніе розги. Поэтому и не безынтересно выяснить въ общихъ чертахъ отношеніе другъ къ другу разныхъ видовъ болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаній, прежде чѣмъ заняться разсмотрѣніемъ каждаго изъ нихъ въ отдѣльности. Матеріаломъ для этой раздѣлки могутъ послужить указы сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ нашего столѣтія, вызванные потребностью опредѣлить порядокъ примѣненія болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаній при столкновеніи отмѣняемыхъ и остающихся, въ виду необходимости замѣнить одни другими. Первое мѣсто по тяжести всегда и безспорно принадлежало кнуту, за нимъ шли плети, занявшія впослѣдствіи мѣсто кнута, но не замѣнившія его по силѣ и значенію. Въ указѣ 1846 г. о замѣнѣ тѣлесныхъ наказаній, назначенныхъ по прежде дѣйствующимъ законамъ, согласно новому уложенію, 10 ударовъ кнута считались равными 30 ударамъ плети, 40—50 ударовъ—100 ударамъ плети, т. е. каждый ударъ кнута равнялся 2—3 ударамъ плети, слѣдовательно послѣднее наказаніе считалось въ два раза легче кнута. Въ свою очередь 10 ударовъ плетей должны были замѣняться 40 ударами розогъ,

20 — 30 ударовъ — 80, болѣе 40 плетей-100 розгамъ. Опредѣленіе maximum'a (свыше 40 плетей-100 розгамъ) не имѣетъ особаго значенія при сравненіи тяжести наказанія: оно назначено въ виду того, что Уложеніе 1845 г. считало 100 розогъ высшей мѣрой наказанія; правильнѣе поэтому будетъ при раздѣленіи тяжести тѣлесныхъ наказаній обратить вниманіе на среднія цифры, гдѣ не было формальныхъ препятствій при назначеніи числа ударовъ, тогда выйдетъ, что ударъ плети приблизительно равнялся 3—4 ударамъ розогъ, слѣдовательно наказаніе розгами считали какъ бы въ 3—4 раза легче наказанія плетями ¹⁾. 100 ударовъ плетей сопоставлялись Уставомъ о ссыльныхъ по измѣненной въ 1855 г. редакціи соответствующихъ статей (1797 и слѣд.) съ 2000—3000 шпицрутеновъ, высшая цифра которыхъ, употреблявшаяся тогда (6000 ударовъ для военныхъ и по Уст. о ссыльн.), была такимъ образомъ вдвое строже высшаго наказанія плетями.

Въ окончательномъ выводѣ, слѣдовательно, можно признать, что самымъ тяжкимъ наказаніемъ былъ кнутъ, за нимъ шли плети и шпицрутены, наконецъ розги; въ эпохи разцвѣта тѣлесныхъ наказаній передъ розгами стояли еще батоги и палки.

Кнутъ—самое тяжкое болѣзненное наказаніе, наводившее ужасъ на иностранцевъ, не одно столѣтіе занималъ центральное положеніе въ русской карательной системѣ, такъ что понятіе о немъ даже стало связываться съ представленіемъ о русской юстиціи вообще. Въ настоящее время онъ давно сталъ антикварной рѣдкостью и можетъ служить лишь предметомъ историческаго изученія, бросающаго безпристрастный свѣтъ на минувшія „жестокія“ времена. О немъ можно говорить теперь *sine ira et studio*.

Судя по описанію проф. Сергѣевского, видѣннаго имъ экземпляра, кнутъ состоялъ изъ толстой деревянной рукоятки $5\frac{5}{8}$ вершк. длиною, $\frac{5}{8}$ вершк. въ діаметрѣ, къ ней прикрѣплена плетенная часть кнута, эта плетенная часть представляла собой упругій столбецъ образованный изъ ременнаго плетива, обнимающаго твердый стержень изъ плотно

¹⁾ П. С. З. XXI. 19.640. г. 1846.

сложеннаго куска кожи, по серединѣ столбца стержень прерывался, приблизительно на вершокъ и оставалось одно плетиво, вслѣдствіе чего здѣсь образовывался перегибъ. Въ длину плетенная часть имѣла $14\frac{1}{2}$ вершк., въ толщину у рукоятки $1\frac{7}{8}$ вершк., въ другомъ концѣ 1 вершокъ. Тонкій конецъ заключался желѣзнымъ кольцомъ около вершка въ діаметрѣ, къ кольцу привязывался тонкимъ ремешкомъ хвостъ, состоящій изъ бѣлаго сыромятнаго толстаго ремня, длиною въ 13 вершковъ и шириною $\frac{6}{8}$ вершк., твердый какъ кость и загнутый съ обѣихъ сторонъ въ видѣ желобка. При ударѣ острые края желобка должны были приходиться къ тѣлу наказываемаго. Весь кнутъ съ рукояткой имѣетъ въ длину 2 арш. 2 вершк. ¹⁾). Хотя описываемый экземпляръ и относится къ позднѣйшему времени, нѣтъ основаній думать, чтобы въ устройствѣ кнута происходили существенныя измѣненія: такимъ же приблизительно рисуютъ его и писатели XVII и XVIII вв. Строекъ, Перри, Олеарій, Котошихинъ и Берхгольцъ. Эти описанія смѣшивались иногда съ легендами, выросавшими на почвѣ ужаса, внушавшагося названнымъ орудіемъ Темеиды, такъ датскій посланникъ Юстъ Юль (1709—1710 г.) рассказывалъ, что кнутъ есть „особый бичъ, сдѣланный изъ пергамента и сваренный въ молокоѣ. Онъ до того твердъ и остръ, что имъ можно рубить какъ мечомъ ²⁾“.

Кнутъ употреблялся или какъ самостоятельное наказаніе или какъ часть сложнаго наказанія, въ соединеніи съ тюрьмой или ссылкой, вторая комбинація постепенно вытѣснила самостоятельное употребленіе кнута и стала въ концѣ концовъ исключительной формой его примѣненія.

Самостоятельно кнутъ назначался, напр. въ XVII в. для нѣтчиковъ и дезертировъ, за нарушеніе благочинія въ Кремлѣ (указъ 1684 г.). Въ 1722 г. приказано бить кнутомъ раскольниковъ, бѣжавшихъ въ Сибирь, и возвращать на старыя мѣста. Въ 1773 г. за кражи на сумму свыше 20 руб.

¹⁾ Сертневскій, о. с. стр. 154—155.

²⁾ Сертневскій, о. с. 152—153. Берхгольцъ. Дневникъ, ч. I. стр. 103. Изъ записокъ датскаго посланника Юста Юля (1709—1710). Р. Ар. 1892, вв. 2. стр. 329—330.

негодныхъ къ военной службѣ предписано бить кнутомъ и, взявъ поруки, оставлять на прежнихъ жилищахъ ¹⁾. Съ конца XVIII ст. съ самостоятельнымъ наказаніемъ кнутомъ соединялись невыгодныя послѣдствія: публично наказаннымъ запрещалось оставаться въ столицахъ и губернскихъ городахъ. Въ 1787 г. повелѣно отправлять ихъ въ уѣздные города и писать въ рабочіе люди, въ 1799 г. подтверждено это распоряженіе и объяснено, что люди „сего рода“ навсегда должны оставаться въ семъ званіи (рабочихъ людей) при городахъ, гдѣ они приписаны. Они должны были употребляться на казенныя и партикулярныя работы, чтобы ни въ какомъ случаѣ не оставаться въ праздности. Такой же порядокъ сохранился и впослѣдствіи ²⁾. вмѣстѣ съ другими наказаніями кнутъ былъ обычной карой за важныя преступленія, кромѣ наказываемыхъ смертною казнью и членовредительными наказаніями, иногда, впрочемъ, онъ соединялся и съ послѣдними. Наконецъ, кнутъ съ ссылкой или тюрьмой назначался и изъ милосердія при смягчающихъ обстоятельствахъ вмѣсто смертной казни. Въ XVII в. кнутъ примѣнялся такимъ образомъ за убійство, заслуживавшее снисхожденіе. Уложеніе 1649 г. назначало его за убійство въ пьянствѣ и дракѣ; на практикѣ кнутъ назначался не только въ этихъ, но въ аналогичныхъ случаяхъ. Въ 1649 г. въ грамотѣ Якутскому воеводѣ предписывается бить кнутомъ нещадно неосторожнаго убійцу, съ замѣчаніемъ, что за безхитростное дѣло довелось „чинить наказаніе, а не смертную казнь“. Въ 1663 г. кнутомъ наказанъ вмѣсто смертной казни мужъ, убившій свою жену, которая „воровала блудно“. Въ 1684 г. въ Якутскѣ Олешка Евдокимовъ за то, что „брата своего бороняся зарѣзалъ“ бить кнутомъ и отданъ на поруки (П. С. З. № 1670). Изъ указа 1637 г. видно, что и фальшивыхъ монетчиковъ нѣкоторое время наказывали

¹⁾ П. С. З. 255. 1659 г. 1064 г. 1684. 4109 г. 1722. 13.915. г. 1773.

²⁾ П. С. З. 13.545 г. 1770; 15.602, г. 1782; 16.566 г. 1787; 18.858 г. 1799.

Практика понимала иногда эти постановленія о высылкѣ очень оригинально, напр., 1809 г. въ именномъ указѣ объявлялось, что нѣкоторыя мѣста найди у себя безпаспортныхъ бродягъ высылаютъ ихъ въ столицу, вслѣдствіе чего государь повелѣлъ, чтобы никто впредь не осмѣливался высылать въ столицу за дурное поведеніе. П. С. З. 24.010 г. 1809.

кнутомъ „чая что они отъ такого воровства уймутся“¹⁾. Съ 1753—54 г. кнутъ въ соединеніи съ ссылкой по общему правилу сталъ замѣнять собою смертную казнь, назначавшуюся лишь въ нѣкоторыхъ случаяхъ за государственныя преступленія, и сдѣлался, такимъ образомъ, самымъ тяжкимъ наказаніемъ.

Нельзя опредѣлить хотя бы съ нѣкоторою точностью время, когда сталъ употребляться кнутъ въ Россіи, можно сказать только, что онъ былъ извѣстенъ еще до Татарскаго ига; по крайней мѣрѣ въ весьма древнемъ спискѣ Русской Правды академическомъ при перечисленіи случаевъ оскорбленій дѣйствіемъ говорится, „если кто ударить кнутомъ, палкою“... Кнутъ упоминается и въ Карамзинскомъ спискѣ и въ словѣ Данила Заточника²⁾. Скучныя свидѣтельства о кнутѣ, сохранившіеся до XV вѣка, дозволяютъ лишь заключать о его существованіи уже и въ это время; несомнѣннымъ опирающимся на точныя сообщенія памятниковъ примѣненіе кнута становится съ княженія Іоанна III, съ эпохи судебниковъ. Судебникъ 1497 г. назначаетъ кнутъ за уничтоженіе межи и первую татьбу (кромѣ церковной и головной): „бити кнутемъ да исцево на немъ доправити“; то же подтверждается и вторымъ судебникомъ и губнымъ наказомъ Кириллова монастыря (1549 г.)³⁾. Второй судебникъ прибавляетъ мошенничество, цѣлый рядъ должностныхъ преступленій, понаровку татымъ, разбойникамъ и назначаетъ кнутъ послухамъ, которые будутъ свидѣтельствовать по старому, не видя самаго событія; по дополнительнымъ къ судебнику указамъ кнутомъ наказывалось ябедничество, составъ и крамола боярскихъ дѣтей и злоупотребленіе довѣріемъ на судѣ⁴⁾. Но судебная практика знала и примѣняла кнутъ въ гораздо большемъ объемѣ, чѣмъ назначалъ его законъ,

¹⁾ Акты археол. экспедиціи. III. 266. Дополненіе къ актамъ истор. III. № 52 г. 1649.

²⁾ *Будановъ*, о. с. стр. 82, 126, 127. *Карамзинъ*, т. V, гл. IV, стр. 217. *Богдановскій*, о. с. стр. 62. Р. Бесѣда, т. II, стр. 113.

³⁾ Судебники Іоанна III и IV М. 1878. ст. 5 и 55. Акты истор. I. № 105; Акты собран. археогр. экспедиц. т. I, № 224.

⁴⁾ Судебникъ ст. 58, 6, 33, 34, 38, 9, 11, 32, 53, 54, 87, 99. *Будановъ*, о. с. III. Указная книга вѣдомства казначеевъ XX. стр. 36—37.

не стѣснявшій судейской дѣятельности того времени: наказаніе кнутомъ было уже настолькоъ обычнымъ въ XV в., что приобрѣло названіе торговой казни отъ мѣста выполненія на торгу, всенародно. Кнутомъ же широко пользовались для наказанія какъ за государственныя преступленія, такъ и за преступленія религіознаго характера: въ 1462 г. биты кнутомъ сторонники удѣльнаго князя Василя Ярославича, въ 1537 г. 30 человекъ виновныхъ въ сговорѣ съ княземъ Андреемъ были сначала биты кнутомъ, потомъ повѣшены; въ 1490 г. всѣ нераскаявшіеся еретики (жидовствующіе), 60 человекъ, были биты кнутомъ на торгу и отосланы на поученіе къ духовной власти ¹⁾.

Примѣненіе кнута въ XVII в. охватывало весьма обширныя группы преступныхъ дѣяній и нарушеній запретовъ государственной власти; уже по Улож. 1649 г. оно упоминается по счету проф. Сергѣевского въ 140 статьяхъ, поэтому перечислять всѣ случаи, въ которыхъ могло назначаться битие кнутомъ въ эпоху отъ Улож. до Свода Законовъ было бы слишкомъ утомительной и не представляющей особаго интереса работой, я и останавлиюсь лишь на важнѣйшихъ группахъ дѣяній.

Кнутъ служилъ для наказанія виновныхъ въ государственныхъ преступленіяхъ: такъ были наказаны двое изъ предполагаемыхъ участниковъ въ измѣнѣ Шеина, широко назначался онъ и участникамъ въ бунтахъ въ XVII в. Уложеніе 1649 г. грозитъ имъ за ложное слово и дѣло, сказанныя „пьянымъ обычаемъ“ (II, 12, 13); въ 1718 г. такая же кара назначена нѣкоторымъ замѣшаннымъ въ дѣло саревича Алексѣя; кнутомъ должно было наказываться распространеніе слуховъ о самозванцѣ Метелькѣ, даже произнесеніе его имени (1774 г.), имъ же биты второстепенные участники въ чумномъ и пугачевскомъ бунтахъ. Раскольники и еретики также наказывались кнутомъ: въ 1756 г. биты главные еретики, впавшіе въ квакерскую ересь, и сосланы въ Рогервиѣ, въ вѣчную работу, участвовавшіе въ волшебствахъ (иныхъ замѣнъ смертной казни), совратители,

¹⁾ *Соловьевъ*, т. V, стр. 225 и 263. Т. VI, стр. 14. *Татищевъ*, исторія Рос- сіи. Чтенія, годъ III, стр. 93. *Карамзинъ*, т. VI, стр. 123.

напр. въ 1826 г. два еврея за совращеніе находившихся у нихъ въ услуженіи католиковъ ¹⁾.

Въ преступленіяхъ противъ порядка управленія кнута-томъ пользовались весьма нерѣдко, особенно при усмиреніи крестьянскихъ волненій и нарушеніи обязанности повиновенія помѣщикамъ, какъ объ этомъ свидѣтельствуется рядъ указовъ и дѣлъ относящихся къ царствованіямъ Елизаветы, Екатерины II и вплоть до отмѣны кнута ²⁾. Назначался кнутъ также за служебныя преступленія; важнѣйшее изъ нихъ, лихоимство, каралось кнутомъ по свидѣтельству Маржерета еще въ началѣ XVII стол., и особенно строго преслѣдовалось при Петрѣ В., также наказывалось лихоимство и позднѣе ³⁾. И въ XVII и въ XVIII стол. (особенно въ первой половинѣ) кнутъ постоянно угрожаетъ за уклоненіе отъ воинской службы и др. нарушенія рекрутскихъ уставовъ.

Били кнутомъ и за оскорбленіе чести, по Улож. 1649, патриарха, боярина или вообще при несостоятельности оскорбителя, та же практика осталась и въ XVIII: въ 1726 г. за безчестіе Меншикова бить кнутомъ вмѣсто смертной казни шляхтичъ Лярскій ⁴⁾.

Кнутъ обыкновенно служилъ возмездіемъ за самыя различныя преступленія имущественнаго характера, наиболѣе обращаютъ на себя вниманіе въ этой группѣ: кража, разбой и грабежь, вызывавшіе особенныя заботы законодателя и представлявшіе весьма серьезную опасность. Уложеніе 1649 г., сохраняя старій порядокъ, назначаетъ кнутъ за нѣко-

¹⁾ Акты истор. III, № 251 г. 1634. *Соловьевъ*, т. XVII, стр. 214—215. Бумаги изъ архива французскаго министерства. Де-Лени. Сборникъ Русск. Ист. Об-ва, 34 стр. 395. Доклады II, I, 1712 № 305. Бумаги Екатерины II. Об. Р. И. О—ва II. С. З. 1362, г. 1689. 13.695. г. 1771. 736. г. 1829. 1880. т. 27 стр. 17. Акты собран. археолог. экспедиціей. IV. 284. 1685. Указныя статьи.

²⁾ П. С. З. 9643 г. 1749. 12.633 г. 1766. 12.966 г. 1767. *Барсуковъ*, А. Иосифъ Батуричъ. Древн. и Нов. Россія. 1875 г. I стр. 173. Дѣло о волненіяхъ крестьянъ. Чтенія, 1863 г. Апр.—Іюнь, стр. 37—38. Письма Императрицы Екатерины II. Об. Р. И. о-ва т. I стр. 240. *Семевскій*, В. Волненія крестьянъ Древ. и Нов. Россія, г. 1877 стр. 257.

³⁾ П. С. З. 2871, г. 1714. Ноября 20. 3586, г. 1720 Мая 21. 6972 г. 1736,

⁴⁾ Протоколы Верховнаго Совѣта. Сборн. Р. И. Об-ва. т. 56 стр. 118.

торыя виды татьбы, грозить имъ ворамя и разбойникамъ. Указъ 1721 г. предписывалъ за 2 разбоя безъ смертоубійства и первую и вторую татьбу чинить наказаніе, т. е. бить кнутомъ, и только за 3-й разбой назначалась смертная казнь; кнутомъ замѣняли для разбойниковъ и татей смертную казнь и до этого указа ¹⁾, имъ же наказывалась понаровка и укрывательство разбойниковъ.

Словомъ, кнутъ являлся, особенно въ XVII вѣкѣ, какъ бы карательной панацеей, годной во всевозможныхъ случаяхъ. Еще до Уложенія по дошедшей до насъ Тобольской „росписи кому имянемъ и за какую вину какое наказаніе“ (конца 30-хъ и начало 40-хъ годовъ XVII стол.), видно, что значилъ кнутъ въ тѣ эпохи: изъ длиннаго перечня наказанныхъ кнутомъ за 3 года выясняется на сколько разнообразна была практика при употребленіи кнута: онъ назначается за крупныя и мелкія проступки: за убійство и за непослушаніе отцу или приказчику, за блудъ или противостественныя пороки; мужчины, женщины, служилые люди, крестьяне, церковные люди (пономарь), боярскій сынъ, безразлично караются торговою казнью. Конечно Тобольскій судъ не представлялъ ничего исключительнаго: что было тамъ, было и въ другихъ городахъ и въ Москвѣ ²⁾.

Въ половинѣ XVII вѣка, какъ справедливо замѣчаетъ проф. Сергѣевскій, примѣненіе кнута расширяется до крайнихъ предѣловъ; критерія по важности преступленія для правительства не существуютъ, руководствуются только 2 моментами: послушаніемъ велѣнія и желаніемъ утратить. Въ 1627 г. „безлѣпцы“ и кулачный бой на старомъ Ваганьковѣ запрещались подъ угрозой кнута, также по свидѣтельству Олеарія въ 30-хъ годахъ XVII стол. наказывалось сквернословіе ³⁾. Особенно богата такими указами эпоха Петра В., который, не стѣсняясь, пользовался устрашеніемъ: при немъ били кнутомъ торговцевъ старомоднымъ платьемъ, хозяевъ, держащихъ у себя гулящихъ людей, не соблюдающихъ правилъ городского благоустройства (бросающихъ

¹⁾ П. С. З. 3514, г. 1718. 3847. г. 1721.

²⁾ Роспис. Чтенія, 1883 г. кн. 1 стр. 17, 19 21—24, 26—32, 35, 38.

³⁾ Акты историч. III № 92, Олеарій, о. с. стр. 176.

на улицу сорь и пометь), скрывающихъ, сколько въ ихъ дворахъ заболѣло горячкой; кнутъ и каторга—для торгующихъ мертвечиной или бьющихъ скотъ въ неуказанныхъ мѣстахъ; здоровыхъ нищихъ предписывалось бить кнутомъ и ссылатъ въ каторгу, потому что между ними „много воровъ бываетъ“¹⁾.

Въ послѣдующія царствованія, по мѣрѣ приобрѣтенія все большаго и большаго значенія другими менѣе жестокими видами болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаній, область примѣненія кнута сокращается сначала на практикѣ: многія преступленія, за которыя прежде слѣдовалъ кнутъ, караются плетью, шпирутенами и т. д. Однако до конца (до 1845 г.) кнутъ не утратилъ важнаго мѣста среди наказаній: по проекту 1813 года его предполагалось назначать при всѣхъ преступленіяхъ, влекущихъ за собою вырѣзаніе поздрей, клейменіе и вѣчную ссылку, равно какъ и за преступленія, караемая ссылкой на поселеніе и даже болѣе слабыми наказаніями (III-го рода)²⁾.

По своду обоихъ изданій 1833 и 1842 г. кнутъ упоминается въ 50 статьяхъ въ соединеніи съ каторжными работами для лицъ, неизятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній³⁾, слѣдовательно сравнительно съ Улож. 1649 г. произошло уменьшеніе почти въ 3 раза, вмѣстѣ съ этимъ, съ изданіемъ свода исчезла возможность примѣнять кнутъ помимо

¹⁾ П. С. З. 1887 г. 1701, 2756 г. 1713. 3212 г. 1718. 4047, 4130 г. 1722.

²⁾ Важнѣйшими изъ названныхъ преступленій по проекту 1813 г. были: оскорбленіе Высочайшей чести (§ 140), измѣническія сношенія съ иностранцами (149), богохуленіе по легкомыслію (114), церковный мятежъ (115—117), обольщеніе православныхъ (120), тяжкое тѣлесное поврежденіе (129), и другія въ ст. 157, 336, 340—342, 345, 357, 374, 399. 493, 501, 503, 521, 543, 340, 341, 542, 543, 549.

³⁾ Сюда подходили слѣдующія преступленія: богохуленіе и поношеніе церкви и таинствъ (182, 183), церковный мятежъ (206), святотатство (210), (212), разрытіе могилъ и ограбленіе мертвыхъ (213), и преступленія, указанные въ статьяхъ 217—224, 226, 228, 247—249, 320—327, 332, 341, 344, 345, 389, 390, 441, 442, 537, 557, 558, 637—640, 675—677, 680, 683, 685, 686, 726, 727. Сравн. ст. 195, 196, 202, 224, 230, 231, 235—242, 244—46, 253, 254, 268, 269 343, 274, 275, 361—63, 372—6, 384, 429, 430, 495—498, 614—616, 638, 639, 738—742, 787, 788, 790, 792, 793, 797, 800, 841. 842, 1378—1390. Сводъ изд. 1842 г.

случаевъ, указанныхъ въ законѣ. Въ такомъ объемѣ кнутъ и сохранился до 1845 г.

Примѣненіе кнута ограничивалось и тѣмъ, что онъ не употреблялся повсемѣстно въ Россіи: онъ не назначался въ Остзейскихъ губерніяхъ, какъ это доказывается указомъ 1784 г. Въ этомъ году дѣвка Лено была приговорена къ смертной казни черезъ отсѣченіе головы, генераль-губернаторъ разсмотрѣвъ это рѣшеніе, нашель, что оно не согласо съ указомъ отъ 30 Сентября 1754 г., по его требованію уголовная палата присудила виновную бить кнутомъ „а такъ какъ, говорится дальше, сіе кнутомъ сѣченіе не было въ обычаѣ и людей къ таковымъ экзекуціямъ употребляемыхъ тамъ нѣтъ, а при томъ наказаніе прутьями тяжкихъ преступниковъ подтверждено“, то генераль-губернаторъ спрашивалъ, наказывать ли вообще тяжкихъ преступниковъ кнутомъ или „по введенному тамъ издревле обыкновенію.... вмѣняя на мѣсто казни, розги?“ Сенатъ разрѣшилъ наказывать по введенному тамъ обыкновенію. Въ царствованіе Александра I въ 1803 г. по представленіи главноуправляющаго Грузіей кн. Циціанова кнутъ для этой области былъ замѣненъ шпирцутенами ¹⁾.

Распространенность кнута, такъ сказать, его ежедневное примѣніе по самымъ разнообразнымъ поводамъ создали ему особо привилегированное положеніе; въ указахъ и приговорахъ уже не было надобности употреблять слово „кнутъ“ или даже „торговую казнь“ (терминъ, сохранившійся впрочемъ до отмѣны кнута), въ эпоху Улож. 1649 г. онъ уже назывался однимъ словомъ „наказаніе“, въ противоположность казни (членовредительному наказанію и смертной казни) или чаще „жестокимъ наказаніемъ“, такъ какъ подъ первымъ наименованіемъ могъ пониматься не только кнутъ, но и др. болѣзненные тѣлесныя наказанія, въ петровское время на ряду съ „жестокимъ наказаніемъ“ появляется и жестокое истязаніе; выраженіе „жестокое истязаніе на тѣлѣ“ упоминается, какъ указано ниже до 1808 г., но попадаетъ оно по традиціямъ и позднѣе: въ сенатскомъ приговорѣ 1830 г. опредѣляется „жестокое наказаніе“ крестьянамъ

¹⁾ П. С. З. 11.865 г. 1763. 20.472 г. 1803.

за карантинныя провинности ¹⁾. Съ измѣненіемъ взглядовъ на карательныя мѣры, когда, за непримѣненіемъ смертной казни и членовредительныхъ наказаній, кнутъ сталъ самымъ высшимъ потяжести наказаніемъ, на него перешло и названіе казни: въ сводѣ (1833 г. т. XV. ст. 1200) онъ называется или по старому торговою казнью или просто казнью.

Выяснивъ на сколько важное значеніе имѣлъ кнутъ въ русскомъ правѣ, переходу къ описанію выполненія и послѣдствій этого наказанія и обстановки, при которой оно производилось.

Битье кнутомъ раздѣлялось на простое, съ пощадюю, или нещадное, безъ пощады, безъ всякаго милосердія. Напр. судная грамота 1614 г. предписывала бить кнутомъ ябедниковъ, уставная книга разбойнаго приказа—лучшихъ людей за невѣрное показаніе на повальномъ обыскѣ ²⁾. Нещадное битье назначено въ 1616 г. Бестужеву за пропускъ посадскихъ людей мимо заставъ. Въ 1719 г. бить кнутомъ безъ всякой пощады предписано приказчиковъ за неусмотрѣніе за крестьянами (не удерживали отъ разбоевъ). Въ 1730 г. нещадно бить кнутомъ и ссылатъ приказано членовредителей рекрутъ. „Наижесточайшее истязаніе“ встрѣчается и въ указахъ Екатерининскаго времени и позднѣе ³⁾. Лишь въ 1802 г.—запрещено употреблять выраженія „жестоко“ и „нещадно“ въ приговорахъ военныхъ судовъ, въ 1808 г.—въ гражданскихъ, такъ какъ „Его Величество усмотрѣлъ“, говорилось въ указѣ, „изъ меморіи сената, что нѣкоторыя уголовныя палаты употребляютъ эти выраженія ⁴⁾.“

Битье кнутомъ происходило публично на площади, гдѣ собиралось больше народу у присутственныхъ мѣстъ, на торгахъ. (Улож. 1649. X.) Въ Москвѣ обыкновеннымъ мѣстомъ для экзекуціи была Красная площадь по указу 1685 г.

¹⁾ П. С. З. т. V, г. 1830.

²⁾ *Сергѣевскій*, о. с. стр. 160 и слѣд. Акты, собран. архив. экспедиціей III. № 36. 1614 Грамота Устюжны Желѣзнопоильской. Уставная книга разбойнаго приказа (1617 г.) Акты истор. III. № 167.

³⁾ Дополненія къ актамъ истор. II. № 47. П. С. З. 3477 г. 1719. 5632 г. 1730. 11962 г. 1763.

⁴⁾ П. С. З. 20.115. г. 1802, 23.279. г. 1808.

казни велѣно исполнять передъ Спасскими воротами; въ С.-Петербургѣ онѣ происходили на Троицкой площади, за Кронверкомъ у столба (1724 г.). Иногда для большей примѣрности наказаніе совершалось на мѣстѣ преступленія: такъ наказывались по Улож. виновные въ уничтоженіи межей (Ул. X, 231); вообще о мѣстахъ исполненія наказаній говорится въ нѣсколькихъ статьяхъ Улож. 1649: X, 251, XI, 34, XXI, 55, XXII, 11, XXV, 3, 4, 6. Въ 1763 г. самозванецъ Кремлевъ былъ битъ кнутомъ „во всѣ селахъ, гдѣ чинилъ о себѣ ложныя разглашенія“¹⁾. Для примѣрности очень часто наказаніе исполнялось въ нѣсколькихъ мѣстахъ, такъ напр., какъ сообщаетъ Георгій Конисскій, въ 1762 г. казаки, не пожелавшіе нести пикинерной службы, „вожены были по всѣмъ мѣстечкамъ въ пикинерномъ полку и въ каждомъ биты безъ пощады кнутомъ“; этотъ способъ исполненія не былъ новымъ, такъ какъ уже Бѣлозерская и Соль Галицкая губныя грамоты предписываютъ разбойниковъ „битъ кнутьемъ въ тѣхъ селахъ и деревняхъ, гдѣ они воровали, по всѣмъ торгамъ“. Можно думать, что въ XVIII вѣкѣ это раздѣленіе казни было обычнымъ для тяжкихъ преступниковъ: „убійца, злодѣй, писалъ кн. Щербатовъ... возится по торгамъ, съ перемежкой терпитъ все мученіе „смертной казни“, таковыхъ осужденныхъ... возятъ по разнымъ частямъ города и повсюду имъ сіе мучительное наказаніе возобновляютъ“²⁾. Описываемый порядокъ практиковался до 1822 г., пока, наконецъ, въ этомъ году не предписано было Высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта наказывать кнутомъ преступниковъ въ одномъ многлюднѣйшемъ мѣстѣ, такъ какъ „иногда ихъ перевозили съ мѣста на мѣсто для наказанія безъ исцѣленія ранъ“,³⁾ само собою разумѣется, что тяжесть наказанія при такомъ выполненіи чрезмѣрно усиливалась, независимо отъ тяжести преступленія и судебного приговора, по

¹⁾ *Снегиревъ, И.* О лобномъ мѣстѣ въ Москвѣ. Чтенія, 1861 г. Генварь-Мартъ, стр. 12.

²⁾ Акты, собран. въ библиот. и архивахъ. т. I, № 187, 192, 194. *Конисскій, И.* Исторія Руссовъ. 1846 г. стр. 254. *Щербатовъ, М.* Размышленія о смертной казни. Чтенія. 1860. I. стр. 67—68.

³⁾ П. С. З. 28.827. г. 1822.

совершенно постороннимъ, не касающимся наказуемаго соображеніямъ; отмѣна этой бесполезной жестокости была значительнымъ облегченіемъ.

Частое примѣненіе кнута содѣйствовало выработкѣ особыхъ способовъ битья болѣе или менѣе жестокихъ и позорныхъ. Такихъ способовъ извѣстно три: 1) простое битье кнутомъ, 2) въ проводку и 3) на козлѣ ¹⁾. Въ XVII вѣкѣ въ нѣкоторыхъ случаяхъ 2 способа соединялись вмѣстѣ, такъ напр.: въ 1684 г. за слова о бунтѣ виновные были нещадно биты кнутомъ на козлѣ и въ проводку, точно также, на козлѣ и въ проводку, вмѣсто смертной казни были наказаны 2 стрѣльца въ 1690 г. Въ старину (XVII в.) наказаніе кнутомъ сопровождалось еще особыми позорящими дополненіями, по словамъ Котошихина, напр., мужчинъ и женщинъ, виновныхъ въ блудодѣяніи водили голыхъ и били въ проводку; Олеарій передаетъ, что наказываемымъ за употребленіе табаку, вѣшалась на шею пачка нечестиваго зелья; въ нѣкоторыхъ случаяхъ наказаннымъ за лихоимство вѣшали на шею вещи, полученные ими въ подарокъ ²⁾.

Простое битье состояло по описанію Олеарія въ томъ, что преступника раздѣвали до пояса и клали на спину помощника палача, бравшаго его за руки. Ноги связывались веревкой, конецъ которой держалъ другой помощникъ, чтобы наказываемый не могъ двигаться. Въ трехъ шагахъ стоялъ палачъ и билъ изо всей силы длиннымъ и толстымъ кнутомъ. По свидѣтельству другихъ очевидцевъ (Юсть-Юль, Берхгольцъ) палачи для удара отступали на нѣсколько шаговъ и, припрыгнувъ, ударяли съ разбѣга вдоль спины, между плечъ. Объ этомъ способѣ говорить, какъ о дѣйствующемъ, проектъ Уголовнаго Уложенія 1754 г., предполагающей въ отношеніи къ нему одну поправку: запрещеніе брать (разумѣется, насильно) въ помощники палачу постороннихъ людей, кромѣ пытаныхъ.

Второй способъ (битье въ проводку) заключался въ томъ, что двое вели осужденнаго подъ руки по улицамъ, а палачъ шелъ сзади и билъ. Этотъ способъ дѣлалъ наказаніе очень

¹⁾ *Сергеевскій*, о. с. стр. 155.

²⁾ Сказанія, III. стр. 36.

нагляднымъ и часто примѣнялся на ряду съ первымъ въ XVII в. Встрѣчаются случаи примѣненія его и въ XVIII в., напр., въ 1713 г. велѣно было урядника Ѳедора Гредова „за продажу рекрутамъ хлѣба и калачей изъ барыша бить кнутомъ въ проводку“. Въ 1750 г. виновныхъ въ кражѣ во время пожара въ Нижн.-Новгородѣ сенатъ предписалъ „для скорѣйшаго другихъ страху... вода по всемъ улицамъ, учинить имъ жестокое наказаніе бить кнутомъ нещадно“¹⁾. И первый и второй способы просуществовали до времени Александра I, когда были окончательно замѣнены третьимъ способомъ—битьемъ на козлѣ, кобылѣ или машинѣ, считавшимся, впрочемъ, ординарнымъ способомъ выполнения наказанія еще въ проектѣ 1754; этотъ способъ былъ единственнымъ, уцѣлѣвшимъ до отмены кнута. Въ XVII ст. онъ уже упоминается памятниками такъ же часто, какъ 2 предшествующіе способа, напр. 1650 г. бить кнутомъ товарищъ Томскаго воеводы Бунаковъ на козлѣ передъ стѣзжею избою. Каково было устройство кобылы или машины (выраженіе проекта 1754 г.) въ источникахъ не объясняется, но можно предположить, что и оно, какъ кнута, если и подвергалось во время своего существованія какимъ либо измѣненіямъ и усовершенствованіямъ, то не особенно важнымъ и не многимъ отличалось отъ станка, на которомъ производилось наказаніе въ XIX в.²⁾ По описанію Штельцера и Колмакова, относящимся къ первой четверти 19 стол., кобыла представляла изъ себя крестообразный станокъ, приспособленный такимъ образомъ, что преступникъ, обнаженный до пояса, привязывался къ нему руками и ногами и находился въ полустоячемъ положеніи; его ноги прикрѣплялись ремнями, руки привязывались отдѣльно къ каждой сторонѣ креста, къ серединѣ послѣдняго притягивалась ремнями шея, впрочемъ настолько свободно, что не сдавливалась грудь. Благодаря этимъ приспособленіямъ преступникъ оставался

¹⁾ *Олеарій*. Путешествіе. стр. 302. *Берхгольцъ*, Дневникъ. ч. I, стр. 103. Доклады, III, II, 1177. II. С. 3. 9707. г. 1750.

²⁾ Проектъ 1754. гл. 13, п. 10 и 13. Дополненіе къ актамъ и историч. № 68. г. 1650. Отписка Томскаго воеводы. XI, № 71 г. 1684. XII № 59 г. 1690. *Колмаковъ*. Очерки и воспоминанія Р. Ст. 1891. т. 70. стр. 33. Steltzer, о. с. стр. 404—410.

совершенно неподвижнымъ пока производилось наказаніе. Очевидецъ наказанія кнудомъ военныхъ поселенъ послѣ бунта 1831 г., Л. А. Сѣряковъ, описываетъ кобылу, какъ доску въ человѣческой ростъ съ вырѣзомъ для шеи и рукъ, такъ что преступнику приходилось обхватывать ее руками, которыя скручивались ремнемъ; ремнями же притягивались къ доскѣ шея и ноги. Свидѣтельства очевидцевъ вполне сходятся съ официальнымъ описаніемъ станка, относящимся приблизительно къ 1831 г., въ которомъ онъ деликатно называется „кобылкой“. „Кобылка для наказанія, говоритъ названный любопытный документъ, состоитъ изъ щита съ выемками вверху для головы и рукъ, внизу для привязыванія ногъ. Кобылка вращается на двухъ пятникахъ. Длина ея отъ пятниковъ до вырѣза для головы 2 ар. 4 верш. Подъ нею дѣлаются 2 желѣзныя подставки: короткая въ разстояніи отъ пятника 1 ар. 13¹/₂ вершк. назначается поддерживать кобылку во время наказанія такъ, чтобы наклоненіе кобылки относительно помоста составляло уголъ въ 23°; а длинная въ разстояніи 1 ар. 12 вершк. отъ пятника назначена поддерживать кобылку при наложеніи клейма, такъ чтобы уголъ равнялся 45°. Обѣ подставки нижними концами упираются въ 2 пары шиповъ, которые сдѣланы на желѣзныхъ полосахъ, укрѣпленныхъ въ углубленіи, куда укладывается кобылка; разстояніе отъ пятниковъ до 1 пары шиповъ, въ которые упирается короткая подставка, 1 ар. 12 верш., а до второй 2 арш. 5 верш. Вся платформа застилается досками“. (Р. Стар. 1890 г. т. 67, стр. 220). Экзекуціи производились на платформѣ, обыкновенно устроенной на нѣкоторомъ возвышеніи (эшафотъ), чтобы народу была видна процедура наказанія, иногда, впрочемъ, отъ этого правила дѣлались отступленія, напр. при наказаніи военно-поселенцевъ въ 1831 г. кобыла была установлена прямо на плацу.

Устрашительныя цѣли, преслѣдуемыя при наказаніи кнудомъ, стремленіе грозной обрядностью усилить впечатлѣніе экзекуціи, вызвали появленіе особаго ритуала при выполненіи этого наказанія. Впослѣдствіи, когда кнутъ въ 1845 г. былъ отмѣненъ, цѣль и задачи наказанія, которымъ онъ служилъ, сохранились. Обрядность считалась по прежнему необходимой для устрашенія возможныхъ будущихъ преступ-

никовъ, поэтому съ кнутомъ не исчезла торжественная обстановка, декорация, при которой происходило битье этимъ инструментомъ: она была перенесена на наказаніе плетьюми, такъ что тѣлесныя наказанія, смягчившись по существу, по мысли законодателя не должны были потерять ни одного аксесуара, могущаго внушить „спасительный страхъ“; слѣдуетъ замѣтить, что въ такомъ же направленіи практика дѣйствовала и раньше, примѣняя въ тѣхъ случаяхъ, когда наказаніе плетьюми замѣняло кнутъ, публичное битье палачами; съ уничтоженіемъ кнута былъ сдѣланъ въ этомъ отношеніи только послѣдній шагъ, закрѣпившій прежде существовавшій порядокъ.

Обрядности при выполненіи наказанія кнутомъ и потомъ плетьюми, естественно дѣлились на 2 періода: а) до наказанія (подготовительныя дѣйствія въ тюрьмѣ, перевозка арестанта) и в) выполненіе наказанія (выставка у позорнаго столба и наказаніе). Подготовительныя дѣйствія состояли въ томъ, что преступника, по объявленіи приговора, помѣщали на нѣсколько дней отдѣльно и заковывали, къ нему приходилъ священникъ для собесѣдованія, исповѣди и причащенія; въ ночь предъ исполненіемъ приговора въ тюрьму привозили, такъ называемую, позорную колесницу. Утромъ преступнику надѣвали чистое бѣлье, длинный черный кафтанъ и шапку, на грудь вѣшали черную доску, на которой бѣлыми буквами обозначалось названіе преступленія, совершеннаго осужденнымъ. Затѣмъ его сажали на колесницу спиной къ лошади и привязывали ремнями къ скамейкѣ; колесницу окружала стража, въ такомъ видѣ процессія отправлялась къ эшафоту. Названный порядокъ, можно думать, вполне выработался лишь въ эпоху Уложенія 1845 г. Штельцеръ, видѣвшій церемонію перевозки въ началѣ столѣтія, пишетъ, что преступниковъ везли въ телѣгахъ подъ военнымъ конвоемъ, сзади ѣхалъ палачъ съ помощниками, (позднѣе, когда палачей запрещено было показывать, ихъ привозили на мѣсто казни въ закрытомъ фургонѣ), въ рукахъ у каждаго изъ осужденныхъ была горящая восковая свѣча. Церемоніи соблюдались тамъ, гдѣ это было цѣлесообразно по мѣстнымъ условіямъ: при наказаніи военныхъ поселенъ, какъ передаетъ Л. А. Сѣряковъ, осужденныхъ приводили на

плацъ пѣшкомъ и наказывали по очереди въ присутствіи другихъ подлежащихъ наказанію и мѣстныхъ жителей.

Вторая часть экзекуціи начиналась барабаннымъ боемъ, возвѣщавшимъ объ исполненіи наказанія. Преступнику читали приговоръ, для этого его ставили на лѣстницу эшафота. Если была назначена выставка у позорнаго столба, виновнаго, послѣ чтенія приговора, прикрѣпляли на нѣкоторое время къ столбу, устроенному на эшафотѣ, цѣпями, идущими отъ середины столба, затѣмъ отвязывали, и тогда наступалъ главный моментъ—выполненія тѣлеснаго наказанія. Съ осужденнаго снимали верхнее платье, палачи разрывали на немъ рубашку, обнажали его до пояса и прикрѣпляли къ кобылѣ, потомъ они брали орудія наказанія, лежавшія въ углу эшафота, и, перешагнувъ черезъ нихъ ногою, ждали приказа. Палачи били крестообразно, т. е. такъ, чтобы удары не касались головы и боковъ (послѣднее, по свидѣтельству Штельцера, при наказаніи кнутомъ влекло за собою смерть). Если наказаніе исполнялъ одинъ палачъ, то ударивъ съ одной стороны онъ переходилъ на другую, если ихъ было два, они становились съ обѣихъ сторонъ въ ногахъ преступника и били поочередно ¹⁾. Какъ передаетъ Штельцеръ, палачи работали кнутомъ очень искусно, ударъ падалъ возлѣ удара. Послѣ каждаго удара палачъ сбрасывалъ свободной рукой кровь, приставшую къ краямъ кнута; ударяли кнутомъ такъ, что на спину ложился его хвостъ, который и приходилось мѣнять черезъ нѣсколько ударовъ, когда кожа размягчалась отъ крови (Штельцеръ говоритъ, что хвостъ мѣнялся черезъ каждые 10 ударовъ). По описанію Л. А. Сѣрякова первые удары кнутомъ дѣлались крестъ на крестъ, послѣдующіе вдоль и поперекъ спины. „При первыхъ ударахъ, передаетъ тотъ же очевидецъ, обыкновенно слышенъ былъ у казнимыхъ глухой стонъ, который умолкалъ скоро, затѣмъ ужъ ихъ рубили, какъ мясо. Во время дѣла... палачъ подходилъ къ стоявшему на снѣгу полуштофу, выпивалъ стаканъ водки и опять принимался за работу. Все это дѣлалось очень, очень мед-

¹⁾ *Студенкинъ*. Запечные мастера. Р. Ст., 1873. Т. 8, стр. 202, 214—217.
Есиновъ, Колдовство. Др. и Нов. Россія, 1878. Т. III, стр. 244.

ленно. При казни присутствовалъ священникъ и докторъ. Когда наказанный не издавалъ ни стопа, ни звука, не замѣчалось признаковъ жизни... ему развязывали руки, и докторъ давалъ нюхать спиртъ. Затѣмъ, если преступникъ оказывался живъ, то казнь продолжалась... Послѣ кнута наказаннаго сажали на барабанъ, на спину, которая походила на высоко вздутое рубленное мясо, накидывался какой-то тулупъ“¹⁾. Этотъ „тулупъ“ былъ еще извѣстенъ въ XVII ст.: наказанныхъ уже тогда заворачивали въ свѣже-содранную баранью шкуру; объ употребленіи этой шкуры говоритъ и Штельцеръ, упоминая, что наказанныхъ клали на землю и покрывали шубой. Можно предположить, что „шуба“ надѣвалась въ тѣхъ случаяхъ, когда число ударовъ было весьма значительно: по крайней мѣрѣ по разсказу Штельцера двое, получившіе по 25 ударовъ кнута, сами надѣли на себя рубашки, что какъ бы указываетъ на возможность обходиться въ нѣкоторыхъ случаяхъ безъ овчины. Послѣ наказанія плетью, по описанію г. Студенкина, на отвязаннаго отъ кобылы преступника палачи накидывали рубашку, послѣ чего налагались клейма (при наказаніи кнутомъ точно также немедленно послѣ экзекуціи вынимались ноздри (до 1817 г.) и ставились клейма), и наказанный передавался полицейскимъ, которые, набросивъ на него кафтанъ и шапку, сводили его съ эшафота и помѣщали въ особый фургонъ съ выдвижнымъ матрацомъ; наказанный ложился на него грудью; въ фургонѣ же находился фельдшеръ съ медикаментами. Конечно эти приспособленія относятся къ позднѣйшему времени, до того перевозка преступниковъ совершалась безо всякой заботливости и даже въ ссылку отправляли не дожидаясь исцѣленія ранъ, что было запрещено лишь по Своду Законовъ. А. К. Граббе въ своихъ воспоминаніяхъ разсказываетъ, что наказанныхъ кнутомъ въ 1831—32 г. военныхъ поселянъ отправили въ ссылку уже на третій день²⁾, такъ что почти всѣ они умерли.

¹⁾ Моя трудовая жизнь. Разсказъ гравера Л. А. Стрякова. Р. Ст. 1875 Т. 14, стр. 169—171.

²⁾ Холерный бунтъ въ 1831 г. Изъ воспоминаній А. К. Граббе. Р. Ст. 1876 стр. 533—535.

Полицейскій строй государства, при которомъ личность была лишь объектомъ для тѣхъ или другихъ мѣропріятій, вызвалъ и поддерживалъ неопредѣленность въ наказаніи. Одинъ и тотъ же кнутъ съ тѣми же дополненіями (ссылкой, каторгой, тюрьмой) назначался за массу разнородныхъ преступленій, за которыя на практикѣ, однако, наказаніе могло варьироваться отъ нѣсколькихъ ударовъ до засѣченія на смерть, между тѣмъ нигдѣ въ памятникахъ, щедро назначающихъ тѣлесныя наказанія, кнутъ, плети или батоги, не говорится о числѣ ударовъ, упоминается да и то далеко не всегда о способахъ битья, „на козлѣ“ „въ проводку“, „бить по торгамъ по 3 дня“, назначается битье просто или нещадное, — и ничего больше, тогда какъ число ударовъ, особенно при наказаніи кнутомъ имѣло весьма важное значеніе: отъ него зависѣла тяжесть наказанія, совершенно неумовимая иначе; тѣмъ не менѣе такой порядокъ вещей продолжался до указа 1807 г., которымъ повелѣвалось апрѣдѣлять въ приговорахъ судебныхъ палатъ число ударовъ кнутомъ ¹⁾, и стало возможнымъ контролирующимъ инстанціямъ наблюдать „за соразмѣрностью преступления и наказанія“. Какъ мало охранялись интересы наказываемыхъ видно изъ того, что лишь въ 1835 г. состоялся указъ, предписывающій взыскивать съ судей по 200 руб. за каждый ударъ кнута, данный невинному (П. С. З. 7783, Янв. 21. 1835, Сенатскій).

Предоставленная себѣ судебная практика выработывала извѣстныя нормы, примѣнявшіяся къ тому или другому преступленію, соответствовавшія простому или нещадному битью. Въ какихъ же предѣлахъ назначали судьи число ударовъ кнутомъ? Наименьшій размѣръ (minimum наказанія) не можетъ быть, конечно, меньше одного удара; однимъ ударомъ была наказана въ 1816 г. солдатка Лашкова за утайку 26 коп. церковныхъ денегъ (въ виду того, что было уже 64 года ²⁾), но битье въ такомъ размѣрѣ, терравшее устрашительность назначалось, очевидно, лишь въ исключительныхъ случаяхъ. По проекту 1813 г. mini-

¹⁾ П. С. З. 22544. г. 1807.

²⁾ Чтенія. 1871. 2. Смѣсь стр. 22—25.

шим равнялся 5 ударамъ. Если для minimum'a имѣется граница, ниже которой идти было нельзя, то наоборотъ для maximum'a такихъ предѣловъ не существовало, т. е. они были фактически: наказаніе, конечно, прекращалось со смертью осужденаго, но судьи могли приговаривать къ неопредѣленному числу ударовъ. Трудно съ увѣренностью сказать, на чемъ останавливалась русская юстиція, здѣсь приходится дѣйствовать путемъ наведенія. Кн. Щербатовъ, доказывая положеніе, что кнутъ суровѣе смертной казни, говоритъ, что онъ назначается безъ счету, иногда ударовъ отъ 300 и больше; если принять во вниманіе, что авторъ въ своихъ интересахъ сгущаетъ краски и не преминулъ назвать высшее число ударовъ, какое представлялось вѣроятнымъ, то слѣдуетъ допустить, что въ XVIII в. по крайней мѣрѣ очень рѣдко назначалось болѣе 300 ударовъ. Это предположеніе подтверждается и Лопухинимъ, сообщающимъ, что главнокомандующій въ Москвѣ требовалъ отъ него назначенія для убійць 200—300 ударовъ въ виду того, что это наказаніе замѣняетъ смертную казнь, слѣдовательно требованіе ревнителей строгости не шли далѣе 300 ударовъ. И дѣйствительно, встрѣчается назначеніе этого числа: въ 1731 г. около 300 ударовъ кнутомъ получилъ на 2-й пыткѣ Столѣтовъ (злоумышленіе противъ императрицы). Еще въ 1828 г. въ Сибири двое каторжниковъ, обвиняемыхъ въ убійствѣ, получили по 300 ударовъ. Нѣтъ основаній утверждать, что это число превышалось и раньше: въ XVII в. боярскій приговоръ 1673 г. опредѣляетъ высшее число ударовъ на пыткѣ для сознавшихся воровъ въ 350, ¹⁾ но они давались на 3 пыткахъ съ извѣстнымъ роздыхомъ, этотъ роздыхъ по свидѣтельству Котошихина доходилъ до 20 дней, сразу на одной пыткѣ не давалось болѣе 150 ударовъ. Изъ ряда описанія пытокъ по важнымъ дѣламъ, напр. по стрѣлецкимъ бунтамъ видно, что число ударовъ было меньше указанной нормы: оно ограничивалось десятками ударовъ; женщинамъ давалось иногда всего по нѣсколько ударовъ кнута. Корбъ (въ концѣ XVII в.) передаетъ, что при немъ одинъ преступникъ былъ наказанъ

¹⁾ П. С. Зак. 561. 1673 г.

болѣе, чѣмъ сотней ударовъ. По свидѣтельству Олеарія на его глазахъ одна женщина была наказана 16 ударами, мужчина 25. Котошихинъ утверждаетъ, что обычное наказаніе въ XVII в. не превышало 30—40 ударовъ (Сергѣевскій, о. с. 159). Такимъ образомъ мы можемъ съ значительной вѣроятностью принять за высшій предѣлъ наказанія 300 ударовъ кнута.

Но до максимум'а наказаніе доходило рѣдко, въ особенно важныхъ случаяхъ, нормальное число ударовъ прежде всего зависѣло отъ формулы, въ которой назначалось битье: отъ того было ли оно простымъ или нещаднымъ; при первомъ число ударовъ едва ли превышало 50 уже въ XVII в., какъ можно заключить по одной грамотѣ патриарха Никона (1664); большее число ударовъ составляло нещадное битье ¹⁾, послѣднее продержалось до 1830 г., когда было запрещено назначать болѣе 50 ударовъ, хотя, собственно говоря, уже съ 1808 г., съ предписаніемъ не употреблять слова „нещадно и жестоко“, битье, превышавшее норму простого, должно было прекратиться. Согласно съ повелѣніемъ 1830 г. и были наказаны кнутомъ 88 человѣкъ по дѣлу о холерномъ бунтѣ 1831 г.: 6 человѣкъ—45 ударами, 38 человѣкъ 30—40 ударами, остальные получили отъ 9 до 25 ударовъ ²⁾. Исключеніе было сдѣлано указомъ 1840 г. о наказаніи ссыльно-каторжныхъ, которымъ за тяжчайшія преступленія, кромѣ другихъ наказаній, кнутъ могъ назначаться до 60 ударовъ, но въ этомъ случаѣ наказаніе служило единственно для устрашенія, въ указѣ поэтому находится грозная прибавка, что отъ тѣлеснаго наказанія не избавляются ни женщины, ни престарѣлые, ни увѣчные ³⁾.

Насколько можно заключить изъ нѣсколькихъ приговоровъ, состоявшихся по разнообразнымъ дѣламъ, простое битье кнутомъ до 50 ударовъ примѣнялось за весьма разнообразныя и довольно важныя преступленія, напр. сенатскому секретарю, виновному въ поддѣлкѣ подписи сенато-

¹⁾ Сергѣевскій, о. с. стр. 162 и слѣд.

²⁾ Слезкинскій, Бунтъ военныхъ поселянъ въ холеру 1831 г. Новгородъ. 1894 г. стр. 209.

³⁾ П. С. З. т. XV. 13.657 г. 1840.

ровъ, назначено 14 ударовъ, ювелиру Рокентину за кражу бриллиантовъ на крупную сумму—25 ударовъ; одному осужденному за ложное слово и дѣло, два побѣга и кражу лошади—50 ударовъ, за кражу казенныхъ денегъ 30 ударовъ. Въ 1755 г. за колдовство дано 30 ударовъ кнутомъ нѣкому Холодову. Въ царствованіе Екатерины II работникъ за кражу 7000 руб. приговоренъ былъ къ 20 ударамъ, два раскольника за богохульство къ 30 ударамъ. Въ началѣ XIX вѣка виновнымъ въ оскорбленіи Величества было назначено одному 20, другому 40 ударовъ, за злостное банкротство—25 ¹⁾.

Нещадное битье свыше 50 ударовъ назначалось за важнѣйшія преступленія (злодѣямъ и убійцамъ, по выраженію кн. Щербатова) и въ случаяхъ, гдѣ выдвигалось на первый планъ устрашеніе: въ 1771 г. главнымъ защитникамъ крестьянскихъ волненій дано было по 100 ударовъ, по свидѣтельству Штельцера при немъ былъ наказанъ убійца-грабитель 120 ударами, соучастники—90; но это число ударовъ считалось весьма тяжелымъ: въ 1797 г. Вятскій губернаторъ нашелъ 70 ударовъ кнута, къ чему былъ приговоренъ виновный въ кражѣ лошади, „отяготительнымъ“ и назначилъ только 25 ударовъ. Извѣстный своими записками, Лопухинъ не допускалъ въ приговорахъ назначенія болѣе 50 ударовъ. Проектъ 1813 г. за высшій предѣлъ считаетъ 100 ударовъ (Jacob. Criminal Codex für das Russische Reich. Halle. 1818. 35. Проектъ, ст. 435). Правда по дѣлу объ убійствѣ Минкиной, экономки Аракчеева, убійцамъ, не достигшимъ еще 21 года, назначено было: брату 175, сестрѣ 125, въ 1828 году по упомянутому уже дѣлу главнымъ виновникамъ было назначено 300, соучастникамъ 150—120 ударовъ, но это были несомнѣнные злоупотребленія, превосходившія обычную норму наказанія ²⁾.

¹⁾ *Берггольцъ*, о. с, ч. III, стр. 29, 31, 104, 23. Тайная Канцелярія при Петрѣ I. Русск. Старина. 1885 г. 48 стр. 231, 232. П. С. З. 16817, г. 1790., 16099. г. 1784. *Лопухинъ*. Воля стариннаго судьи. Чтенія. 1862, 2 стр. 146. П. С. З. 27705 г. 1819. *Steltzer*, о. с. т. VII, стр. 408 и 412,

²⁾ П. С. З. 14.189 г. 1774. 17900, г. 1797. *Философовъ*. Н. О. Минкина Р. Стар. 1884. т. 41. стр. 515.

Наказаніе кнутомъ было чрезвычайно жестокой и опасной для жизни преступника карой, причинявшей страшныя физическія страданія. Котошихинъ говоритъ, что послѣ каждаго удара на спинѣ „такъ слово въ слово будто большой ремень вырѣзанъ ножемъ мало не до кости“. Другіе авторы (Стрюйсъ, Юстъ-Юль, Берхгольцъ) утверждаютъ, что каждымъ ударомъ кнута тѣло наказуемаго пробивалось до костей; послѣ перваго удара, замѣчаетъ Корбъ, выступаетъ кровь и дѣлается рана толщиною въ палець ¹⁾). Понятно, какъ тяжелы были послѣдствія этого наказанія: Олеарій передаетъ, что наказываемая при немъ женщина послѣ 16 ударовъ упала безъ чувствъ, спина ея и наказаннаго вмѣстѣ съ нею мужчины напомнили животныхъ, съ которыхъ содрана кожа. По извѣстіямъ московскаго лѣтописца Бера въ походѣ 1604 г. такъ сѣкли не являвшихся на службу, что на ихъ спинѣ не оставалось и столько цѣлаго мѣста, чтобы уколоть иглой; подобное же свидѣтельство находимъ и въ XIX вѣкѣ: въ 1824 г. д-ръ Трифоновъ, находясь въ путешествіи съ Александромъ I, осматривалъ по его приказанію въ Симбирскѣ наказаннаго кнутомъ: „я подошелъ, пишетъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ, и снялъ повязку со спины преступника,—она была лишена покрововъ и представляла сплошную язву ²⁾.“ Наказаніе кнутомъ оставляло прочныя слѣды на наказанномъ и давало возможность узнать человѣка, побывавшаго въ катскихъ рукахъ: такъ И. С. Руничъ разказываетъ, что при первомъ допросѣ Пугачева „палачъ, помочивъ водою ладонь правой руки, протянулъ оную по голой спинѣ Пугачева, и на ней въ ту же минуту обозначились багровыя полосы отъ прежнихъ ударовъ“ ³⁾).

Но кнутъ вредилъ не только здоровью, какъ уже указано, онъ былъ опасенъ и для жизни, и легко могъ перейти по желанію власть имѣющихъ или даже исполнителей, палачей—въ мучительную квалифицированную казнь

¹⁾ Котошихинъ, о. с. стр. 95. VII. стр. 34 гл. Стрюйсъ, о. с. Русскій Архивъ. 1880 г. кн. I. стр. 59. Корбъ. V. Дневникъ. стр. 276.

²⁾ Сказанія современниковъ о самозванцѣ. Ч. I. стр. 46. Воспоминанія Д. Н. Трифопова Р. Ст. 1872 т. V. стр. 357.

³⁾ Записки И. С. Рунича. Р. Стар. 1870. т. 2. стр. 252.

засѣченіемъ, причемъ это не зависѣло даже отъ числа ударовъ: результатъ могъ быть достигнуть и при небольшемъ ихъ количествѣ. Противъ этого мнѣнія объ опасности смерти при наказаніи кнутомъ изъ современныхъ писателей говорить одинъ лишь нѣмецкій авторъ Штельцеръ (1807), вообще смотрящій на кнутъ чрезвычайно оптимистически, по его мнѣнію кнутъ даже мягче тѣлесныхъ наказаній, употреблявшихся тогда въ Саксоніи; онъ соглашался только признать, что при Алексѣѣ Михайловичѣ и Петрѣ Великомъ наказаніе было ужасно, но утѣшался тѣмъ соображеніемъ, что „какой народъ приходилось укрощать этимъ великимъ людямъ!“¹⁾ Наказанные умираютъ, утверждаетъ онъ дальше, только по исключенію; палача наказываютъ если онъ забиваетъ на смерть; Штельцеръ передаетъ также слова одного доктора, что тотъ видѣлъ въ Сибири преступника, наказаннаго кнутомъ 15 разъ. Не трудно замѣтить логическую слабость этой защиты: если отъ палача зависѣло забить на смерть, то слѣдовательно, въ каждомъ данномъ случаѣ наказаніе могло перейти въ казнь, быть по произволу или страшно тяжелымъ или на оборотъ сравнительно легкимъ; оно не удовлетворяло поэтому условіямъ правильнаго наказанія. Съ другой стороны, какъ явствуетъ изъ длиннаго ряда свидѣтельствъ,—забиваніе на смерть не было уже такимъ рѣдкимъ исключеніемъ, напротивъ являлось серьезной угрозой. Уже подъ 1493 г. читаемъ въ лѣтописи извѣстіе, что одинъ изъ наказанныхъ за ссылку съ литовскимъ княземъ умеръ отъ торговой казни; Горсей передаетъ, что на его глазахъ (царствованіе Іоанна Грознаго) былъ засѣченъ 6 кнутами „изрубившими его спину, животъ и внутренности“ князь Куракинъ за неудачную защиту Вендена. Сохранились указанія отъ XVII вѣка, что Лжедмитрій II на смерть засѣкалъ кнутомъ (1610 г.); кнутомъ же былъ засѣченъ, по сообщенію Олеарія, сынъ Шеина²⁾. Засѣкали не только осужденныхъ по судебнымъ приговорамъ: протопопъ Аввакумъ рассказываетъ

¹⁾ Steltzer, о. с. стр. 414.

²⁾ Олеарій, о. с. стр. 192. Рассказъ или повѣствованіе о путешествіи сэра Горсея. Читенія. 1877. Янв.—Март. стр. 15. Полн. Собр. лѣтоп. IV. стр. 162.

въ своихъ запискахъ, что воевода Пашковъ на смерть билъ кнутомъ подчиненныхъ, ѣвшихъ лошадиное мясо въ постъ. Позднѣе Юсть Юль даже высказываетъ мнѣніе, что рѣдко кто остается въ живыхъ послѣ 50 ударовъ; здѣсь опасность кнута нѣсколько преувеличена, но что дѣйствительно это число ударовъ составляло очень серьезное наказаніе доказывается записками И. В. Лопухина, служившаго въ московской уголовной палатѣ, который считалъ возможнымъ предѣломъ наказанія 50 ударовъ. Правда, что это было исключеніемъ въ то время, нежелательнымъ новшествомъ; практика Лопухина вызвала столкновение его съ главнокомандующимъ въ Москвѣ, который потребовалъ увеличенія числа ударовъ для убійць, и когда Лопухинъ отказалъ, началъ горячиться и утверждать, что нужно назначать 200—300 ударовъ, что жалѣть нечего и что это наказаніе вмѣсто смертной казни, на что Лопухинъ отвѣтилъ увлекшемуся сановнику слѣдующими справедливыми и благородными словами: „отмѣна смертной казни къ величайшей славѣ Россіи, въ первой Россіи утвержденная, почитается мудрымъ закономъ милосердія, а ежели, вмѣсто того, чтобы отрубить голову, замучивать людей до смерти кнутомъ, то это былъ бы законъ тиранскій и всякая такая мѣра.... уже есть большое преступленіе онаго закона милосердія“. Генераль-губернаторъ согласился съ судьей ¹⁾.

Не вездѣ относились такъ внимательно къ положенію осужденныхъ, и случаи засѣченія были и въ XVIII и даже въ XIX стол., объ этомъ хорошо знали современники, и лучшіе изъ нихъ справедливо негодовали на страшное противорѣчіе закона, не примѣняющаго смертную казнь изъ милосердія и человеколюбія и завѣдомо допускающаго наказаніе кнутомъ, которое превышаетъ замѣняемую имъ казнь по тяжести переносимыхъ наказуемымъ мученій. „Убійцы у насъ осуждаются, говоритъ краснорѣчивый историкъ князь М. Щербатовъ, быть биты кнутомъ по разнымъ мѣстамъ града, иногда даже безъ щету, даже до смерти, а иногда со щетомъ ударовъ отъ 300 и больше... Нѣкоторые изъ

¹⁾ Записки московскаго мартиниста сенатора И. В. Лопухина. Р. Арх. 1884, 1, стр. 8 и 11. См. стр. 171.

сихъ въ жесточайшихъ страданіяхъ нежели... самое пытареніе умирають. Другіе же, перенесши всю жестокость сію, безчувственные отвозятся въ тюрьмы и тамъ умирають; а нѣкоторые, есть и такіе, которые не умирають, а выздоравливаютъ.... Законы наши... отвергаютъ смертную казнь... то можно ли судьѣ опредѣлить да еще мучительную казнь? Если скажутъ, что это только жестокое наказаніе, отъ коего, не снеся, нѣкоторые люди умирають, сіе есть смѣшная отговорка... ибо не должно никогда... гдѣ отмѣнена смертная казнь, опредѣлять наказанія... отъ коего... можетъ человѣкъ лишиться живота... а не такого ли рода наказаніе есть 300 — 400 ударовъ кнутомъ? и малое число надлежитъ располагать по сложенію человѣка дабы его не умертвить“¹⁾. Конисскій говоритъ о засѣченіи въ 1762 г. на смерть казаковъ-пикинеровъ, въ позднѣйшее время былъ засѣченъ полковникъ Грузиновъ за непристойныя слова о Павлѣ I. Казнь эта, совершившаяся 5 Сентября 1800 г. въ Новочеркасскѣ, началась при восходѣ солнца и кончилась въ 2 часа пополудни, когда утомился уже третій палачъ. Умирающему Грузинову наложили клейма, приказали снять его съ эшафота и отнести къ пороховому погребу, гдѣ онъ и умеръ. По другому извѣстію, въ виду того, что не нашлось 4-го палача, осужденному дали напиться холодной воды, и онъ тотчасъ умеръ²⁾.

Въ 1817 г. графъ Тормасовъ передалъ членамъ особаго комитета для обсужденія вопроса объ отмѣнѣ торговой казни личное мнѣніе императора Александра I, въ которомъ кнутъ называется „безчеловѣчною жестокостью, каковой нѣтъ примѣровъ ни въ одномъ европейскомъ государствѣ, что жестокость сія будучи, такъ сказать, отдана на произволь палача не токмо не удовлетворяетъ цѣли правосудія... но по большей части находится съ нею въ противоположности, и, наконецъ, что такое ужасное наказаніе, отъ котораго преступникъ не рѣдко въ мучительнѣйшихъ страданіяхъ оканчиваетъ жизнь, явно противорѣчитъ уничтоженію смертной

¹⁾ Щербатовъ, М. Размышленія о смертной казни. Чтенія. 1860. I, стр. 67—68.

²⁾ Казнь братьевъ Грузинныхъ. Р. Стар. 1873. 7. стр. 574—5.

казни". Этими же соображеніями, произволомъ при наказаніи, существованіемъ неотвратимой опасности для жизни наказуемаго, мотивировалась отмѣна кнута и редакторами проекта Уложенія 1845 г., признавшими, что „наказаніе кнутомъ, завися отъ произвола палача, можетъ быть орудіемъ смерти или же, особливо при маломъ числѣ ударовъ, сдѣлаться слишкомъ слабымъ, и что сіе бываетъ довольно часто вслѣдствіе подкуповъ“. По мнѣнію редакторовъ при наказаніи плетью „качество ударовъ замѣнится количествомъ, не представляя уже возможности по произволу дать жизнь преступнику или лишить его оной; почему мы полагаемъ въ проектъ Уложенія принять изъявленное государственнымъ совѣтомъ въ 1824 г. о торговой казни мнѣніе“. Мнѣніе это было принято государственнымъ совѣтомъ, и въ Уложеніи 1845 г. битье кнутомъ навсегда вычеркнуто изъ числа наказаній ¹⁾. Уничтоженіе кнута разсматривалось, какъ большой шагъ впередъ и въ официальныхъ сферахъ: русскій представитель на Брюссельскомъ конгрессѣ криминалистовъ въ 1849 г., г. Цеэ, съ гордостью объявилъ, что Россія не остается назади просвѣщенныхъ народовъ, что кнутъ, бывший такимъ ужаснымъ орудіемъ наказанія, не существуетъ болѣе. Это заявленіе было встрѣчено горячими аплодисментами собранія; впечатлѣніе было нѣсколько ослаблено, правда, ядовитымъ заключеніемъ одного изъ членовъ г. Валовскаго, что кнутъ только замѣненъ плетью, что въ свою очередь вызвало объясненіе со стороны г. Цеэ, что кнутъ нельзя сравнивать съ плетью, что послѣдняя употребляется даже у такого цивилизованнаго народа, какъ англичане; на это предсѣдатель конгресса отвѣтилъ, что собраніе аплодировало отмѣнѣ кнута, и что къ наказанію плетью это одобреніе никоимъ образомъ не относилось... У себя же правительство поспѣшило немедленно распорядиться покончить счеты съ прошлымъ: кнуты приказано было уничтожать по всюду и зарывать въ землю, благодаря чему экземпляры этого орудія наказанія, столь знакомаго русскимъ людямъ въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ, стали положительною рѣдкостью.

¹⁾ *Таланцевъ*. Лекціи по русскому уголовному праву. Спб. 1892. Вып. IV. стр. 1414. Проектъ Уложенія 1845 г. Общая объяснительная записка. стр. LVI.

Значеніе заплочныхъ мастеровъ было особенно велико при наказаніи кнутомъ, отъ нихъ зависѣла жизнь и смерть осужденнаго, поэтому не безынтересно выяснить, откуда набирались палачи, кто шелъ на эту должность, и возможно ли было съ какимъ-нибудь основаніемъ довѣрять имъ выполнение наказанія, требующаго отъ нихъ безпристрастія, неподкупности и независимости отъ постороннихъ внушеній. Въ XVII в. палачи повидимому, ничѣмъ не выдѣлялись изъ среды другихъ мелкихъ служилыхъ людей: они служили и получали жалованье; нѣтъ указаній на какое либо особое отношеніе къ нимъ общества или на стѣсненія, вызываемыя ихъ должностію, она едва-ли считалась позорною: если для казней не хватало исполнителей, ихъ брали изъ стороннихъ людей; во время стрѣлецкихъ бунтовъ участіе въ исполненіи казней принимали офицеры и царскіе приближенные. Положеніе палачей стало тяжелымъ, когда тѣлесныя наказанія сдѣлались въ глазахъ общества позорными: отвращеніе и ужасъ, который питали къ нимъ перешло и на исполнителей. Это отразилось на комплектѣ палачей, который постоянно оказывался недостаточнымъ: въ 1768 г. ярославскій полиціймейстеръ находился въ затруднительномъ положеніи: велѣно было представить палача, „а имѣющійся весьма тяжело боленъ и по старости его совсѣмъ дряхль и глазами худо видитъ и затѣмъ не только свою должностъ исправлять, но изъ квартиры выйти не можетъ ¹⁾“, попытка нанять палача изъ вольныхъ людей не удалась: никто не шелъ, и пришлось потребовать его по наряду отъ магистрата, отчего съ послѣднимъ вышли пререканія. Въ 1818 г. въ Спб—гѣ умерли оба заплочные мастера, и исполненіе приговоровъ на время пріостановилось за отсутствіемъ кандидатовъ. Указомъ 1836 г. предоставлено губернаторамъ опредѣлять въ палачи изъ осужденныхъ въ арестантскія роты или вольнонаемныхъ, въ случаѣ не имѣнія кандидатовъ указанныхъ разрядовъ „помѣщать въ палачи преступниковъ, не взирая на ихъ несогласіе“, — такія сильныя мѣры должны были употребляться, чтобы не прерывать отправленія правосудія посредствомъ кнута и пле-

¹⁾ Рус. Арх. 1868 г. стр. 1067 и слѣд.

тей. — Въ 1775 г. распоряженіе палачами передано въ Спб—гѣ главной полиціи, въ другихъ мѣстахъ—городничимъ ¹⁾. Содержались они при тюрьмахъ, гдѣ имъ полагалось особое помѣщеніе. Съ 1832 г., подъ вліяніемъ вышеописаннаго инцидента съ сыномъ маршала Даву, ихъ стали содержать строго, не допускать сношеній въ посторонними лицами; орудія наказанія сохранялись подъ замками и вынимались только передъ отправленіемъ на экзекуцію; съ 1833 г. вольнонаемнымъ палачамъ предлагалось, кромѣ готоваго содержанія и помѣщенія, 200—300 въ годъ, къ этому нужно еще прибавить значительные негласные доходы отъ подлежащихъ наказанію, но несмотря на это охотниковъ, какъ уже сказано, находилось немного.

Жизнь палачей была незавидна: они оставались въ своей должности до тѣхъ поръ, пока не освобождались отъ нея по старости, болѣзни или ненадобности, тогда ихъ поселяли подъ надзоромъ полиціи „для пропитанія посильнымъ трудомъ или у родственниковъ на содержаніи“; жить они могли не ближе 60 верстнаго разстоянія отъ города. Существованіе невольныхъ поселенцевъ, приписанныхъ къ волостямъ съ вышеуказанными цѣлями, было тяжелымъ: сосѣди гнушались ими, иногда отказывались вступать въ какія либо сношенія, прикосновеніе ихъ считали оскверняющимъ ²⁾. Понятно изъ какихъ элементовъ формировались кадры исполнителей судебныхъ приговоровъ, а между тѣмъ, значеніе ихъ было весьма велико: еще Коллинсъ (XVII в.) рассказываетъ про московскихъ кнуровыхъ мастеровъ, что они чрезвычайно искусны, могутъ съ 6—7 ударовъ убить навываемаго, что иногда ихъ подкупаютъ сообщники преступника... иногда наоборотъ дается приказаніе засѣчь до смерти ³⁾. Тоже самое осталось и послѣ. Любопытный примѣръ искусства и могущества палача при наказаніи даетъ экзекуція пастора Зейдера, приговореннаго къ кнуту,

¹⁾ П. С. З. 14.837. г. 1779.

²⁾ Высоч. утвержд. журналъ государственнаго совѣта 27 Дек. 1833 г. и 1836. *Студенкинъ*, о. с. Р. Ст. 1873. 8. стр. 202, 203, 208 и слѣд. *Максимовъ*, Сибирь и каторга. Спб. 1891. I. стр. 319—320.

³⁾ *Коллинсъ*, о. с. Чтенія, годъ I. стр. 22.

отъ котораго не могли спасти его ходатайства вліятельныхъ лицъ, послѣднія прибѣгли тогда къ другому средству. Пасторъ Зейдеръ оставилъ описаніе своей казни, и мы приведемъ его характерный рассказъ. Осужденного вывели на площадь, въ серединѣ которой возвышался эшафотъ. „Офицеръ, позвавъ къ себѣ палача, сказалъ ему что-то на ухо. „Слушаю“ отвѣтилъ тотъ, и принялся отвязывать орудіе казни... Меня хотѣли раздѣть, я самъ снялъ съ себя одежду... Меня привязали къ машинѣ. Палачъ приблизился ко мнѣ. Я ожидалъ смерти съ первымъ ударомъ... Вдругъ въ воздухѣ что-то просвистѣло: то былъ звукъ кнута; ...не касаясь моего тѣла, удары его слегка задѣвали только поясъ моихъ брюкъ“ ¹⁾... Этотъ примѣръ ярко показываетъ, какъ мало общаго съ справедливостью имѣло важнѣйшее тѣлесное наказаніе.

Искусство палачей приобрѣталось ими путемъ упражненій, производившихся на особой деревянной кобылѣ съ положенной на нее моделью человѣческой спины и плечъ, сдѣланныхъ изъ березовой коры. Образцы инструментовъ для наказанія и клейма въ царствованіе Николая I доставлялись изъ министерства внутреннихъ дѣлъ. Въ 1840 г. были приготовлены названнымъ вѣдомствомъ образцовые кнутъ, плеть, пристяжные ремни для кобылы и клейма и разосланы взаменъ устарѣвшихъ экземпляровъ, подлежащихъ уничтоженію; новые предписывалось изготовить по присланнымъ образцамъ хозяйственнымъ способомъ. Отъ XVIII в. сохранилось извѣстіе, что орудія наказанія присылались иногда изъ центральныхъ учрежденій, напр. въ 1768 г. въ Ярославль было прислано изъ московской розыскной экспедиціи щипцы со штемпелемъ, цѣной въ 1 р. 20 к. и 30 кнута, стоимостью въ 20 к. каждый ²⁾.

¹⁾ Пасторъ Зейдеръ и приговоръ 7 Іюня 1800. Р. Ст. 1878. 21. стр. 149 480.

²⁾ Циркуляръ М. В. Д. начальникамъ губерній 8 окт. 1857. *Студенкинъ*, прил. XVIII. Рус. Арх. 1868. стр. 1067 и слѣд.

ГЛАВА Ш.

Болѣзненные тѣлесныя наказанія.

Батоги и плети.

Вторымъ видомъ болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаній, менѣе строгимъ чѣмъ кнутъ, въ XVII в. было наказаніе батогами—длинными прутьями (палками) толщиною въ палець; при наказаніи ими виновнаго клали на землю лицомъ внизъ, двое исполнителей садились одинъ въ головахъ, охвативъ шею колѣнами, другой—на ноги, и били по спинѣ и заднимъ частямъ, пока распорядившійся наказаніемъ не скажетъ: „полно“ или „стой“¹⁾).

Число ударовъ батогами не опредѣлялось, что, впрочемъ, и не удивительно, если припомнить, что даже точное указаніе числа ударовъ кнутомъ стало обязательнымъ лишь въ XIX ст. Такъ какъ батоги стояли непосредственно за кнутомъ, то иногда ими и замѣняли наказаніе послѣднимъ въ случаяхъ, вызывавшихъ снисходительность судей, хотя, должно оговориться, что наказаніе батогами, особенно его высшая мѣра „вмѣсто кнута“ не было вовсе легкимъ. Стрюйсъ рассказываетъ, что вообще батогами бьютъ до того, что наказанный не въ состояніи подняться, а Корбъ говоритъ и о возможности засѣченія ими до смерти. Битье батогами „въ кнута мѣсто“ совпадало обыкновенно съ понятіемъ нещаднаго битья, и въ такомъ смыслѣ и встрѣчается въ памятникахъ: въ 1633 г. каменщикъ Петрушка былъ битъ батогами „въ кнута мѣсто“ нещадно за постоянныя кражи, въ 1623 г. велѣно нещадно бить чердынцевъ за неплатежъ таможенныхъ пошлинъ, въ 1718 г. вмѣсто кнута бить нещадно батогами Красовскій, такъ какъ „въ поданномъ имъ Его Величеству письмѣ важности никакой не яв-

¹⁾ Сергѣевскій, о. с. стр. 165, *Корбъ*, чтенія, 1867. Июль—Сентябрь. стр. 276.

длалось" ¹⁾. Въ 1732 г. за двойную продажу своего имѣнія битъ вмѣсто кнута батогами помѣщикъ Бобневъ „по-неже онъ старъ, для здоровья Ея величества“. (П. С. З. 6073. 1732. Мая 26, сенатскій). Указъ 1736 г. предписываетъ наказывать батогами добровольно возвратившихся бѣглыхъ, такъ какъ „таковые по натуральному праву меньше наказаны быть могутъ“. (П. С. З. 6951. 1736 г. Мая 6, Именной). Батожемъ безъ пощады наказаны старосты и сотскіе за своевольное сѣченіе крестьянъ, обвиняемыхъ въ волшебствѣ (въ 1770 г). Битье батогами производилось еще съ нѣкоторымъ усиленіемъ или ослабленіемъ боли: снявъ рубашку или въ рубашкѣ. Первый способъ битья указывался въ самомъ приговорѣ: напр., въ 1713 г. били одного крестьянина за побѣгъ „вмѣсто кнута, снявъ рубашку, батоги“ ²⁾. Батоги по большей части не соединялись съ другими наказаніями, но иногда этотъ порядокъ нарушался, такъ напр., въ 1623 г. чердынцы, наказанные батогами, были посажены на недѣлю въ тюрьму, въ 1661 г. нѣкоторые служилые люди за неисполненіе своихъ обязанностей биты батогами и посажены въ тюрьму на 2—3 дня. Въ нѣкоторыхъ случаяхъ батоги соединялись и съ ссылкой: такъ наказаны были въ 1662 г. нѣсколько офицеровъ. Указомъ 1707 г. назначаются за неявку на службу батоги, ссылка въ Азовъ и конфискація ³⁾ (П. С. З. 2157. 1707 г. Сентября 14. Именной). Свѣдѣнія о наказаніи батогами имѣются преимущественно съ XVII в., хотя упоминанія о нихъ встрѣчаются гораздо раньше: самое слово батога встрѣчается уже въ лѣтописи. Въ XVI вѣкѣ ими пользуются, наказывая за мелкія провинности ⁴⁾, но только въ XVII вѣкѣ можно съ полнымъ основаніемъ говорить о батогахъ, какъ объ установившемся, опредѣленномъ видѣ наказанія, съ этого времени они назначаются по судебнымъ приго-

¹⁾ *Стройсь*. Русскій Архивъ, 1880 г. кн. 1. стр. 585. Акты, собр. арх. экспед. III. 40 г. 1614; 132 г. 1623. Тайная Канцелярія. Р. Ст. 1885. т. 47. стр. 196.

²⁾ П. С. З. 13.427 г. 1770. Доклады, III, II. 896.

³⁾ П. С. Законовъ, 297. 1661 г. Марта 31. 2157. г. 1707. О мятежахъ Чтенія, 1890 г. кн. 3 стр. 245.

⁴⁾ *Соловьевъ*, т. III. изд. 4-е. стр. 141. *Богдановскій*, о. с. стр. 66.

ворамъ. Какъ самостоятельное наказаніе батоги назначались по Уложенію 1649 г. за нанесеніе ударовъ въ церкви, за ношеніе оружія на государевомъ дворѣ, за неповиновеніе приставу или недѣльщику, за корчемство. Въ Тобольской росписи о наказаніяхъ битые батогами назначалось за бой и безчестье въ пьяномъ видѣ, за оскорбленіе чиновниковъ, за выпускъ изъ тюрьмы арестантовъ нескованными. Въ XVII вѣкѣ батогами наказывалась описка въ государевомъ имени, сдѣланная безъ умысла; батогами же наказывались иногда и за государственныя преступленія: въ 1649 г. били батогами троихъ посадскихъ изъ псковскихъ бунтовщиковъ, позднѣе въ тайной канцеляріи за непристойныя слова и разсужденія въ пьянствѣ и т. п. обстоятельствахъ ¹⁾. Даже въ 1764 г. батогами битъ одинъ изъ соучастниковъ Мировича, виновный въ „неприличныхъ“ разговорахъ съ послѣднимъ „въ разсужденіи его неумышленности и простоты“; батогами же вмѣсто кнута въ 1819 г. Тверской губернаторъ предполагалъ наказать крестьянина за оскорбленіе Величества, за что, однако, получилъ выговоръ отъ сената. Употреблялись батоги и для наказанія участниковъ въ крестьянскихъ волненіяхъ: за это въ 1818 г. ими биты вятскіе крестьяне ²⁾. Батоги же служили наказаніемъ за проступки, не предусмотрѣнные никакими законами, создаваемые капризнымъ случаемъ и усмотрѣніемъ судей: напр., въ 1667 г. наказанъ батогами гонецъ, потерявшій грамоту, въ 1683 г. рейтаръ за непослушаніе матери и противленіе церковнымъ увѣщаніямъ, за нехождение въ церковь въ воскресеніе и праздники; въ 1712 г. битъ батогами Большевъ, самовольно ушедшій отъ дѣвицы Арсеньевой, не желая давать ей на себя крѣпости, въ 1702 г. — Наумовъ за небритую бороду ³⁾. Батоги употреблялись въ

¹⁾ Уложеніе 1649. I, 6. III, 7, X, 30, 146, 149. Роспись. Чтенія. 1883, Генв.—Мартъ, стр. 3 и слѣд. Акты историч. т. V, 236. 1694 г. Мая 28. П. С. Зак. 351. 1663 г. Сент. 26, *Соловьевъ*, Исторія, Т. X. стр. 187. Слово и дѣло. стр. 95 (12 Апрѣля 1723) стр. 51—53.

²⁾ П. С. З. 27.205. г. 1819. 12.241 г. 1764. 27.220. г. 1818.

³⁾ Дополненія къ актамъ историч. V, 34. г. 1667 г. X, 107 г. 1683. Акты, собр. арх. эксп. III, 313. г. 1642. Доклады, II, 1 ч. 1712. № 911. *Желябужскій*, Записки русскихъ людей. Сиб. 1841. стр. 96—98.

XVIII в. и какъ полицейское взысканіе: въ инструкціи московской оберъ-полиціймейстерской (въ 1722 г.) канцеляріи предписывалось бить батогами за топку печей въ неуказанное время, за неказаніе поддержки караульнымъ, загроможденіе улицъ и т. п. Какъ дисциплинарное наказаніе батоги употреблялись и для наказанія крѣпостныхъ ¹⁾. Со второй половины XVIII стол. они начинаютъ вытѣсняться другими наказаніями. Въ проектѣ 1754 г. они назначаются всего въ 3-хъ случаяхъ: кровосмѣшеніе въ дальнихъ степеняхъ родства, блудодѣяніе, учиненное подлыми людьми, и прелюбодѣяніе; въ томъ же объемѣ удержано оно и въ разсужденіяхъ комиссіи 1766 г. ²⁾, въ проектѣ 1813 г. о нихъ совсѣмъ не говорится, а въ Сводѣ законовъ сохранилось только коротенькое примѣчаніе къ 25 ст., въ которомъ констатируется, что „указъ 1775 г. (14.275) повелѣлъ считать батоги сущей казнью, послѣ о семъ наказаніи въ законахъ не упоминается“. Наказаніе батогами въ эту эпоху, однако, изрѣдка назначается на практикѣ. Но если исчезли батоги, то въ XIX в. замѣнъ ихъ стали употреблять палки, — здѣсь оказалась обычная живучесть тѣлесныхъ наказаній, не уничтожавшихся вполне, а какъ бы переходившихъ въ другую форму, на нѣкоторое время сохранявшую воспоминаніе о прошломъ. Палки, вѣроятно, были извѣстны и въ XVIII в.: о нихъ говорится, какъ о наказаніи для участниковъ Пугачевского бунта, въ 1775 г. въ саратовскомъ лѣтописцѣ ³⁾. Родство палокъ и батоговъ доказывается учрежденіями для Остзейскихъ крестьянъ, изд. 1816 г., по которымъ палки для наказанія предписываются употреблять толщиною въ мизинецъ, а прежніе батоги полагались тоже не толще пальца, хотя и не мизинца, слѣд. могли быть и внушительнѣе. Какъ наказаніе, палки назначались карантиннымъ уставомъ 1818 г. ⁴⁾, въ Сводѣ онѣ же упоминаются при перечисленіи тѣлесныхъ наказаній (ст. 319), но въ другихъ статьяхъ о нихъ не говорится;

¹⁾ П. С. З. 4130 г. 1722 инструкція, 11, 16, 20—20. *Философовъ*, о. с. Р. Ст. 1884 г. 41. стр. 506. Тоже и въ дѣлѣ Салтыковой.

²⁾ Проекты, г. 1754. 48, л. 49². 50, л.

³⁾ Саратовскій край. Историческіе очерки Вып. 1. Саратовъ, 1893 стр. 48.

⁴⁾ П. С. З. 27.490. г. 1818.

Уложение 1845 г. умалчивает о палкахъ въ общей части, но сохраняетъ наказаніе ими въ отдѣльныхъ статьяхъ: астраханскимъ и другимъ казакамъ за продажу казенной соли полагается 20—30 ударовъ палками (ст. 635), донскимъ казакамъ за легкіе виды кражи 25—30 ударовъ (ст. 2159). На практикѣ палками наказывали иногда участниковъ крестьянскихъ волненій, какъ видно изъ дѣла по Шадринскому бунту 1843 г., когда болѣе 1000 крестьянъ было приговорено каждый къ 250 палкамъ. Палки были дисциплинарнымъ и полицейскимъ наказаніемъ по упомянутымъ уже учрежденіямъ Остзейскихъ крестьянъ, которыми помѣщикамъ предоставлялось производить „легкія наказанія дворовымъ и рабочимъ къ удержанію ихъ отъ причиненія... вреда собственно себѣ и помѣщику“ (предѣлъ—15 ударовъ палокъ), кромѣ этой нормы, установленной для достиженія столь патріархальныхъ цѣлей и устройства благоденственнаго житія, освобождаемыхъ отъ крѣпостной зависимости, крестьянъ, волостная полиція могла также назначать до 80 палокъ или 10 вязокъ розогъ по 10 ударовъ каждою по Эстляндскому положенію, и 30 палокъ по Лифляндскому 1819 г. Женщины и дѣти до 15 лѣтъ наказывались розгами. Употреблялись палки и въ арміи. Изъ секретнаго разслѣдованія о беспорядкахъ въ Семеновскомъ полку въ 1820 г. выяснилось, что въ 6 мѣсяцевъ палками было бито 44 человекъ, которымъ дано въ общей сложности 14.250 ударовъ (среднее—324 удара на человекъ) ¹⁾.

Общее съ батогами имѣлъ и еще одинъ способъ битья, не служившій непосредственно для уголовной юстиціи—это *правежъ*, битье батогами, палками по играмъ, назначавшееся для должниковъ, не выполнившихъ обязательствъ. *Правежъ* по характеру выполненія носитъ несомнѣнные слѣды востока, нужно думать, что впервые онъ былъ примѣненъ въ Россіи татарами и потомъ остался, какъ полезное приобрѣтеніе, надолго пережившее татарское иго. *Правежъ* собственно не есть наказаніе, а мѣра взысканія, примѣненіе которой долж-

¹⁾ П. С. З. 21.162 г. 1804. 26.278, г. 1816. Воспоминанія Колмакова. Р. Ст. 1890. т. 70. стр. 33. Событіе въ л.-г. Семеновскомъ полку въ 1820. Р. С. 1883. т. 38. стр. 85.

никъ могъ остановить во всякое время, уплативъ долгъ или иначе примирясь съ кредиторомъ, но все-таки нельзя не признать, что въ него входилъ и карательный элементъ: должникъ наказывался за нарушенное довѣріе, за упрямство; подобное значеніе придается правежу иногда и самимъ закономъ: такъ въ Уложеніи 1649 г. онъ назначается для тѣхъ, кто начнетъ похваляться смертнымъ убійствомъ и нарушитъ данную имъ опасную грамоту, — указанная въ ней сумма должна правиться на виновномъ „безо всякія пощады не для того, чтобы на немъ достальныя деньги взять, а для того, чтобы на то смотря инымъ не повадно было такъ воровать“, здѣсь цѣль наказанія и правежа одна и та же — устрашеніе, преслѣдуемое независимо отъ гражданскихъ интересовъ иска (X, 133). И практика знала употребленіе правежа, какъ замаскированнаго наказанія, иногда чрезвычайно жестокаго, доходившаго до забиванія на смерть, не говоря даже объ эпохѣ Іоанна Грознаго, когда, напр., въ 1570 г. во время Новгородскаго разгрома были забиты на правежѣ на смерть многіе игумены и монахи; подобные случаи встрѣчались и въ царствованіе Бориса Годунова и позже ¹⁾.

Выполненіе правежа заключалось въ слѣдующемъ: должниковъ устанавливали у присутственнаго мѣста (приказа, разрядной избы) каждый день, пока не выплачивался долгъ или не проходилъ срокъ, назначенный для держанія на правежѣ (по указу 1558 г. за 100 р. долгу полагался мѣсяць правежа). У каждого должника, какъ передаетъ Татищевъ, стоялъ приставъ съ кнутомъ и билъ вдоль по голой ногѣ „такъ крѣпко, какъ ему отъ истца или отвѣтчика за трудъ заплачено“. Очевидецъ этого наказанія Москвичъ передаетъ, что должниковъ выстраиваютъ въ рядъ, затѣмъ нѣсколько исполнителей распредѣляютъ ихъ между собою и начинаютъ бить съ перваго, ударяютъ, проходя рядъ, cadaго по 3 раза ²⁾. Наказываемые стояли, отступленіе отъ

¹⁾ Соловьевъ, IV, 232. X, стр. 179. Новый Лѣтописецъ. Временникъ кн. 17. 1853. стр. 92.

²⁾ Судебникъ Гос. и в. к. Іоанна Васильевича съ примѣчаніями Татищева. Изд. 2. М. 1786 г. стр. 169, 170. Сказанія, V стр. 5. Сергеевскій, о. с. стр. 165.

этого правила считалось злоупотребленіемъ. Правежъ продолжался въ теченіе опредѣленнаго времени: по сообщенію Флетчера отъ 8 до 11 час., Маржеретъ передаетъ, что битье на правежѣ продолжалось отъ солнечнаго восхода до 10—11 час. утра, въ 1689 г. стрѣлецкихъ полковниковъ держали на правежѣ часа по 2, но такъ какъ опредѣленныхъ постановленій на этотъ счетъ не было, то, конечно, многое зависѣло отъ усердія или снисходительности лицъ, распоряжавшихся правежомъ, по крайней мѣрѣ въ любопытномъ рецептѣ для излѣченія болячекъ отъ правежа говорится: „И еще кого бьютъ на правежѣ съ утра или весь день“¹⁾... Понятно, что при такихъ условіяхъ правежъ легко дѣлался для однихъ невыносимымъ мученіемъ, для другихъ сноснымъ средствомъ легко расплатиться съ долгами тѣмъ болѣе, что помѣщики могли ставить за себя крестьянъ, и, слѣдовательно, не особенно чувствовали послѣдствія неоплатности.

Въ царствованіе Петра Великаго до указа 1711 года сохранялся прежній порядокъ; усилилась только строгость правежа по казеннымъ недоимкамъ, но правежъ оказывался неудобнымъ средствомъ для преобразователя: ему нужны были деньги а правежъ доставлялъ ихъ очень мало: на правежѣ, по техническому выраженію „отстаивались“, поэтому представлялось необходимымъ найти другіе, болѣе дѣйствительные способы, взысканія, и вотъ уже въ 1711 г. предписывается въ случаѣ, если должники начнутъ отстаиваться на правежѣ, цѣнить ихъ дворы и вотчины, слугъ же и работниковъ ихъ на правежѣ не держать, то же повторяется и въ 1720 г.; но старое не могло исчезнуть такъ скоро, поэтому въ 1722 г. послѣдовало строгое подтвержденіе подъ великимъ денежнымъ штрафомъ за первый разъ и наказаніемъ съ ссылкой—за второй, чтобы должниковъ на правежѣ не держали, а несостоятельныхъ посылали зарабатывать на галеры; исключеній не дѣлалось: на галеры же должны были

¹⁾ Сказанія, III, стр. 38. *Соловьевъ*, XIII, стр. 318. Прохладный вертоградъ или врачеваніе вещи ко здравію человѣчества. Р. Стар. 1875. т. XIII, стр. 146.

отправляться даже несостоятельныя духовныя лица ¹⁾. Со смертью Петра многія его благія начинанія заглохли, начался возвратъ къ прежнимъ московскимъ порядкамъ. Запутанное финансовое и экономическое положеніе вызвало громадное накопленіе недоимокъ и соотвѣтственно—цѣлый рядъ указовъ о неослабномъ взысканіи. Въ 1727 г. учреждена доимочная канцелярія, соединенная съ канцеляріей конфискацій. Въ 1732 г. недоимщиковъ приказывается держать за карауломъ и бить на правезѣ, и самый безошадный правезъ продолжался все царствованіе Анны Иоанновны: „Доимочный приказъ при Биронѣ, говоритъ Болтинъ, дѣйствовалъ съ крайней строгостью, нѣсколько сотъ тысячъ крестьянъ отъ пограничныхъ селеній разбѣжались“. Онъ же описываетъ и самое производство взысканій: „лучшихъ людей держали подъ карауломъ и, каждый день, поставляя всѣхъ рядомъ, розутыми ногами въ снѣгъ, били по щиколкамъ и пятамъ палками... по деревнямъ повсюду былъ слышенъ стукъ ударовъ палочныхъ по ногамъ“. Въ Елизаветинское время, если судить по проекту Уложенія 1754 г., Петровскій порядокъ былъ восстановленъ, ²⁾ и палочное взысканіе отошло въ область исторіи.

Въ XVIII вѣкѣ мѣсто, принадлежащее до того батогамъ, какъ наказанію слѣдующему по тяжести за кнутомъ, заняли плети. Плети—орудіе наказанія, состоящее изъ короткой деревянной рукоятки и плетива въ палецъ толщиною. До 40-хъ г., какъ сообщаетъ Д. А. Ровинскій, ³⁾ они заканчивались 2 хвостами, послѣ стали треххвостыми. Первоначаль-

1) Доклады. Ш, I, № 22, Ш, II, № 923. г. 1713, IV, I № 538, 611, 702 V., 530. Историко-юридич. акты, собран. К. Н. Побѣдоносцевымъ. Чтенія, 1886. кн. 4, стр. 206, 263. Указы, повелѣнія и письма Петра I. Спб. Р. И. О. т. 11. стр. 420. II. С, 3. 3950 г. 1722. 4190 г. 1724.

2) Протоколы Верховнаго Совѣта. 1726 г. 26 сент. II. Р. И. О. т. 56. стр. 131. г. 69. стр. 897. II. С. 3. 5471 г. 1729. 5601 г. 1730; 6237. г. 1732, 6849 г. 1735. Соловьевъ. XX, стр. 185—188. Болтинъ, о. с. Примѣчанія, т. I стр. 327 и 469. Проектъ гл. 37, 24.

3) Плеть состояла, вѣроятно, какъ и въ настоящее время, изъ короткой деревянной рукоятки и плетива въ палецъ толщиною изъ кожаныхъ ремешковъ; до 1839 г. она была двуххвостой, послѣ треххвостой. Ровинскій, о. с. т. IV. стр. 405.

но въ XVII в. плети приобрѣли огромное значеніе среди духовенства: духовные суды назначали ихъ въ своихъ приговорахъ, духовное начальство пользовалось ими, какъ дисциплинарнымъ средствомъ. Распространенность, повседневность употребленія плетей, самаго строгаго наказанія, извѣстнаго церковнымъ властямъ, доказывается тѣмъ, что въ XVII в. они понимались подъ терминомъ „монастырскаго смиренія“: смирать монастырскимъ смиреніемъ, бить плетью нещадно¹⁾; за кормчество, игру въ карты и зернь; въ другой грамотѣ такіе же проступки прямо предписывалось „смирать монастырскимъ смиреніемъ, чтобы впредь отъ такого дурна унялися и тѣхъ плутовъ, которые корчемное питье варили... по тому же смирать... а на десятскихъ доправить пени“¹⁾. Судя по тому, что обѣ приведенныя грамоты изданы на разстояніи трехъ лѣтъ въ одномъ и томъ же монастырѣ и по одному и тому же поводу (преслѣдованіе корчемства), можно заключить, что и наказаніе въ обоихъ случаяхъ было одинаково, т. е. плети, и что употребленіе ихъ было настолько распространено, что для исполнителей не было сомнѣнія въ томъ, что значитъ—монастырское смиреніе. Этотъ выводъ подтверждается и заказной памятью архимандрита Тихвинскаго монастыря (отъ 15 ноября 1663 г.) о прекращеніи корчемства и гульбы: нарушителямъ постановленій „быть отъ насъ въ монастырскомъ смиреніи безъ пощады... и пени на нихъ править большія... быть въ жестокомъ смиреніи и въ пени безо всякія пощады... на десятскихъ и на дворникахъ пени большія и сверхъ того смиреніе безъ пощады“, здѣсь выраженія „жестокое смиреніе“ и „безъ пощады“ слѣдуетъ отнести къ наказанію плетью, какъ самому строгому виду тѣлесныхъ наказаній, употреблявшихся монастырскими властями, на ряду съ которыми ставились денежные взысканія „пени большія“. Въ духовныхъ судахъ плети по тяжести равнялись кнуту, который ими не примѣнялся: за преступленія, караемыя свѣтскими властями кнутомъ, въ томъ объемѣ, въ которомъ ихъ приходилось вѣдать по тѣмъ

¹⁾ Акты юридич. 69. Приговоръ 1666 г. Тихвинскаго Монаст. Собора. Акты собр. арх. эксп. IV, 143, 1663 г. IV, 164.

или другимъ основаніямъ исключительно духовному суду, назначались обыкновенно плети. Въ 1678 г. ¹⁾ приговоромъ Тихвинскаго монастырскаго собора постановлено смирить плетью старца Игнатія „за нанесеніе ранъ пьянскимъ обычаемъ старцу Манасіи“. Въ 1748 въ Бѣлгородской епархіи были жестоко биты плетью два черкашенина за иконоборство и раздробленіе образа и отправлены на 2 года въ монастырь на работы. Такимъ образомъ во время полного господства кнута церковные суды находили возможнымъ ограничиться болѣе мягкими мѣрами, хотя нельзя сказать, чтобы эта мягкость простиралась и на установленіе предѣловъ наказанія плетью. Сообразно съ суровымъ характеромъ эпохи, наказаніе плетью было весьма тяжелымъ, даже и тогда, когда назначалось въ дисциплинарномъ порядкѣ: въ 1666 г. Соловецкіе монахи жаловались на своего архимандрита, что „бьетъ ихъ плетью... въ три, четыре перемѣны... едва и ожили“. Въ 1751 г. Ольшанскій протопопъ (Бѣлгородской епархіи) такъ „неослабно“ приказалъ бить плетью одного священника, что того „отъ... боя подняли... ибо самъ встать не могъ“. Плеті назначались, какъ видно изъ вышеприведенныхъ грамотъ, какъ для духовныхъ, такъ и для свѣтскихъ лицъ подсудныхъ духовному суду; тоже было и въ XVIII вѣкѣ: въ 1755 г. въ Бѣлгородской епархіи наказаны плетью вдова и ея женатый сожитель за прелюбодѣянiе, въ 1752 г. женщина за ложный поклепъ на священника. Назначались онѣ и для монахинь: въ названной уже епархіи въ 1754 г. по указу преосв. Юсафа велѣно наказать плетью 18 монахинь, выбравшихъ себѣ безъ указа игуменью изъ бѣлицъ ²⁾).

Плеть служила взысканіемъ и для свѣтскихъ мелкихъ чиновниковъ въ духовныхъ установленіяхъ за служебныя провинности: отъ 1750 г. сохранилась резолюція С.-Петебургскаго митрополита Платона о чиновникѣ консисторіи: „когда онъ, Харитоновъ, за продерзость и озорничество приметъ

¹⁾ Акты юридич. 70. 1678 г.

²⁾ Сергѣевскій, о. с. стр. 170. Лебедевъ, А. Примѣненіе наказаній въ среднѣ духовенства Бѣлгородской епархіи. Р. Ст. 73. стр. 313—317, 329—335. Акты, собр. арх. эксп. IV, 165 г. 1668. П. С. З. 20.949. г. 1803.

при другихъ канцеляристахъ плетью наказаніе, тогда его принять въ консисторію по прежнему¹⁾.

Число ударовъ плетью опредѣлялось въ общихъ выраженіяхъ: нещадно, жестоко, немилостиво. Оно бывало и весьма значительно, напр. въ 1759 г. священнику за дерзость противъ епископа дано 103 удара плетью²⁾. Плетни исчезаютъ изъ судебной и дисциплинарной практики духовенства лишь съ 70-хъ годовъ XVIII стол., съ тѣхъ поръ какъ они стали тяжкимъ позорящимъ видомъ тѣлесныхъ наказаній, „казнью“ по выраженію указовъ.

Исключительнымъ видомъ болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаній, употреблявшимся среди духовенства и не переходившимъ въ свѣтскіе суды, представляются шелепы... родъ веревочныхъ кнутовъ съ короткими рукоятками³⁾. Они назначались: а) какъ наказаніе по приговорамъ высшаго духовнаго начальства и судовъ, в) какъ дисциплинарное наказаніе. По тяжести шелепы стояли за плетями и соотвѣтствовали приблизительно батогамъ. Въ качествѣ карательной мѣры они назначались какъ духовенству, такъ и мірянамъ. Битье шелепами, какъ и батогами раздѣлялось на простое и нещадное; въ 1695 г. нещадно бита шелепами жена Татьяна, поклепавшая на попа въ блудномъ дѣлѣ; въ 1645 г. поповъ Ѳедотъ битъ нещадно шелепами „при всѣхъ Тобольскаго города поповъхъ и при дьяконахъ“, въ 1756 г. за участіе въ квакерской ереси по указу синода биты шелепами 216 чел. монашествующихъ и разсланы по дальнимъ монастырямъ. По уставной грамотѣ патриарха Адріана

¹⁾ Розановъ, Н. Московскія безобразія прошлаго вѣка. Рус. Арх. 1878 г. I. стр. 28.

²⁾ *Лебедевъ*, о. с. стр. 327.

³⁾ Такъ описываются они въ шуточной челобитной Калазина монастыря, относящейся къ 1676—82 г.: Въ прошломъ году весна была красна, пенька росла толста. Мы богомольцы присовѣтывали.... повить изъ нея веревки долги, чтобы пиво волочить. И онъ архимандритъ догадался, а отъ насъ челобитныя убоился; приказалъ онъ архимандритъ тое пеньку въ веревки свивать, да въ 4 сгибать, да на короткія палки вязать, да вздумалъ ихъ *шелепами* называть, а слугамъ приказалъ высоко подымать, а на насъ богомольцевъ твоихъ тяжело опускать, а самъ стоя училъ канонъ орать. И намъ богомольцамъ твоимъ лежать не поспѣть, потому что за плечами тѣло нужно, а подъ шелепами лежать душно. Рус. Арх. 1873 г. II. стр. 1778.

(1700 г.) шелены назначаются незаконнорождающимъ дѣвкамъ и ихъ сожителямъ.

Какъ дисциплинарное наказаніе шелены назначались, напр., инструкціей славяно-греко-грамматической школы (1738 г.) за третью вину, бить ими приказывалось при собраніи всѣхъ учениковъ ¹⁾.

Плеть имѣла значеніе и въ домашнемъ быту: по домострою Сильвестра плетка—обычное орудіе для домашняго наказанія. Коллинсъ рассказываетъ, что женихъ кладетъ въ свой сапогъ плетку въ день свадьбы, какъ эмблему своей супружеской власти, то же подтверждается и другими авторами. Плетей упоминаются и какъ наказаніе для крѣпостныхъ: отъ 1763—65 г. сохранилось нѣчто въ родѣ дисциплинарнаго устава одного помѣщика, въ немъ за важныя провинности назначается 100 плетей на дровняхъ нещадно. Распространенность плетей въ помѣщичьихъ усадьбахъ подтверждается напр. и дѣломъ Нелединскаго, который велѣлъ высѣчь плетями собственную мать, впрочемъ, простившую его съ тѣмъ „чтобы впредь такого озлобленія не чинить и имѣть передъ нею почтеніе“ ²⁾. Плеть же служила строжайшимъ наказаніемъ въ учебныхъ заведеніяхъ, по крайней мѣрѣ духовныхъ, на нее, вѣроятно, возлагались большія надежды; въ этомъ смыслѣ, напр. Св. Димитрій Ростовскій писалъ воспитанникамъ своей школы: „Дѣти, дѣти, слышу о васъ худо.... поставляю вамъ сенбора А. Юрѣева... чтобъ муштровалъ васъ, якъ цыганскихъ лошадей... кто будетъ противень.... пожалованъ будетъ плетью“. Плеть назначается и инструкціей Нижегородскаго архіерея и славяно-грамматической школы. Ихъ употребляла и полиція для немедленной расправы, по свидѣтельству А. М. Тургенева, петербургскій полиціймейстеръ

¹⁾ Актъ Холмогорской Устюжской епархіи Р. Ист. Библ. 12. ССXLV, 1695 г. Янв. 30 стр. 1114. Бытовые очерки XVII в. Р. ст. 1892, т. 73. стр. 453—454. П. С. З. 10664 г. 1756. Уставная грамота 7206 Юля 1. Временникъ кн. П стр. 29, 35, 36. кн. 17 1853 стр. 24. Дополненіе къ акт. истор. XI, II, 1684, IV.

²⁾ Коллинсъ, Чтенія, Т. I, стр. 3. Сергѣевскій, о. с. стр. 171. Семевскій. В. Крѣпостные крестьяне при Екатеринѣ II. Р. ст. 1876 г. т. 17. стр. 607, П. С. З. 13. 262 г. 1769.

Чичеринъ и московскій—Татищевъ всегда имѣли въ каретахъ плети, называемыя подлиниками, и наказывали ими по усмотрѣнiю, объ этихъ плетяхъ говорили что они только ерошатъ спину, а памяти не оставляютъ. Наказанiе плетью наравнѣ съ наказанiемъ прутьями составляло высшее дисциплинарное взысканiе по Уставу С.-Петербургскаго рабочаго дома ¹⁾.

Въ практикѣ свѣтскихъ судовъ и законодательныхъ актахъ плети появляются въ началѣ XVIII вѣка и постепенно становятся все болѣе и болѣе важнымъ видомъ тѣлеснаго наказанiя до тѣхъ поръ пока по Уложенiю 1845 г. не дѣлаются самымъ тяжкимъ. Въ виду того, что плети начинаютъ примѣняться судами уже тогда, когда кнутъ и батоги занимаютъ вполнѣ опредѣленное мѣсто въ карательной системѣ, и такимъ образомъ являются новымъ наказанiемъ, которое должно еще завоевать свою позицiю, не лишне остановиться на выясненiи того положенiя, какое отводилось плетямъ въ первые годы XVIII в., т. е. въ то время, когда на нихъ было только что обращено серьезное вниманiе. По этому вопросу существуетъ мнѣнiе, высказанное проф. Филипповымъ (на основанiи одного сенатскаго указа, которымъ повелѣвается подъячаго бить плетями вмѣсто кнута за непристойныя слова о царскомъ Величествѣ), что наказанiе плетями считалось тяжелѣе кнута ²⁾; съ этимъ мнѣнiемъ трудно согласиться, иначе слѣдовало бы признать, что и батоги, часто употреблявшiеся вмѣсто кнута, представляютъ болѣе тяжелый видъ тѣлеснаго наказанiя, чѣмъ первый. Очевидно, что замѣна кнута и плетями и батогами составляла смягченiе, а не отягощенiе наказанiя. Въ XVII в. плети составляли монастырское смиренiе, т. е. наказанiе болѣе мягкое чѣмъ уголовное жестокое битье кнутомъ, въ XVIII в. они, дѣйствительно, употребляются „въ кнута мѣсто“ и довольно часто, напр. въ 1700 г. плетями биты Дивовъ и Колычевъ вмѣсто кнута, снявъ рубашку, за

¹⁾ Чтенiя, 1883, 2. смѣсь, стр. 17—18. Временникъ И. М. Об-ва. кн. 17. Москва 1853 стр. 24. Записки А. М. Тургенева Р. Ст. 1886 т. 52 стр. 58. П. С. З. 11,931 г. 1839.

²⁾ Филипповъ, о. с. стр. 335.

то, что Дивовъ далъ Колычеву 20 руб. въ видѣ взятки за отпускъ отъ корабельнаго дѣла; даже форма битья, снявъ рубашку (выраженіе часто встрѣчаемое и въ памятникахъ XVII в. о наказаніяхъ духовныхъ лицъ „бить нагихъ плетми“), указываетъ на сродство этого наказанія съ битьемъ батогами. Въ 1701 г. по одному и тому же дѣлу Соколовъ бить кнутомъ, Селивановъ за меньшую вину— плетми; въ 1723 г. за произнесеніе непристойныхъ словъ противъ царя главнаго виновника били кнутомъ, менѣ виновнаго (въ 17 лѣтнемъ возрастѣ)—плетми нещадно ¹⁾. Слѣдовательно должно признать, что плети считались болѣе мягкимъ наказаніемъ чѣмъ кнутъ.

Судя по тѣмъ преступленіямъ, за которыя назначались плети при Петрѣ В. (лихоимство, нарушеніе служебнаго долга, непристойныя слова противъ царя) весьма вѣроятнымъ является предположеніе, что онѣ и тогда (это стало несомнѣннымъ впослѣдствіи) считались тяжелѣе батоговъ и разсматривались, какъ наказаніе по тяжести стоящее непосредственно за кнутомъ, что и раньше было уже признано практикой духовныхъ судовъ; въ то же время не слѣдуетъ упускать изъ виду двойственное значеніе плетей: какъ наказанія весьма суроваго, и какъ орудія употреблявшагося для дисциплинарныхъ, сравнительно незначительныхъ взысканій; это создало возможность замѣнить плетми не только кнутъ, какъ слишкомъ жестокое и неудобное наказаніе, но и батоги, что и повело впослѣдствіи къ установленію 2 видовъ наказанія плетми: а) черезъ палача (тяжкое уголовное наказаніе) и б) при полиціи (легкое тѣлесное наказаніе), не влекущее ни какихъ отяготительныхъ послѣдствій (полицейское наказаніе). Мысль о замѣщеніи чѣмъ либо кнута, такъ щедро расточаемаго Уложеніемъ 1649 г. и позднѣйшими указами, должна была возникнуть съ момента, когда кнутъ сталъ считаться исторгающимъ наказаннаго изъ общества, прежде всего на утилитарной почвѣ: прекращеніе возможности отдавать наказанныхъ кнутомъ въ военную службу, вызвало цѣлый рядъ указовъ, повелѣвающихъ годныхъ въ

¹⁾ Желябужскій, о. с. стр. 70, 78. Есиповъ, Государево слово и дѣло. Древн. и Новая Россія, 1880 г. стр. 775, 776.

военную службу бить плетью вмѣсто кнута и отдавать въ солдаты, негодныхъ бить кнутомъ и ссылатъ ¹⁾). Съ другой стороны необходимость замѣны стала чувствоваться и съ того времени, когда кнутъ при измѣнившихся правахъ и условіяхъ жизни, оказался слишкомъ строгой карой во многихъ случаяхъ, въ которыхъ онъ безразлично употреблялся прежде; батоги казались слишкомъ слабой замѣной, плети болѣе подходили къ кнуту, къ нимъ и обратились. Уже въ 1700 г. встрѣчаются приговоры о битьѣ плетью вмѣсто кнута, число ихъ значительно возрастаетъ впоследствии; во время Пугачевского бунта (1773—75) въ приговорахъ встрѣчается предписаніе „бить нещадно плетью вмѣсто кнута“. Но въ приговорахъ не всегда упоминается, что плети назначаются взамѣнъ кнута, а къ нимъ просто приговариваютъ судомъ виновныхъ въ преступленіяхъ, за которыя наказывали кнутомъ. Такъ какъ плети замѣщаютъ кнутъ, то на нихъ переносятся выраженія, которыя примѣнялись къ битью кнутомъ, о нихъ говорится, какъ о „жестокомъ наказаніи“: въ 1752 г. велѣно чинить за непомѣрное возвышеніе цѣнъ на припасы и матеріалы жестокое наказаніе—бить плетью; въ томъ же году было „учинено жестокое наказаніе“ (бить плетью) купцу Чечулину за подлогъ векселя ²⁾). Тѣсная связь плетей и кнута выразилась и въ томъ, что на битие ими была перенесена обстановка, употреблявшаяся при битьѣ послѣднимъ: наказаніе плетью совершалось на кобылѣ (см. стр. 164), всенародно, рукой палача. Виновныхъ въ возвышеніи цѣнъ на припасы было приказано (1752 г.) „сѣчь въ лѣсныхъ и прочихъ рядахъ при собраніи торговыхъ людей нещадно плетью“. Иногда плетью, какъ и кнутомъ, полагалось наказывать на самомъ мѣстѣ преступленія; какъ по Уложенію 1649 г. кнутъ назначался за уничтоженіе межей, на томъ мѣстѣ, гдѣ совершено это дѣяніе,

¹⁾ П. С. З. 5632. г. 1730. Подтверженіемъ того, что на плети смотрѣли какъ на официальныхъ замѣстителей кнута, можетъ служить и тотъ фактъ, что они, какъ и кнутъ, на тѣхъ же основаніяхъ не были распространены на Остзейскія губерніи, гдѣ продолжались употребляться розги. П. С. З. 24.719. г. 1850.

²⁾ Подлинныя бумаги импер. Екатерины II. Чтенія, 1860, стр. 48, 49, 52. П. С. З. 10.023 г. 1752, 14.233 г. 1775.

такъ и въ 1774 г. предписано было бить плетью крестьянъ, чинившихъ препятствіе при межеваніи, на мѣстѣ преступленія. Въ 1748 г. поручикъ Ланской за грабежъ, побои и самовольную пытку, лишенъ чиновъ и бить плетью на томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ „онъ надъ другими то чинилъ“ ¹⁾. По своду законовъ наказаніе плетью приказано производить въ городѣ на торговой площади, въ селеніи на мѣстѣ, наиболѣе открытомъ (Сводъ, XV, 1202—1203); несовершеннолѣтніе, по крайней мѣрѣ въ царствованіе Николая I, какъ установлено въ 1849 г. высочайше утвержденнымъ мнѣніемъ государственнаго совѣта, не подлежали публичному наказанію на лобномъ мѣстѣ ²⁾. Аналогія битья плетью и кнутомъ заключалась и въ тождествѣ соединяемыхъ съ нимъ наказаній: плети назначались за важныя преступленія вмѣстѣ съ ссылкой: въ 1760 г. приказано было сослать ослушныхъ начальству сибирскихъ крестьянъ послѣ битья плетью въ Нерчинскъ въ работу. Плети и вѣчная ссылка угрожаютъ приказчикамъ за отдачу бѣглыхъ на службу (Генерал. Учрежд. о сборѣ рекрутъ 1766 г.). Указъ 1815 г. повелѣвалъ признавшихъ добровольно въ своей винѣ, смертоубійцъ бить плетью и ссылать въ каторжныя работы на 10 лѣтъ. Съ битьемъ плетью соединялась ссылка на поселеніе, сдѣлавшаяся обязательной по Своду законовъ при публичномъ наказаніи: въ 1818 г. солдатка Иванова была приговорена къ 40 ударамъ плетей и сослана „яко порочная“ въ Сибирь на поселеніе ³⁾ за оставленіе своего новорожденнаго младенца безъ помощи, отчего послѣдній и умеръ. Наказаніе плетью прибавлялось и къ другимъ карамъ: въ 1723 г. бить плетью и сосланъ въ Соловецкій монастырь раздьяконъ Клементьевъ за церковную кражу, въ 1755 г. за убійство со смягчающими обстоятельствами 2 купца биты плетью и отправлены въ монастырь. Съ битьемъ плетью, какъ было сказано выше, связывалась также отдача въ военную службу (см. стр. 194). Иногда послѣдствія изобрѣтались ad hoc такъ напр. въ 1773 г. нѣ-

¹⁾ П. С. З. 9.468 г. 1748, 10.000, г. 1752. 11.152 г. 1760, 14.152, г. 1774.

²⁾ П. С. З. т. XXIV, 23.258. г. 1849.

³⁾ П. С. З. 25.891 г. 1815. 27.289. г. 1818.

которые казаки, участвовавшие въ Пугачевскомъ бунтѣ были биты плетьюми и „для обмытія крови“ отправлены въ службу противъ непріятеля безъ очереди. Назначались плети и какъ самостоятельное наказаніе, которое въ такомъ случаѣ влекло во второй половинѣ XVIII в. тѣ же послѣдствія, что и наказаніе кнутомъ, такъ какъ законъ говоритъ вообще о публично наказанныхъ. Въ 1742 г. наказанные плетьюми за подачу запрещенныхъ челобитныхъ отданы въ услуженіе по прежнему, также поступлено въ 1749 г. съ возмущившимися на фабрикахъ рабочими ¹⁾. Въ царствованіе Екатерины II (1766 г.) предписано неповиющихся крестьянъ наказывать плетьюми при собраніи всѣхъ и ссылать только тогда „если они отъ этого въ усмиреніе не придуть“. Въ 1817 г. приказано оставлять на мѣстахъ жительства фабричныхъ, наказанныхъ публично плетьюми за маловажныя преступленія. ²⁾ Битье плетьюми также какъ кнутомъ и батогами подраздѣлялось на простое и нещадное: въ 1708 г. нещадно бить плетьюми и отдать на поруки рыбаку виновный въ волшебствѣ (наговорѣ на воду), въ 1766 г. нещадное битье грозитъ за составленіе воровскихъ паспортовъ, за отдачу въ рекруты бѣглыхъ, членовредителей, негодныхъ въ военную службу ³⁾. Область примѣненія плетей до Свода 1833 г., установившаго здѣсь, какъ и въ другихъ наказаніяхъ, болѣе опредѣленные, чѣмъ прежде границы, охватывало многія преступныя дѣянія, изъ которыхъ нѣкоторые наказывались прежними узаконеніями и практикой—кнотомъ и батогами. Тяжкое уголовное наказаніе плетьюми назначалось за государственныя преступленія: ихъ употребляла зачастую Тайная Канцелярія; плетьюми биты нѣкоторые участники въ Лопухинскомъ дѣлѣ, въ Пугачевскомъ бунтѣ, участники въ чумномъ бунтѣ, не уличенные въ убійствѣ; ими же посто-

¹⁾ *Колчинъ*. Ссылка. Р. С. 1887 стр. 602—3 *Трефоловъ*, Л. Ярославль при Елизаветѣ. Др. и Н. Россія, I т. стр. 269—270. II. С. З. 8150. г. 1740. 8577. 1742. 9643 г. 1749. 14.233, г. 1775. 30.302 г. 1825.

²⁾ II. С. З. 27.207. г. 1817. 27.220 т. 1818.

³⁾ *Есиповъ*, Коддовство въ древней Россіи. Др. и Нов. Россія. 1878 т. 3. стр. 163. II. С. З. 9140 г. 1745, 12.748 г. 1766. *Желябужскій*, о. с. стр. 98.

янно наказывались ¹⁾ бунтовавшие крѣпостные и фабричные рабочіе, убійцы при особенно смягчающихъ обстоятельствахъ, несовершеннолѣтніе за важныя преступленія. Въ проектѣ 1754 г. предполагалось назначать плети въ сравнительно не важныхъ случаяхъ напр. неискusstное писаніе царскихъ портретовъ, ложное слово и дѣло, убійство въ компаніи и дракѣ (по Улож. 1649 г.—кнутъ) и въ нѣкоторыхъ другихъ случаяхъ (проектъ, гл. 20,7, 22,13, 25,21, 24, 33,5; 39,4, 40,4, 44,5, 45,4; 50,3, 55,6). Въ XVIII в. мало по малу плети становятся обычнымъ наказаніемъ (вмѣсто кнута) за менѣ значительныя имущественныя преступленія, эта группа останавливаетъ на себѣ особенное вниманіе, такъ какъ на ней ясно выразились утилитарныя основанія замѣны кнута болѣе мягкимъ наказаніемъ плетью. Мелкія имущественныя преступленія (кражи) были, если такъ можно выразиться, повседневнымъ проступкомъ, между тѣмъ за нихъ полагался кнутъ, наказаніе позорящее, а, главное, лишавшее государство возможности потребовать понесшаго эту кару къ отбыванію рекрутской повинности, и вотъ въ 1781 и 1781 г. наказаніе за кражи до 20 руб., даже при повтореніи ограничивается нѣсколькими ударами плети и заключеніемъ въ рабочій домъ, а въ 1799 г., въ слѣдующее царствованіе уже издается указъ, въ которомъ „каторжная казнь“, т. е. кнутъ назначается за смертоубійство, грабежъ, учинившихъ же кражу отъ 20 руб. и выше предписывается наказывать плетью, годныхъ отдавать въ рекруты, негодныхъ ссылатъ на поселеніе; мотивируется эта мѣра тѣмъ, что совершеніе кражъ, влекшее за собой до тѣхъ поръ кнутъ, служить способомъ отбыть отъ рекрутства и „казнь сія не только не вселяетъ ужаса, но вводитъ слабоумныхъ въ посползованіе“. Проектъ 1813 г. признавалъ плеть нормальнымъ тѣлеснымъ наказаніемъ средней тяжести, примѣняемымъ вмѣстѣ со второй и третьей степеню третьяго рода наказаній (лишеніе гражданскихъ и

¹⁾ Тайная канцелярія въ управленіе Елизаветы Петровны. Р. Стар. 12, 1878. стр. 524. Ц. С. З. 7646 г. 1783 8775 г. 1743.

политическихъ правъ и ссылка на поселеніе) и первой степени 4 рода наказаній (тюрьмы) ¹⁾.

По своду законовъ публичное наказаніе плетью черезъ палача и ссылка назначалась въ 29 случаяхъ: (поддѣлка высочайшихъ грамотъ, не повлекшая важнаго вреда, контрабанда, кровосмѣшеніе, скотоложество и др.) Плетью наказывались и ссыльно-каторжные и поселенцы за побѣги и др. преступленія по Своду и по указамъ 1840 г. и 1851 г. ²⁾.

Со вступленіемъ въ силу Уложенія 1845 г., отмѣнишаго кнутъ, плети сдѣлались высшимъ по тяжести тѣлеснымъ наказаніемъ, они опредѣлялись въ числѣ 30—100 ударовъ при каторжныхъ работахъ съ наложеніемъ клеймъ, и въ размѣрѣ 10—30 ударовъ безъ наложенія клеймъ при ссылкѣ на поселеніе. Число ударовъ сообразовалось съ родомъ каторжныхъ работъ и поселенія; при каторжныхъ работахъ на рудникахъ назначалось 70—100 ударовъ, съ каждою степенью каторжныхъ работъ сбавлялось 10 ударовъ, съ низшей степенью каторги соединялся и minimum плетей (30 ударовъ); поселеніе въ отдаленные мѣста соединялось съ 20—30 ударами, въ менѣе отдаленныя—съ 10—20 ³⁾.

¹⁾ Проектъ 1813. Часть I, отд. IV гл. II. 37, 39, 40. Отд. V § 45. Сюда относились преступленія: участіе въ смертоубійствѣ или дракѣ (346, 356) подкинутіе младенца (387), истребленіе плода (390), тѣлесныя поврежденія (403), изнасилованіе (479), кровосмѣшеніе и другія, ст.: 482, 566, 205, 187, 168, 170, 243, 262, 258, 271, 279, 282, 284, 298, II. С. З. 15, 147 г. 1781, 15, 379 г. 1782 19.059 г. 1799.

²⁾ Сводъ 1833. ст. 230, 232, 244, 283, 285, 314, 320, 333, 362, 366, 391, 399, 444, 508, 540, 559, 649, 650, 658, 659, 667, 678, 687, 710, 711, 728, 729, 731, 741, 742, 751, 758. т. XIV., 803.

³⁾ Высшая мѣра, 100 плетей, полагалась за нѣкоторыя религіозныя преступленія, за повтореніе преднамереннаго убійства, за убійство родственниковъ, похищеніе рудниковъ, въ которыхъ находились люди, разбой въ церкви (низшіе виды разбоя карались меньшимъ числомъ ударовъ), подлогъ Высочайшихъ указовъ и манифестовъ. Уложеніе 1845 ст. 224, 288, 317, 1921, 1922, 2119, 1128,—2133. Вообще же плети упоминаются въ слѣдующихъ ст.: 283, 332, 1855, 1923, 2107, 182, 186, 190, 195, 241, 333. 1933, 1955, 2106, 2120. *Каторга въ 87 ст.*; 242, 255, 270, 1392, 1442, 1640, 1926, 1988, 1999, 2119, 2139—2145; 190, 258, 265, 281, 571, 572, 1860, 1933, 1955, 2120, 2106; 184, 243, 246, 247, 271, 385 и др. Всего плети упоминаются въ 134 ст. Уложенія.

Въ настоящее время дѣйствующее право сохранило плети для наказанія за преступленія ссыльно-каторжныхъ, ссыльно-поселенцевъ и бродягъ мужскаго пола (Уст. о ссыльныхъ, изданіе 1890 г., ст. 435, 436. Законъ 1893 г.). Плетей до 100 ударовъ могутъ назначаться для ссыльно-каторжныхъ и ссыльно-поселенцевъ независимо отъ усиленія строгости и увеличенія срока каторжныхъ работъ за новыя преступленія.

Какъ было замѣчено, плети на ряду съ уголовнымъ наказаніемъ сохранили значеніе полицейскаго исправительнаго; эта сторона значительно выдвинулась въ XIX стол. подъ вліяніемъ общаго хода исторіи тѣлесныхъ наказаній. Не только кнутъ, но и др. наказанія, плети, батоги, стали, какъ говорилось въ указѣ Правительствующаго Сената отъ 1823 г., „не исправленіемъ“, а „сущей казнью“, публичное битіе палачами само по себѣ влекло опозореніе, дѣлало невозможнымъ, между прочимъ, и принятіе заклеименныхъ имъ людей въ военную службу, а мы видѣли, что введеніе плетей отчасти было обусловлено послѣдними соображеніями, возможностью отдавать наказанныхъ плетями въ военную службу. Когда это положеніе измѣнилось, нужно было найти другой исходъ, — и его отыскали въ различіи двухъ формъ битія плетями: уголовного чрезъ палача, и исправительнаго, полицейскаго, исполнявшагося полицейскимъ служителемъ непублично; въ этомъ исполненіи, какъ разумѣется, и въ послѣдствіяхъ наказанія, заключалась разница между названными 2 формами. Въ 1820 г. велѣно присужденныхъ за воровство, кражу къ отдачѣ въ военную службу битъ плетями нижнимъ полицейскимъ чинамъ, а не рукой палача; такимъ образомъ сенатскимъ указомъ предписывалось наказывать за кражи до 100 руб., возвращая затѣмъ понесшихъ наказаніе въ мѣстожителства, такъ какъ въ противномъ случаѣ они не могли быть отдаваемы въ военную службу. Въ 1825 г. запрещено возвращать въ армію бродягъ-дезертировъ, наказанныхъ плетями, „какъ потерявшихъ добрую совѣсть и слѣдственно всегда готовыхъ ко всякимъ вреднымъ поползновеніямъ“¹⁾.

¹⁾ Ц. С. З. 28,798 г. 1821, 29. 369. г. 1823. 30. 330, г. 1825.

Исправительное наказаніе плетью сохранено и Сводомъ законовъ: оно сопровождалось, отдачей въ солдаты, при неспособности—сылкой на поселеніе, отдачей въ арестантскія роты, заключеніемъ въ рабочихъ и смирительныхъ домахъ, или возвращеніемъ на прежнее мѣстожителство. Своду извѣстенъ за маловажныя вины и легчайшій способъ полицейскаго взысканія: плеткой по одеждѣ ¹⁾. Полицейское наказаніе плетью угрожало за легкомысленное богохуленіе, провинности крѣпостныхъ противъ помѣщиковъ, укрывательство бѣглыхъ, похвальбу зажигательствомъ, мошенничество, кражу, ложныя показанія на повальномъ обыскѣ. Уложеніе 1845 г., поставивъ плети на мѣсто „каторжной“ казни, тѣмъ самымъ сдѣлало немислимымъ примѣненіе ихъ въ качествѣ полицейскаго взысканія, что уже не соотвѣтствовало мѣсту плетей въ лѣстницѣ наказаній: съ того времени до отмѣны плетей въ 1863 г. они могли примѣняться лишь, какъ тяжкое, хотя и дополнительное, связанное съ ссылкой уголовное наказаніе.

Число ударовъ плетью, какъ и кнутомъ, въ законахъ не обозначалось; оно стало требоваться со времени указа 1812, когда предписано: опредѣлять въ приговорахъ число ударовъ плетью, какъ для нижнихъ воинскихъ чиновъ, такъ и въ гражданскихъ судахъ. Проектъ 1813 г. предполагалъ назначать плети отъ 10 до 100 ударовъ, въ такихъ предѣлахъ они были сохранены Уложеніемъ 1845 г. и дѣйствующимъ уставомъ о ссыльныхъ. Можно думать, что въ этихъ же предѣлахъ плети назначались и на практикѣ; въ приговорахъ времени Александра I встрѣчаются назначенія въ 20—40 ударовъ, карантинный уставъ 1818 г. устанавливаетъ градацію отъ 25 ударовъ за первую вину. То же и до Уложенія 1845 г. при Николаѣ I: въ 1826 г. за соvrращеніе изъ христіанства главныхъ виновниковъ наказали 50 плетью, соучастницу—25; въ 1830 г. 2 непокорные крестьянина наказаны 35 ударами плети каждый, въ 1831 г. нѣкоторые виновные въ участіи въ холерномъ бунтѣ 15—25 ударами плети ²⁾.

¹⁾ Сводъ 1833 г. XV. 29, 31—33.

²⁾ П. С. З. 25. 195 г. 1812 27. 490 г. 1818, 28. 635 г. 1821, 30. 529 г. 1825. т. I. 736, г. 1826. т. V. 4350, г. 1830. 4091, г. 1831. Дубасовъ, И. Холерный

Кромѣ обыкновенныхъ плетей при Петрѣ В. Морскимъ уставомъ 1720 г. были введены спеціальныя плети—кошки. Одинъ изъ изслѣдователей по исторіи права г. Тобинъ полагаетъ, что этотъ родъ наказанія существовалъ только на бумагѣ, а не на практикѣ¹⁾, такое мнѣніе ошибочно: кошки не только не оставались на бумагѣ, но иногда далеко переходили за предѣлы флота: въ 1724 г., онѣ назначались извозчикамъ и всякихъ чиновъ людямъ, ѣздящимъ на невзнузданныхъ лошадяхъ, въ 1725 г. батогами или кошками приказывалось бить нечестныхъ продавцовъ хлѣба и скупщиковъ, мѣшающихъ приобрѣтенію на рынкахъ припасовъ для домашнихъ нуждъ. Во флотѣ кошки составляли обычное наказаніе для простыхъ матросовъ; Берхгольцъ²⁾ свидѣтельствуетъ, что англійскій адмиралъ возбудилъ противъ себя сильную ненависть лифляндцевъ и всѣхъ порядочныхъ людей тѣмъ, что велѣлъ жестоко наказывать кошками, употреблявшимися только для простыхъ матросовъ, одного эстляндскаго дворянина, который не хотѣлъ снять шляпы при проходѣ католической духовной процессіи. Наказаніе кошками совершалось обыкновенно публично: скупщиковъ велѣно бить на рынкахъ, матросовъ наказывать у мачты, на виду сослуживцевъ.

Въ Морскомъ. Уставѣ кошки замѣняютъ во многихъ случаяхъ шпицрутены (за чернокнижіе, богохуленіе изъ легкомыслія); битье бываетъ простое или жестокое, „жестокое бить кошками“ (М. У. кн. V гл. 5, ст. 5): рядоваго за непослушаніе начальству надлежитъ жестокимъ наказаніемъ наказывать, именно кошками бить у мачты; въ большинствѣ случаевъ пишется прямо: имѣетъ быть наказанъ бѣніемъ у мачты или будетъ наказанъ кошками (кн. IV г. I, 10, 18, 22, 25, 27, 28, 31, 32, 34, 36 и др.).

Кошки употреблялись и при преемникахъ Петра Великаго: въ 1739 г. приказано бить ими продавцевъ овощей и фруктовъ на улицахъ, торговать которыми этимъ указомъ раз-

годъ въ Тамбовской губ. Р. Ст. 1875 г. 11 стр. 747. Холерный мѣсяцъ въ С.-Петербурѣ. Іюнь 1831 г. Р. Ст. 1885 г. т. 47, стр. 79—85.

¹⁾ Тобинъ. Взглядъ на основныя начала рускаго уголовнаго законодательства. Ж. М. Н. Просв. 1847 г. Отд. III. стран. 188.

²⁾ П. С. З. № 3633. г. 1720, № 4634, г. 1725. Берхгольцъ, о. с. ч. III. ст. 140.

рѣшалось только женщинамъ и малолѣтнимъ. Въ 1754 г. кошками были публично наказаны крѣпостные Евреинова за похищеніе для него съ качели дѣвки. Ихъ упоминаетъ, правда, въ очень немногихъ случаяхъ и проектъ 1754 г.; встрѣчаются они и въ узаконеніяхъ эпохи Екатерины II, напр. кошками предписывается бить нарушающихъ постановленія о чистотѣ въ адмиралтействѣ. Кошки почти не отличались указами отъ плетей: 1744 г. предписано бить укрывателей бѣглыхъ плетями или кошками ¹⁾.

Послѣ указа 1775 г., причислившаго кошки вмѣстѣ съ плетями къ казни, о нихъ не говорится въ позднѣйшихъ законодательныхъ актахъ.

ГЛАВА IV.

Волѣзненные тѣлесныя наказанія.

Шпирутены и розги.

Шпирутены были введены въ систему наказаній Военскимъ Уставомъ 1716 г., но на практикѣ они были извѣстны еще въ самомъ началѣ XVIII стол. Одинъ изъ указовъ 1705 г. упоминаетъ о томъ, что за побѣгъ слѣдуетъ чинить наказаніе по артикулу; извѣстно, что краткій артикулъ существовалъ въ арміи, бывшей подъ начальствомъ Шереметева въ 1701 и Меншикова въ 1706 г., въ немъ уже говорится о шпирутенахъ. Въ 1712 г. Сенатъ предписывалъ чинить бѣглымъ рекрутамъ наказаніе по артикулу шпирутенами, но до Военскаго Устава шпирутены употреблялись рѣдко: для наказанія въ военномъ, какъ и въ гражданскомъ быту служилъ одинъ и тотъ же кнутъ ²⁾.

¹⁾ П. С. З. 7825 г. 1739 Проектъ 1754 г. 49 П. С. З. 8926 г. 1744, 10, 206 г. 1754, 12 459 г. 1765.

²⁾ П. С. З. № 2019. г. 1705. Филипповъ, о. с. стр. 381, 386. П. С. З. 2532 г. 1712;—2019, 2031, 2062, 2068 г. 1705, 2647 г. 1712.

Шпицрутены представляли изъ себя длинныя, гибкія прутья; по свидѣтельству Л. А. Сѣрякова образцовые шпицрутены, присланныя гр. Клейнмихелемъ изъ СПБ-га для наказанія бунтовавшихъ въ 1831 г. военныхъ поселанъ, были въ діаметрѣ нѣсколько меньше вершка, въ длину около сажени. ¹⁾ До нашего времени дошли какъ официальное описаніе экзекуціи шпицрутенами, выразившее, такъ сказать, теорію битья ими, такъ и воспоминанія современниковъ, рисующія приложеніе теоріи на практикѣ; для того чтобы освѣтить различіе между сухимъ и сдержаннымъ описаніемъ, даваемымъ Военными Уставами, и живой дѣйствительностью, я остановлюсь сначала на первыхъ и постараюсь возстановить картину наказанія, какъ оно должно было происходить, а потомъ приведу нѣсколько характерныхъ описаній очевидцевъ, свидѣтельствующихъ о томъ, какъ оно происходило на дѣлѣ.

Первое краткое описаніе экзекуціи сохранилось въ Военномъ Уст. 1798 г., слѣдующія въ Сводѣ военныхъ постановленій 1839 г. и наконецъ, въ уставѣ о служащихъ въ въ гарнизонѣ 1843 г. ²⁾ Наказаніе производилось обыкновенно на разсвѣтѣ. На мѣстѣ экзекуціи должны были находиться начальствующія лица, съ 1843 г.,—если исполнялись приговоры къ прогнанію чрезъ 500 человекъ,—батальонный командиръ, въ кавалеріи дивизионный, черезъ 1000—полковой и бригадный командиры; войско должно быть въ караульной формѣ, безъ знамени и музыкантовъ, кромѣ барабанщиковъ. Осужденнаго выводили подъ конвоемъ 4 солдатъ, читали приговоръ военного суда, по прочтеніи его „люди строили шереножную улицу“. Профосы или фурлейты раздавали прутья, которыхъ полагалось на каждого рядоваго столько, сколько лицъ подлежало наказанію, такъ, чтобы каждого осужденнаго били свѣжими прутьями. Затѣмъ барабанщики ударяли дробь, подъ звуки которой осужденный долженъ былъ пройти по „улицѣ“ за унтеръ-офицеромъ, держащимъ въ рукахъ ружье съ применутымъ штыкомъ, направленнымъ

¹⁾ Сѣряковъ, Л. А. Моя трудовая жизнь. Р. Стар. 1875 г. т. 14 стр. 169.

²⁾ П. С. З. 17,588 г. 1798. т. 18, 17,270, г. 1843. Сводъ военныхъ постановленій 1839 г. V. Уставъ военно-уголовный т. XII стр. 505—507.

противъ наказуемаго, который долженъ былъ держаться въ свою очередь за прикладъ ружья обѣими руками, такимъ образомъ штыкъ мѣшалъ ему произвольно ускорять движеніе и тѣмъ избѣгнуть ударовъ. Съ 1801 г. при наказаніи обязательно находился докторъ (и фельдшеръ съ 1843 г.) „который, какъ скоро замѣтитъ во время исполненія наказанія, что преступникъ положеннаго числа ударовъ перенести не можетъ, долженъ тотчасъ же экзекуцію остановить и взять его въ полковой госпиталь, когда же оный выздоровѣетъ, то для точнаго выполненія сентенціи сдѣлано бы было вторичное наказаніе по тѣмъ же правиламъ, какъ и первое“. ¹⁾ Сводомъ военныхъ постановленій 1839 г. согласно съ приведеннымъ указомъ предписывается доктору: просить въ нужныхъ случаяхъ старшаго начальника о пріостановленіи наказанія; если по слабости сложенія вовсе нельзя было бы продолжать экзекуціи, слѣдовало представлять объ этомъ по командѣ; такимъ образомъ наказаніе представлялось въ известной степени гуманнымъ: жизнь преступника охранялась присутствіемъ медика, наказаніе могло быть и совершенно отмѣнено „при слабости сложенія“; оно не является въ теоріи ни слишкомъ жестокимъ, ни опаснымъ для жизни наказуемаго; въ иномъ видѣ представляется оно по свидѣтельствамъ очевидцевъ. Д. А. Ровинекій передаетъ, что при наказаніи руки арестанта, обнаженнаго до пояса, привязывали къ двумъ прикладамъ ружей, каждое изъ которыхъ держалъ солдатъ, (обыкновенно по уставу привязывали къ одному прикладу). „Каждый шпицрутень оставлялъ свой слѣдъ на солдатской шкурѣ“... черезъ нѣсколько минутъ (битья) тѣло наказаннаго покрывается широкими рубцами, краснѣетъ, багровѣетъ... летятъ кровавыя брызги. Если арестантъ наконецъ свалится, его кладутъ на дровни и „снова берутъ взадъ и впередъ промежъ шпалеръ, съ которыхъ сыплются удары шпицрутенами, и рубятъ кровавую кашу“. По словамъ г. Ровинскаго на экзекуцію иногда привозили гробъ.

Очевидецъ наказанія военныхъ поселенъ въ 1832 г. свидѣтельствуется, что при битьѣ каждый солдатъ дѣлалъ изъ шеренги правой ногой шагъ впередъ, наносилъ ударъ и

¹⁾ П. С. З. 20.070 г. 1801.

становился на мѣсто. „На наказаннаго падали удары съ обѣихъ сторонъ... каждый разъ голова его, судорожно откидывалась, поворачивалась въ ту сторону, откуда слѣдоваль ударъ. Во время шествія по зеленой улицѣ слышны были только крики: „братцы помилосердуйте“; если кто падалъ, его возили въ саняхъ розвальняхъ, „пока несчастный ни охнуть, ни дохнуть не могъ“. Докторъ давалъ въ такихъ случаяхъ спиртъ, и экзекуція продолжалась. Мертвыхъ выволакивали за фронтъ. Начальство зорко наблюдало, чтобы кто нибудь не ударилъ легче. ¹⁾

Битье шпицрутенами оставалось очень жестокимъ и въ 40-хъ ходахъ; въ запискахъ д-ра Ильинскаго сохранилось описаніе экзекуціи, бывшей въ 1849 г. въ Казани надъ разбойниками Быковымъ и Чайкинымъ, приговоренными первый къ 12.000, второй къ 11.000 шпицрутеновъ. „Уже послѣ первой тысячи ударовъ спины преступниковъ побагровѣли, покрылись лоскутками изрубленнаго мяса и спекшеюся кровью и вспухли, крики ихъ ослабѣли. Исполнители и здѣсь оказались очень жестокими. Полковникъ, распорядившійся экзекуціей, „кричалъ во все горло,“ чтобы били крѣпче, не давали пощады; солдатъ, бившихъ слабо, замѣняли тотчасъ другими и самихъ наказывали тесакомъ... Послѣ 5.000 ударовъ Быкова положили на телѣгу, которую везли два солдата, и еще дали 1000 ударовъ, Чайкина пришлось помѣстить въ телѣгу черезъ 3000 ударовъ, и прибавить оказалось возможнымъ только 500. Тяжесть наказанія увеличивалась еще тѣмъ, что былъ сильный вѣтеръ, покрывавшій изсѣченныя спины наказанныхъ пылью. Обоихъ ихъ съ слабыми признаками жизни отправили въ госпиталь, гдѣ они и умерли въ тотъ-же день. Несмотря на множество преступленій, совершенныхъ разбойниками, зрители были не на сторонѣ правосудія: въ толпѣ слышались рыданія, женщины падали въ обморокъ, нѣкоторые молились. ²⁾ Въ 1840 г. двое дворовыхъ были наказаны шпицрутенами

¹⁾ Ровинскій, о с. V. стр. 322 и слѣд. Сѣряковъ о с. Р. Ст. 1875. т. II стр. 171.

²⁾ За полстолѣтія 1841—1892. Воспоминанія о пережитомъ, д-ра А. И. Ильинскаго Р. Ст. 1894. т. 81. стр. 67—69.

за убійство нѣсколькихъ помѣщиковъ во время одного изъ крестьянскихъ волненій, вообще не рѣдкихъ въ царствованіе Николая I; одинъ наказанный умеръ во время экзекуціи, другой черезъ нѣсколько часовъ, тѣла ихъ на страхъ другимъ оставались цѣлыя сутки на мѣстѣ казни. ¹⁾

Ужасомъ вѣсть отъ этихъ описаній исполненія наказанія, могущаго перейти въ мучительную квалифицированную смертную казнь. Показанія очевидцевъ нельзя считать преувеличенными—они подтверждаются цифрами, безстрастными и чуждыми всякихъ предубѣжденій свидѣтелями. Въ 1831 г. за холерный бунтъ на 1559 наказанныхъ шпицрутенами, изъ которыхъ только 191 были приговорены къ 4000 ударамъ (около половины, 720 человекъ, получило меньше 1000 ударовъ), умерло все таки на мѣстѣ наказанія и вскорѣ послѣ него—40 человекъ. ²⁾ Эти цифры достаточно говорятъ за себя. Нѣкоторые современники утверждаютъ даже, что 3000 шпицрутеневъ почти равнялись смертной казни. Вообще же число ударовъ опредѣляется весьма различно. Воинскій Уставъ 1715 г. не занимался много этимъ вопросомъ, предоставляя разрѣшеніе его судебной практикѣ; онъ ограничивался выраженіями „имѣть быть наказанъ шпицрутенами, гоняніемъ шпицрутенами, бить шпицрутенами“, рѣже назначалось „прогнаніе черезъ полкъ“ (за драку въ пьяномъ видѣ), за первый побѣгъ прогнаніе черезъ полкъ по три дня по разу, за первую кражу—6 разъ черезъ полкъ, за 2-ую кражу—12 разъ, это высшая мѣра, за нею идутъ кнутъ, членовредительныя наказанія и смертная казнь. (В. У. ар. 95, 141, 189). Если, основываясь на собираніи, что впоследствии указомъ 1823 г. Іюля 2 (П. С. З. 29.530) было приказано замѣнить въ приговорахъ выраженія прогнать черезъ полкъ и баталіонъ—прогнать черезъ 1000 или 500,—число солдатъ въ полку принять за 1000, въ баталіонѣ за 500, то предѣлъ наказанія шпицрутенами во время Петра В. выйдетъ въ 12.000 шпицрутеневъ. Къ такому числу ударовъ были приговорены „по безприкладному ея Велич. милосердію“ вза-

¹⁾ Борьба крѣпостныхъ съ помѣщичьей властью въ царствованіе Николая I. Р. Ст. 1887. т. 53. стр. 405.

²⁾ Слезскійскій о. с. стр. 209—210.

мѣнь смертной казни наиболѣе виновные солдаты, замѣшанные въ дѣлѣ Мировича (1764), другимъ было назначено по 10.000 ударовъ, за которыми должна была слѣдовать ссылка въ вѣчную каторгу. ¹⁾ Къ 12.000. ударамъ въ 1818—19 г. были приговорены и бунтовавшіеся военные поселяне (40 наиболѣе виновныхъ). Какъ видно изъ донесенія гр. Аракчеева объ ихъ наказаніи, и эта грозная кара съ перспективой почти неизбѣжной смерти была предпочтена прощенію и продолженію существованія военнаго поселенца при аракчеевскомъ режимѣ: изъ 40 человекъ раскаялось всего трое. ²⁾ Въ Царствованіе Николая I въ мирное время число ударовъ не должно было превышать 6000, также и по своду военныхъ постановленій, исключенія допускались въ дѣлахъ объ ослушаніяхъ и дерзости начальству, особенно передъ фронтомъ, когда могло назначаться и больше съ тѣмъ, чтобы приговоры представлялись на высочайшее утвержденіе; ³⁾ такимъ путемъ наказаніе могло дойти и до 12.000 шпицрутеневъ. Въ этомъ размѣрѣ оно дѣйствительно назначалось за карантинныя преступленія замѣнь смертной казни (Сводъ, XV, 1842. ст. 352). Указомъ 1827 г. на имя управляющаго Новороссіей и Бессарабіей граф. Палена предписывалось за карантинныя преступленія наказывать шпицрутенами „употребляя въ самыхъ важнѣйшихъ случаяхъ 12 разъ черезъ 1000.“ Эта замѣна считалась милосердіемъ сравнительно съ смертной казнью: повелѣвая наказать такимъ образомъ 2 евреевъ за карантинное преступленіе вмѣсто смертной казни, Императоръ Николай I написалъ на рапортѣ: „виновныхъ прогнать сквозь 1000 человекъ 12 разъ. Слава Богу смертной казни у насъ не бывало и не мнѣ ее вводить“; ⁴⁾ едва ли это было смягченіемъ: при 12.000 шпицрутеневъ у обвиняемыхъ могла остаться не болѣе какъ тѣнь надежды спастись отъ смерти въ тяжелыхъ мученіяхъ.

Нормальнымъ высшимъ предѣломъ по своду военныхъ постановленій считалось 6.000, число это сохраниено и позднѣйшими законами (1855 г.) о наказаніи ссыльно-ка-

1) П. С. З. 12. 241. г. 1764.

2) Матеріалы къ новѣйшей отечественной исторіи. Спб. 1871 г. стр. 151.

3) Сводъ военныхъ постановленій 1829 г. кн. I. гл. II. 67—73.

4) П. С. З. т. II. 1513 г. 1827 Р. ст. 1883. т. 40. стр. 660.

торжныхъ за тяжкія преступленія по уставу о ссыльныхъ (ст. 1800). Къ 6000 ударовъ были приговорены Вятскіе крестьяне, участвовавшіе въ волненіи; губернаторомъ наказаніе было смягчено до 2.500. По дѣлу о холерныхъ безпорядкахъ и въ приговорахъ по крестьянскимъ волненіямъ въ 30—40 гг. XIX стол. назначались шпицрутены отъ 1000 до 4000. ¹⁾ Minimum числа ударовъ, кажется, не былъ въ первой половинѣ XIX в. ниже 500—250. 500 шпицрутенами предписывается наказывать рекрута, бѣжавшаго первый разъ съ мѣста набора и ничего болѣе не сдѣлавшаго (Уставъ о рекрутахъ 1831 г.). О назначеніи 250 ударовъ говорится въ запискахъ Неизвѣстнаго подъ (1852 г.). Въ 1861 г., во время усмиренія крестьянъ въ деревнѣ Кандевкѣ, 28 наиболѣе виновныхъ было наказано 400—700 шпицрутенами вмѣсто прежнихъ 4000, 80 другихъ прогнано 2—4 раза черезъ 100, ²⁾ фактъ ярко иллюстрирующій, какъ измѣнился взглядъ на строгость наказанія шпицрутенами.

Появленіе шпицрутеневъ въ Россіи было вызвано не простымъ подражаніемъ западнымъ обычаямъ и порядкамъ, но и существенными домашними потребностями. Признавая кнутъ позорнымъ наказаніемъ, исключаящимъ возможность оставаться въ рядахъ арміи, Петръ В. долженъ было позаботиться о замѣнѣ кнута для тѣхъ случаевъ, когда наказанному предстояло продолженіе прежней службы. Шпицрутены подходили подъ эти условія потому, что выполнялись не рукою палача, а товарищами осужденнаго, не лишали его добраго имени, а въ то же время были достаточно примѣрны и допускали по особенностямъ случая самое разнообразное примѣненіе, да и употреблялись въ культурныхъ западно-европейскихъ государствахъ, примѣръ которыхъ при начавшемся сформированіи арміи, конечно, долженъ былъ имѣть большое значеніе. Плети были совершенно лишены послѣдняго качества, и кромѣ того въ важныхъ случаяхъ выполнялись палачами.

¹⁾ Воряба крѣпостныхъ. Р. Ст. 1887. т. 53. стр. 408—410 Зыряновъ, А. Крестьянское движеніе въ Пермской губ. 1843. Др. и Нов Россія. 1879., III. стр. 316—317.

²⁾ П. С. З. т. VI. 4677 г. 1831. За много лѣтъ. Воспоминанія Неизвѣстнаго Р. Ст. 1894. Іюль стр. 111, 112. Волненія крестьянъ въ Кандевкѣ. Р. Ст. 1885 г. т. 46. стр. 157.

Съ этимъ характеромъ—замѣны кнута съ цѣлью сохранить наказанныхъ въ войскѣ—и были введены шпицрутены. Кнутъ по смыслу постановленій устава 1716 г. остался для солдатъ въ тѣхъ случаяхъ, когда за наказаніемъ неизбѣжно слѣдовало полное удаленіе изъ арміи, напр. за 2 побѣга, или за побѣгъ послѣ года службы вмѣсто смертной казни назначался кнутъ, вырѣзаніе ноздрей и вѣчная каторга (Ар. 95), за первый побѣгъ или побѣгъ, совершенный до истеченія перваго года службы—шпицрутены, такъ какъ наказанный продолжаетъ службу. Шпицрутены по этому же соображенію назначаются вмѣсто кнута ворамъ за первую и за вторую мелкую кражу (20 руб.) (Ар. 189). За мѣняя кнутъ, шпицрутены получаютъ вмѣстѣ съ тѣмъ (какъ и плеть) названіе перваго „жестокое наказаніе“. За непослушаніе или оскорбленіе начальства при столкновеніяхъ, не относящихся прямо къ службѣ: „надлежитъ жестокимъ наказаніемъ наказать, а именно: шпицрутенами“ (Ар. 26). Въ нѣкоторыхъ артикулахъ прямо упоминается жестокое наказаніе, жестокое на тѣлѣ наказаніе (Ар. 73, 80, 88—90, 135, 165) или шпицрутенами жестокое наказаніе (Ар. 107, 117). Тѣми же основаніями руководилось законодательство и впослѣдствіи. Въ 1751 г. назначены для воинскихъ чиновъ за корчемство взамѣнъ кнута и ссылки шпицрутены „дабы они (виновные) будучи въ службѣ могли тѣ свои вины заслужить“. Генеральнымъ учрежденіемъ о рекрутскихъ наборахъ 1757 г. предписывается за отдачу въ рекруты чужаго крестьянина, приказчиковъ и старость „гонять жестоко шпицрутенами и опредѣлять въ Спб—гскій гарнизонъ въ солдаты вѣчно, негодныхъ, бивъ кнутомъ и вырѣзавъ ноздри, ссылатъ въ Охотскъ“¹⁾. Въ эпоху Петра В. шпицрутены считались менѣе тяжелымъ наказаніемъ чѣмъ кнутъ: въ Воинск. Артикулѣ (Ар. 203), назначающемъ наказаніе за уничтоженіе явно прибитыхъ указовъ, на первомъ мѣстѣ стоитъ смертная казнь, затѣмъ каторга съ жестокимъ наказаніемъ (кнутомъ), а потомъ уже другія наказанія, въ томъ числѣ и шпицрутены.

¹⁾ П. С. З. 9912. г. 1751, 10786. г. 1757, 1,6. 8.

Съ теченіемъ времени, когда система тѣлесныхъ наказаній начала разстраиваться, кнутъ сталъ выходить изъ употребленія, а плети—занимать его мѣсто, возросло и значеніе шпицрутеновъ: они сдѣлались для военно-служащихъ самымъ тяжкимъ наказаніемъ. Въ 1825 г. повелѣно было наказывать нижнихъ чиновъ, подлежащихъ исключенію изъ службы, вмѣсто плетей шпицрутенами и затѣмъ выключить, такъ какъ послѣднее наказаніе „служить болѣе примѣромъ“¹⁾.

Въ эпоху Николая I за отмѣною кнута, плетей и клейменія для военнослужащихъ, шпицрутены остались главнымъ, даже единственнымъ видомъ тѣлесныхъ наказаній, назначаемыхъ по суду, такъ какъ розги и палки опредѣлялись обыкновенно въ дисциплинарномъ порядкѣ. Въ сводѣ военныхъ постановленій этотъ фактъ объясняется указомъ 1 янв. 1782 г. (П. С. З. 15. 313), которымъ повелѣвалось военной коллегіи руководствоваться при опредѣленіи наказанія гл. X наказа (ст. 150), предписывающей считать жестокость бесполезной и несправедливой, но официальное объясненіе сохраненія шпицрутеновъ по соображеніямъ гуманности въ то время, когда они являлись весьма строгимъ наказаніемъ, нельзя признать вполне точнымъ. Оно зависѣло отъ условий военной службы, отъ желанія сохранить для военныхъ суровое, устрашающее наказаніе, которое въ то же время давало бы возможность оставить на службѣ наказаннаго солдата; плети въ томъ объемѣ, въ какомъ они примѣнялись въ 30—40-хъ годахъ, не были достаточно примѣрны, тѣмъ болѣе, что могли бы назначаться для солдатъ лишь какъ полицейское взысканіе: уголовное битье плетями дѣлало „негоднымъ“ къ военной службѣ.

Шпицрутены употреблялись, какъ и наказанія кнутомъ и плетями, самостоятельно за менѣе важныя правонарушенія. Можно сказать, что это былъ самый обычный способъ наказанія шпицрутенами, оправдываемый мотивами его введенія въ карательную систему. Сводомъ военныхъ постановленій (1839 г.) опредѣляются однако особыя невыгодныя послѣдствія, связанныя съ этимъ наказаніемъ. Указомъ 1843 г. по-

¹⁾ П. С. З. 30. 324. г. 1825.

велѣно нашивать у наказанныхъ на погонахъ тонкіе черныя шнуры по одному за каждый разъ прогнанія сквозь строй „дабы каждый могъ различать ихъ отъ честныхъ безпорочно служащихъ солдатъ“. За каждый разъ прогнанія прибавлялось 2 года службы¹⁾. Наказаніе шпицрутенами назначалось и въ соединеніи съ другими, напр., съ ссылкой на каторгу за важнѣйшія преступленія (напр. по дѣлу Мировича). Какъ общее правило такой порядокъ признается сводомъ военныхъ постановленій. Это отступленіе отъ принципа наказанія шпицрутенами — сохранять за наказаннымъ нахожденіе на службѣ — вызывалось отсутствіемъ строгой системы въ назначеніи наказаній, что было естественнымъ слѣдствіемъ состоянія русскаго законодательства въ XVIII в. Соединеніе каторги и шпицрутенъ позднѣе объясняется приведеннымъ указаніемъ, что они стали самымъ тяжкимъ наказаніемъ, примѣняемымъ къ военнослужащимъ. Шпицрутены, назначаемые „по мѣрѣ вины“ за менѣе важныя преступленія, сопровождалась иногда переводомъ въ отдаленныя гарнизоны, выпиской изъ гвардіи въ армейскіе полки или отдачей въ арестантскія роты — здѣсь интересы военной службы болѣе или менѣе сохранялись.

При Петрѣ В. шпицрутены были извѣстны и Морскому Уставу 1720 г., въ послѣднемъ они играютъ однако второстепенную роль, назначаются за немногія преступленія, по примѣру Воинскаго Устава, напр. за сорваніе по небрежности указа, нарушеніе правилъ караульной службы (В. М. У. 51, 64, 76, 138, 231), за то Воинскій уставъ употребляетъ ихъ весьма часто, ими караются: идолопоклонство, чернокнижіе, легкомысленныя слова о Богѣ и Святыхъ (Ар. 16); тяжкіе побои, неосторожное убійство, убійство въ дракѣ, грабежъ и поджоги въ непріятельскихъ земляхъ, кража, срываніе по небрежности прибитыхъ указовъ, побѣги (Ар. 154, 157, 158, 81, 107, 108, 185, 188, 203, 95—97) и спеціально военныя провинности (Ар. 57—59, 41, 45, 47, 62, 64, 69, 73, 80, 88—90, 97, 113, 114, 116 и др.). Практика, по обыкновенію, назначала ихъ шире, напр. за участіе въ бунтахъ и государственныя преступленія.

¹⁾ П. С. З. 16455. г. 1843.

Шпицрутены примѣнялись не къ однимъ военнoслужащимъ, но и къ людямъ, имѣющимъ отдаленную прикосновенность или вовсе никакой къ военнымъ сферамъ. Такъ, напр. въ 1822 г. генераль Эссенъ сдѣлалъ представленіе въ томъ смыслѣ, что наказаніе плетями или розгами не можетъ удержатъ ссылочныхъ невольниковъ на крѣпостныхъ работахъ, что побѣги усилились и что только наказаніе шпицрутенами можетъ удержатъ отъ такого вреднаго покушенія. Генераль оправдывалъ проектируемую мѣру, какъ тѣмъ, что эти люди, поступаая въ работы оказываются зависящими отъ военнаго вѣдомства, такъ и тѣмъ оригинальнымъ соображеніемъ, что въ крѣпостныя работы „поступаютъ по меньшей мѣрѣ за нарушеніе, установленнаго закономъ порядка... и что... ихъ нельзя считать совсѣмъ невинными“. Шпицрутены были разрѣшены. Въ 1825 г. согласно мнѣнію инспектора оружейныхъ тульскихъ заводовъ, приказано было вмѣсто розогъ и плетей наказывать рабочихъ за побѣги и развратное поведеніе шпицрутенами по правиламъ Воинскаго Устава ¹⁾. Назначались они крестьянамъ, участвовавшимъ въ волненіяхъ и беспорядкахъ, и военными судами за общія преступленія, когда имъ приходилось судить послѣднія. Шпицрутены же были обычнымъ наказаніемъ, конкурирующимъ съ плетями для ссыльно-каторжныхъ, какъ предписывается это уставомъ о ссыльныхъ съ послѣдними измѣненіями, послѣдовавшими въ 1855 г. и продержавшимися до отмѣны шпицрутенoвъ въ 1863 году.

Кромѣ кнута, батога, плетей и шпицрутенoвъ, важнымъ значеніемъ среди болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаній пользовались розги, примѣненіе которыхъ охватывало широкій кругъ правонарушеній и дисциплинарныхъ провинностей во всякихъ областяхъ челоуѣческаго существованія.

Розги—легчайшій видъ болѣзненныхъ тѣлесныхъ наказаній, поэтому онѣ и приобрѣли значеніе карательнаго средства лишь тогда, когда началось исчезновеніе другихъ болѣе суровыхъ. До XVIII в. законъ ни слова не говоритъ о розгахъ; впервые онѣ упоминаются Воинск. Уставомъ 1716 г. и Морскимъ Устав. 1720 г., которые назначаютъ ихъ во-

¹⁾ И. С. З. 28.946. г. 1822. 30. 495. г. 1825.

рамъ младенцамъ (до 15 лѣтъ) „дабы заранѣе отъ сего отучить“. По мнѣнію законодателя наказаніе это не представляется серьезной карательной мѣрой, назначеніе его для младенцевъ вызывается тѣмъ, что наказаніе для нихъ „уменьшается или весьма оставляется“. (В. М. У. гл. XVII, 131). Но уже и въ XVIII в. розги употреблялись въ нѣкоторыхъ русскихъ областяхъ на основаніи мѣстныхъ узаконеній, напр. въ Прибалтійскомъ краѣ онѣ составляли обычное наказаніе. Тяжкимъ преступникамъ полагалось тамъ 40 паръ прутьевъ, изъ коихъ каждой парой ударялось три раза, такъ что выходило всего 120 ударовъ. Генераль-губернаторъ докладывалъ въ 1784 г., „что такое великое наказаніе въ 1 день, обезувѣчивая человѣчество, дѣлаеть преступниковъ впредь къ публичному употребленію совсѣмъ негодными“, почему и просилъ о раздѣленіи этого наказанія на 3 воскресенья „ибо оно для страха другимъ и къ чувствованію погрѣшностей и раскаянія преступника совершенно довольнымъ быть можетъ“. Сенатъ согласился съ мнѣніемъ генераль-губернатора. Для несовершеннолѣтнихъ норма смягчалась: въ 1765 г. крестьянскій мальчикъ за скотоложство (вмѣсто смертной казни) присужденъ къ сѣченію 10 парами прутьевъ въ три воскресенья, церковному покаянію и публичной работѣ на годъ, сенатъ же нашель это наказаніе слишкомъ строгимъ и, наконецъ, по резолюціи императрицы, дѣло велѣно было передать совѣстному суду ¹⁾. Розги были извѣстны также и въ Малороссіи, гдѣ судя по сборнику малороссійскихъ законовъ, относящемуся ко времени императрицы Елизаветы, употреблялось публичное наказаніе розгами „у столпа“, напр. за сводничество, за воровство, совершенное малолѣтними ²⁾.

Повсемѣстно съ 1742—44 гг. розги назначались судами за болѣе или менѣе важныя преступленія несовершеннолѣтнихъ; въ 1763 г. школьникъ Гриневъ за писаніе воровскихъ писемъ былъ наказанъ розгами при собраніи всѣхъ школьниковъ. Розгами же сѣдли несовершеннолѣтнихъ участниковъ въ чумномъ бунтѣ 1771 года. ³⁾.

¹⁾ П. С. З. 7014. г. 1736. П. С. З. 16.019. г. 1784; 16.154 г. 1785.

²⁾ Права, по котор. судится малорусскій народъ. XXI. ар. 7 XXIV ар. 10.

³⁾ П. С. З. 11. 925. г. 1763. 13. 695. г. 1771.

Съ теченіемъ времени розги вошли въ употребленіе и для взрослыхъ: рекрутскій уставъ 1831 г. назначалъ розги за ложное объявленіе у себя сокровенной болѣзни; ¹⁾ въ томъ же году биты розгами маловажные участники въ холерномъ бунтѣ въ военныхъ поселеніяхъ Новгородской губерніи, главнымъ образомъ, однако, старики и несовершеннолѣтіе, изъ нихъ двое—25 ударами (низшая мѣра) и 24 человекъ—500. ²⁾ Розги назначались за маловажныя проступки сводомъ законовъ, который ставилъ ихъ рядомъ съ наказаніемъ веревкою, кнутомъ, палкою, содержаніемъ на хлѣбѣ и водѣ (ст. 31), и считались исправительнымъ полицейскимъ наказаніемъ, граничащимъ съ дисциплинарнымъ взысканіемъ; розгами полиція имѣла право наказывать сельскихъ обывателей за воровство ниже 5 руб. (364 ст. О пред. и пресѣч. преступл. Сводъ, XIV, 1833 г.) были извѣстны онѣ и по уставу о ссыльныхъ, какъ наказаніе за обмѣнъ именами (Сводъ, 1833 г. XIV, ст. 799).

Тотъ же характеръ сохранили розги и позднѣе: сельско-судебный уставъ разрѣшалъ наказывать розгами за важнѣйшіе предусмотрѣнные имъ проступки или неоднократно повтореніе менѣе важныхъ. Число розогъ опредѣлялось отъ 10 до 60 ударовъ. Уложеніе 1845 г. обобщило и систематизировало предшествовавшія постановленія. Уничтожая кнутъ, ставя на его мѣсто плети, нанося непоправимый ударъ старымъ порядкамъ и въ то же время пытаясь сохранить духъ прежней системы наказанія, редакторы Уложенія сочли необходимымъ назначить въ возможно большемъ числѣ случаевъ тѣлесныя наказанія, но выборъ ихъ былъ ограниченъ: за исчезновеніемъ другихъ видовъ тѣлесныхъ наказаній и примѣненіемъ шпицрутеновъ для военнослужащихъ, оставались только плети и розги. Послѣдними воспользовались, установивъ размѣръ наказанія въ 50—100 ударовъ, раздѣляющихся на 5 степеней, каждая на 10 ударовъ выше предшествовавшей (ст. 35). Уложеніе же 1845 г. сдѣлало, хотя косвенно, розги обычнымъ средствомъ наказанія и другимъ путемъ: допустивъ замѣну розгами заключенія въ сми-

¹⁾ П. С. З. 4677 г. 1831.

²⁾ Слезкинскій, о. с. стр. 209, 211—212.

рительномъ и рабочемъ домахъ, тюрьмѣ и даже ареста. Заключение въ тюрьмѣ могло быть замѣнено розгами, когда оно грозило повести за собой для осужденнаго раззореніе, лишить его возможности поддерживать свое семейство; подобныхъ ограничительныхъ мотивовъ законъ не приводитъ, говоря о другихъ видахъ заключенія, подлежащаго замѣнѣ. (ст. 84, 86—88.) Къ тѣлеснымъ наказаніямъ могли приговариваться и лица, состоящія на службѣ, но не изъятія отъ тѣлесныхъ наказаній, взамѣнъ отрѣшенія и удаленія отъ должности или вычета изъ времени службы. (ст. 92.) Число ударовъ при замѣнѣ сообразовалось съ тяжестью и продолжительностію заключенія: заключеніе въ рабочемъ домѣ компенсировалось 40—100 ударами розогъ (100 ударовъ за 3 года заключенія); 3 года заключенія въ смирительномъ домѣ равнялось 80 ударамъ; 3 мѣсяца ареста—30 ударамъ розогъ, 2 года тюрьмы—60 ударамъ. Отъ замѣны должны были освобождаться страдающіе неизлечимыми, перечисленными въ законѣ, болѣзнями; изъятые отъ тѣлесныхъ наказаній не по правамъ состоянія, а по особымъ постановленіямъ, приговаривались въ арестантскія роты, безъ наказанія розгами (94, 95 ст.) Наказаніе розгами производилось черезъ полицейскихъ служителей, не публично. ¹⁾

Розги подобно другимъ тѣлеснымъ наказаніямъ, примѣнялись въ соединеніи съ различными карательными мѣрами, строгость которыхъ онѣ усиливали. Уложеніе 1845 г. ²⁾ связываетъ розги съ отдачею въ арестантскія роты или военную службу, или назначаетъ самостоятельно, послѣднее за различныя правонарушенія полицейскаго характера, какъ напр. перевозъ черезъ рѣку въ опасное время, раззореніе птичьихъ гнѣздъ, игру въ карты или кости на деньги ³⁾ (послѣднее имѣло въ виду государственныхъ крестьянъ). Изъ позднѣйшихъ законодательныхъ актовъ положеніе о крестьянахъ

¹⁾ П. С. З. 12. 166. г. 1839. 19. 640. г. 1846. Сводъ, т. XV. ст. 1388.

²⁾ Уложеніе 1845 г. ст. 197, 216, 207, 247, 248, 253, 260, 287, 290, 291, 301, 309, 318, 320, 322, 324, 330, 339, 345, 357, 373, 374, 383, 384, 387, 391, 402, 407, 426, 467, 524, 534, 559, 592, 598 и другія; всего въ 112 статьяхъ

³⁾ Ib. 554—558, 560, 562, 956, 996, 1050, 1134, 1175, 1178, 1184, 1185, 1198, 1255, 1268, 1271, 1275, 1291, 1338, 1405, 1414.

1861 г. сохранило розги въ количествѣ 20 ударовъ, какъ высшую мѣру наказанія за проступки, подвѣдомственные волостнымъ судамъ и мировымъ посредникамъ, и это постановленіе уцѣлѣло и послѣ закона 1863 года. Онѣ сохранились до сихъ поръ и въ нѣкоторыхъ статьяхъ Уложенія (Уложеніе изд. 1885 г.): за ложное показаніе бродягой о своемъ званіи ему грозитъ 30—40 ударовъ (ст. 252); корабельныя слѣдственныя и водоходцы за явное неповиновеніе корабельщику во время пути подлежатъ наказанію хлыстомъ до 5 ударовъ (ст. 1261), послѣдняя статья осталась по очевидному недосмотру, такъ какъ законъ не знаетъ хлыста въ качествѣ орудія тѣлеснаго наказанія: въ дѣйствующемъ правѣ тѣлесныя наказанія ограничиваются: 1. наказаніемъ розгами, 2. наложеніемъ оковъ. (Плети по уст. о ссыльныхъ). Уложеніе же позволяетъ наказывать (ст. 1377.) малолѣтнихъ ремесленниковъ по жалобѣ мастера 5—10 ударами розогъ, нельзя не замѣтить, что эта статья болѣе чѣмъ лишена всякаго практическаго значенія, такъ какъ „малолѣтніе ремесленники“ подвергаются со стороны мастеровъ въ домашнемъ обиходѣ, такъ сказать, въ дисциплинарномъ порядкѣ, гораздо болѣе серьезнымъ наказаніямъ, чѣмъ 10 ударовъ розогъ.

Въ послѣднее десятилѣтіе въ положеніи наказанія розгами произошли крупныя измѣненія. Замѣна заключенія розгами, удержанная и въ изданіи 1866 г. въ случаѣ недостаточности помѣщенія, „при явной невозможности“ устроить приговореннаго въ тюрьмѣ, уничтожена въ 1884—85 гг. вмѣстѣ съ упраздненіемъ заключенія въ рабочіе и смиренительныя дома, существовавшіе въ большинствѣ случаевъ лишь на бумагѣ ¹⁾. Закономъ 1889 г. о земскихъ начальникахъ и волостныхъ судахъ (временныя правила о волостномъ судѣ, ст. 83) разрѣшено назначать розги въ томъ же размѣрѣ, какъ и въ положеніи 1861 г., но съ увеличеніемъ числа случаевъ примѣненія: розги могутъ быть назначены для совершившихъ въ теченіе года вторично проступокъ, за который они были наказаны арестомъ, или со-

¹⁾ Таганцевъ, Н. С. Лекціи IV. стр. 1410. П. С. З. 2172. г. 1884. В. у. мнѣніе гос. сов. Объ отбывѣ заключенія въ смиренительныхъ и рабочихъ домахъ, 3316 г. 1885.

вершившихъ нѣсколько проступковъ, за каждый изъ которыхъ назначается арестъ или болѣе строгое наказаніе и, наконецъ, за болѣе важныя проступки, (Врем. правила, 33 36, 37), перечисленные въ Мировомъ Уставѣ, на который дѣлаются ссылки во временныхъ правилахъ о волостномъ судѣ.

Область примѣненія розогъ не исчерпывается упомянутыми узаконеніями. Онѣ въ еще болѣе широкомъ размѣрѣ примѣняются въ качествѣ дисциплинарной мѣры, и въ нѣкоторыхъ случаяхъ, насколько можно судить по практикѣ, и въ силу усмотрѣнія административныхъ властей.

Выше было сказано, что розги употреблялись и при усмирении крестьянскихъ волненій; примѣры этого довольно часто встрѣчались въ 30 и 40-хъ годахъ. Въ 1834 г. бунтовались татары въ Симбирской губ; усмиритель спросилъ богатыхъ татаръ, что для нихъ лучше—тюрьма или розги, когда признали розги, то всѣмъ бунтовщикамъ дано было по 100 розогъ „для ихъ спокойствія“. Этотъ же мемуаристъ, нѣкто г. Э....въ, жандармскій полковникъ, передаетъ воспоминанія о своихъ подвигахъ при усмирении бунта удѣльныхъ крестьянъ въ Симбирской губ.: „крестьянъ по одному спрашивали, отказывавшіеся повиноваться передавались жандарму, связывались и клались на землю, вечеромъ, наконецъ прибѣгнули къ розгамъ: начали съ 70 лѣтняго старика, котораго забили до смерти и на мертваго уже надѣли кандалы, затѣмъ били еще 13 человекъ и только 14-й послѣ 300 ударовъ объявилъ, что будетъ повиноваться „тогда, скромно замѣчаетъ г. Э....въ, и всѣ заговорили и просили простить.....русскій человекъ искренне покоренъ и спокоенъ, когда за вину наказанъ, а безъ наказанія обѣщанія ничего не стоятъ. Наказанный боится быть виноватымъ вновь и успокаивается“; затѣмъ авторъ для довершенія идиллической картины сообщаетъ, что „засѣченные ожили: отлиди водой“. 1) Въ 1842 г. во время, такъ называемаго, картофельнаго бунта въ Пермской губерніи, крестьянамъ, по свидѣтельству очевидца, велѣно было встать въ знакъ покорности на колѣна. Затѣмъ, конечно, явилось 4 воза: 2 съ розгами,

1) Э....въ Очерки, рассказы и воспоминанія Р. Ст. 1878 г. 23, стр. 670, 692, 694, 695.

2 съ палками. Виновныхъ раздѣлили на 2 группы: главныхъ отправили въ острогъ, второстепеннымъ велѣно было раздѣваться „розги и палки разложены были кучками, у каждой 2 солдата, одинъ съ розгами, другой съ палками въ рукахъ. „Сѣкли жестоко, удары сыпались несмотря на безчувственное состояніе большинства....Послѣ виновныхъ очередь дошла до общества, наказывали десятаго“.—Въ 1843 г. по поводу волненій въ Шадринскомъ уѣздѣ Пермской губ. 1677 крестьянъ было приговорено къ 150 ударамъ розогъ (каждый десятый, кромѣ старыхъ). Въ концѣ 40-хъ годовъ такимъ же образомъ успокоивали рязанскихъ крестьянъ: „они были выведены и поставлены на выгонъ....ихъ было 80—90 человекъ.“ Наказаніе осталось прежнимъ, но времена видимо измѣнились, и очевидецъ, описывавшій экзекуцію не находитъ уже, что „русскій человекъ спокоенъ, когда наказанъ,“ а говорить: „эта кучка казалась особенно жалкой, можетъ быть потому, что невдалекѣ смирнехонько стояла толпа бабъ... Въ сторонѣ отъ толпы стояло нѣсколько возовъ.... я увидѣлъ что на нихъ было, и вслѣдствіи старался не глядѣть туда“. Розги употреблялись для усмиренія крестьянъ повсемѣстно и во всевозможныхъ случаяхъ: въ 1842 г., напр. ими были наказаны 2 латыша, пожелавшіе обратиться въ православіе, въ числѣ ихъ наказанъ даже и 70 лѣтній старикъ.¹⁾

Употреблялись розги при усмиреніи волненій въ 1861 г., а въ послѣдніе годы во время холерныхъ безпорядковъ, какъ наиболѣе подходящее средство для вразумленія толпы въ исключительныхъ обстоятельствахъ, въ размѣрѣ *превышающемъ норму, установленную закономъ.*

Чрезвычайно распространены были розги въ качествѣ дисциплинарной мѣры, почему я и считаю необходимымъ остановиться на выясненіи въ самыхъ общихъ чертахъ ихъ значенія въ этомъ смыслѣ. Розгами постоянно пользовались помѣщики при существованіи крѣпостнаго права, напр., по

¹⁾ Зыряновъ, А. Крестьянскія движенія. Древняя и Нов. Росс. 1879, 4. стр. 316, *Славутичскій, С.* Крестьянскія волненія въ Рязанской губ. 1847—1858, Др. и Нов. Рос. 1878 т. стр. 148—9. Записка о двухъ латышахъ, изъявившихъ согласіе перейти въ православіе, 1842 г. Чтенія 1865, стр. 216—220.

названному уже помѣщичьему уложенію 1763—65 г.г. они назначались отъ 1000 до сказочной цифры—5000 ударовъ; въ Грузинѣ, образцовомъ хозяйствѣ гр. Аракчеева, въ арсеналѣ всегда стояли кадки съ разсоломъ, въ которомъ мокли розги, грозившія за малѣйшія провинности.

Розги употреблялись также, какъ необходимая принадлежность школьнаго обученія. Насколько онѣ были обычны въ низшихъ школахъ въ XVIII столѣт. можно заключить хотя бы изъ виршей, составленныхъ Ванькой Каиномъ, о томъ, что въ школахъ сбькутъ по 5 разъ въ день, подтверждаемыхъ массой другихъ извѣстій, не облеченныхъ въ поэтическую форму. Въ Екатерининскую эпоху тѣлесныя наказанія не признавались полезными для юношества: ихъ тщательно изгоняли, не допуская даже и для питомцевъ воспитательнаго дома, но несмотря на это въ дѣйствительности они существовали ¹⁾. Въ 1820 г. они разрѣшены были уставомъ гимназій, подвѣдомственныхъ Дерптскому (нынѣ Юрьевскому) Университету: „позволяется отнынѣ въ гимназіяхъ тѣлесное наказаніе“, заявлялось въ названномъ уставѣ, явившемся въ годы разочарованія высшихъ правительственныхъ сферъ въ принципахъ просвѣтительной философіи прошлаго вѣка, но вводилось оно со свойственной той эпохѣ деликатностью выраженій, сопровождаемое надеждой, что „въ старшихъ классахъ никогда не будетъ въ оныхъ нужды“. Уставомъ 1828 г. тѣлесное наказаніе (розги) дозволены въ гимназіяхъ С.-Петербургскаго, Московскаго, Казанскаго и Харьковскаго округовъ „въ случаѣ неэффективности другихъ средствъ исправленія“.... по опредѣленію совѣта при инспекторѣ, въ особомъ мѣстѣ, для младшихъ трехъ классовъ вмѣсто исключенія ²⁾. Рядъ оговорокъ какъ бы указываетъ на колебаніе законодателя, на нѣкоторую неловкость, ощущаемую при признаніи педагогическимъ средствомъ „жезла“, предъ которымъ преклонялись учителя въ минувшія столѣтія. Это колебаніе замѣтно

¹⁾ *Ровинскій*, о. с. т. IV стр. 393. *Отто*, *И.* Черты изъ жизни Аракчеева Др. и П. Россія 1875, II. стр. 176—177. Посмертныя записки А. А. *Одичова*. 1817—23 г. Р. Ст. 1889. т. 64. стр. 209.

²⁾ П. С. З. 28.303 г. 1820; 2502 г. 1828.

въ самой редакціи допущенія тѣлесныхъ наказаній. Въ 1802 г., когда прежніе принципы были еще сильны, наступала эра реформъ или мечтаній о реформахъ, въ уставѣ Пажескаго Корпуса розги скрывались подъ терминомъ „строжайшаго наказанія“. Въ уставѣ Риппельскаго лица (1817 г.) они называются „чрезвычайнымъ наказаніемъ, на которое требуется особое и точное согласіе правленія“, но въ 1820 г. они уже называются „тѣлеснымъ наказаніемъ“, а въ 1828 г. „наказаніемъ розгами“, что означаетъ извѣстный поворотъ въ педагогическихъ взглядахъ правительственныхъ круговъ. Соотвѣтствующая уставу 1828 г. статья имѣется и въ уставѣ Училища Правовѣдѣнія въ 1835 г. ¹⁾ Практика во многихъ учебныхъ заведеніяхъ не обращала особеннаго вниманія на недомолвки и нерѣшительность постановленій устава и весьма широко и чувствительно примѣняла „чрезвычайное“ и „строжайшее“ наказаніе, относясь къ нему съ полнымъ довѣріемъ. Совершенно иное отношеніе было со стороны воспитанниковъ, подлежавшихъ отеческому воздѣйствію, даже въ старшихъ классахъ: наказаніе розгами считалось позорнымъ, подвергало товарищескому остракизму; въ корпусахъ встрѣчались даже случаи самоубійства, чтобы избѣжать грозящаго позора. Кромѣ того случалось, что экзекуціи превосходили и мѣру терпимаго, становились истязаніемъ ²⁾. Гдѣ особенно процвѣтали розги и были изобрѣтены весьма разнообразныя способы сѣченія,

¹⁾ П. С. З. 20452 г. 1802, 26827 г. 1817. 8185 г. 1835 § 42.

²⁾ Практика не стѣснялась оговорками закона. Учителя позволяли себѣ употреблять кулаки и линейку, хотя это совершенно не предусматривалось закономъ (За полстолютія. Р. Ст. 1894 т. 81. стр. 72—75—78—82). Въ 1840 г. въ Казани были наказаны три воспитанника, побившіе директора, который жестоко пользовался розгами, распаренными въ горячей водѣ; имъ дано было по 50 розогъ, отсчитанныхъ, несмотря на брызнувшую кровь. „Начальство того времени, говоритъ д-ръ Ильинскій, бывший въ 40-хъ годахъ въ казенныхъ гимназіяхъ, очень любило наказывать розгами и приступало къ нимъ съ особеннымъ злорадствомъ и торжествомъ. Наказывали чаще всего воспитанниковъ 4 первыхъ классовъ (по уставу дозволялось только 3-хъ), употреблялось оно и въ высшихъ классахъ, но воспитанники ихъ, обыкновенно, не давали себя сѣчь, уступчивыхъ сами товарищи подвергали остракизму: переставали говорить билл, такъ что они должны были уходить изъ гимназій“. Розги же въ 40-хъ годахъ употреблялись широко и въ корпусахъ. Но эта педагогическая мѣра, по

это въ семинаріяхъ, какъ свидѣтельствуемъ объ этомъ объективно-спокойное повѣствованіе Д. И. Ростиславлева ¹⁾.

Изъ статистическихъ цифръ, относящихся къ Кіевскому учебному округу въ 1857—59 гг., выходитъ, что наказывалось тѣлесно 13—27⁰/₁₀₀ воспитанниковъ, т. е. что около четверти питомцевъ гимназій не поддавались никакимъ средствамъ воздѣйствія, кромѣ физической боли—положеніе не свидѣтельствующее о блестящемъ состояніи учебной части въ ту эпоху. Къ этому времени относится дѣятельность Н. И. Пирогова, назначеннаго попечителемъ Кіевского округа, и, несмотря на оппозицію многихъ подчиненныхъ, успѣвшаго сократить до minimum'a примѣненіе розогъ въ кіевскихъ гимназіяхъ ²⁾: оно уменьшилось при немъ почти въ 26 разъ. Протестъ Н. И. Пирогова противъ укоренившихся порядковъ или вѣрнѣе неурядиць, поддер-

словамъ воспитанниковъ того времени, вызвала въ кадетахъ только „жалость къ пострадавшему и омерзѣніе къ самой формѣ наказанія“.

Въ интересныхъ запискахъ неизвѣстнаго о Николаевскихъ кадетахъ передаются такіе факты: напр. кадетъ старшаго класса, которому угрожала экзекуція перерѣзалъ себѣ горло ножомъ, видя, что не избѣжать розогъ, другой младшаго возраста бросился съ лѣстницы третьяго этажа. *За много лѣтъ*. Воспоминанія неизвѣстнаго. 1844—1884. Р. Ст. г. 1894, т. 81, стр. 186—189. А. К. Воспоминанія Московскаго кадета 1833—34 г. Р. Арх. 1880 кн. I, стр. 466, 467, 471. *М. И. Семевскій*. Путевые очерки и наброски. Р. Ст. 1889 т. 62. стр. 492.

¹⁾ Мѣстомъ процвѣтанія розогъ несомнѣнно слѣдуетъ признать семинаріи, въ которыхъ еще въ Александровское время по свидѣтельству Д. И. Ростиславлева употреблялись по старому двухъ и треххвостыя плети по усмотрѣнію каждаго учителя. Иногда начальство и учителя расправлялись съ семинаристами и собственноручно: кто таскалъ за волосы, кто колотилъ рукой по головѣ, кто работалъ палкою. Били не только учителя, но и тьюторы, т. е. старшіе воспитанники, которымъ попадало и самимъ, они вымѣщали свое горе на младшихъ товарищахъ, они могли давать 10 ударовъ, но такъ какъ для этого не стоило раздѣвать, то били впередъ за будущія вины; у тьюторовъ же были и плети. Отъ наказуемаго требовалось полное спокойствіе и покорность, иначе удары удвоивались. Авторъ насчитываетъ 8 способовъ сѣченія, употреблявшихся въ его время. Записки Д. И. Ростиславлева. Р. Ст. 1892 стр. 541—543, 545—561; 1893 г. 127, 132, 135—150 (150).

²⁾ По вопросу о тѣлесныхъ наказаніяхъ въ училищахъ. стр. 9 и 10. Сочиненія *Н. И. Пирогова*. Слб. 1887. т. II. стр. 77, 345, 351, 357, 467 и слѣд.

жанный общественнымъ мнѣніемъ, оказалъ важную услугу дѣлу уничтоженія тѣлесныхъ наказаній въ школахъ. Проектомъ устава гимназій, относящимся къ 1862 г. розги не допускаются: „наказаніе розгами, указывается въ мотивахъ, составляетъ самое дурное средство воспитанія... розги любимое средство плохихъ педагоговъ, которые въ состояніи сдерживать воспитанниковъ только страхомъ“; изъ 268 лицъ, опрошенныхъ по этому поводу, только 4 выступило открыто въ защиту розги, хотя это и не свидѣтельствуется еще объ единодушій компетентныхъ лицъ: нѣкоторые изъ отвѣчавшихъ, отказываясь отъ розогъ, уступали, конечно, новому направленію въ министерствѣ. Дѣйствующимъ уставомъ тѣлесныя наказанія въ учебныхъ заведеніяхъ не допускаются, если же въ настоящее время они и могутъ примѣняться, то съ согласія родителей, въ такихъ случаяхъ заведеніе пользуется какъ бы правами родительской дисциплинарной власти по делегаціи.

Розги, какъ наказаніе по суду и дисциплинарная мѣра, употреблялись и употребляются и теперь для военно служащихъ, неизъятыхъ отъ тѣлесныхъ наказаній. По свидѣтельству кн. Имеретинскаго, служившаго въ 40-хъ годахъ въ Преображенскомъ полку, полковой командиръ могъ дать до 800 розогъ „цифра эта не опредѣлялась официально, но разумѣлась, ибо самая крѣпкая натура не могла болѣе перенести“. То же рассказывается и другими военными, служившими въ Николаевское время ¹⁾. Послѣ закона 1863 года розги остались, но съ существенными ограниченіями: ими могутъ наказываться лишь переведенные въ разрядъ штрафованныхъ.

Розги же служили обычнымъ дисциплинарнымъ взысканіемъ и въ тюрьмахъ различныхъ наименованій. Въ 1803 году предписано наказывать розгами арестантовъ, находящихся на крѣпостныхъ работахъ за побѣги и прочія шалости. По уставу о смирительныхъ и рабочихъ домахъ можно

¹⁾ Воспоминанія г.—л. М. Маркова о службѣ въ л.—г. Павловскомъ полку. Р. Ст. 1890 т. 66, стр. 89. Кн. Н. К. Имеретинскій, Изъ записокъ стараго преображенца. Р. Ст. 1893. т. 78. стр. 27—28. Изъ воспоминаній Теобальда. Р. Ст. 1889. т. 61. стр. 258. Воспоминанія М. Венюкова. Р. Ст. 1886. т. 51. стр. 84. и слѣд. П. С. З. Ш. 252. г. 1828. X. 8185. г. 1835.

было наказывать строптивых не болѣе какъ 3 ударами прутьевъ за одинъ проступокъ (Сводъ. 1833 г. XIV. Устав. о содерж. подъ стражей ст. 165); съ 1845 г. въ рабочихъ домахъ высшей дисциплинарной мѣрой считалось 10 розогъ, въ арестантскихъ ротахъ—30 розогъ. (Приложенія къ Улож. 1845 г.: положеніе объ арестантскихъ ротахъ г. XIII § 72, Дополненія къ уст. о сод. под. стр. I § 37). Въ 1840 г. мѣстному начальству дозволено наказывать ссыльныхъ легкимъ тѣлеснымъ наказаніемъ за маловажные проступки: „нетрезвое поведеніе, непослушаніе“¹⁾. То же допущено и дѣйствующимъ уставомъ о ссыльныхъ, по которому мѣстное начальство безъ формальнаго полицейскаго изслѣдованія за маловажныя проступки можетъ назначать ссыльно-каторжнымъ и ссыльно-поселенцамъ (мужчинамъ), первымъ до 100, вторымъ до 30 ударовъ розогъ. Малолѣтніе ссыльные и за важныя проступки наказываются розгами отъ 30 до 50 ударовъ. Несовершеннолѣтніе каторжныя за новыя преступленія наказываются какъ взрослые съ тѣмъ исключеніемъ, что для нихъ плети замѣняются тѣмъ же числомъ ударовъ розгами, и пребываніе въ разрядѣ испытуемыхъ сокращается на $\frac{1}{3}$ срока (ст. 437—439, 441, 443. Уст. о сс. изд. 1890 г.).

По дѣйствующему уставу о содержащихся подъ стражею изд. 1890 г. въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ начальство можетъ въ дисциплинарномъ порядкѣ подвергнуть арестанта наказанію розгами до 30 ударовъ, а съ утвержденія губернатора—100 ударами. (Ст. 324, 325).

Изъ другихъ тѣлесныхъ наказаній заслуживаютъ упоминанія линьки и наказанія, имѣющія непосредственное отношеніе къ тюрьмѣ и ссылкѣ, и служившія въ одно и то же время различнымъ полицейскимъ и карательнымъ цѣлямъ: колодки, оковы, цѣпи и бритые головы.

Со времени Петра В. специально для флота были введены, продержавшіеся въ немъ до отмѣны тѣлесныхъ наказаній, линьки—куски каната съ узлами, служившіе для наказанія матросовъ за дисциплинарныя провинности. Своду извѣстно еще наказаніе веревкой или хлыстомъ до 5 уда-

¹⁾ П. С. З. 20.949 г. 1803, 13. 657. г. 1840.

ровъ судорабочимъ за неисполненіе приказаній о спасеніи груза и людей въ опасныхъ случаяхъ (Сводъ, XV, 1503) Колодки въ качествѣ наказанія, были извѣстны еще Псковской судной грамотѣ (дыба), оно назначалось постороннему помощнику одного изъ тяжущихся „который силой въ судбню полѣзеть или придверника ударить“¹⁾. Дальнѣйшіе законодательные памятники не упоминаютъ о колодкахъ, какъ о наказаніи; онѣ употреблялись, однако, какъ дисциплинарное наказаніе духовенствомъ, помѣщиками и фабрикантами въ XVIII вѣкѣ. Въ 1729 г. на Курскаго соборнаго попа жаловались, что онѣ держитъ священниковъ въ домѣ своемъ подѣ карауломъ въ цѣпяхъ и колодкахъ долгое время. Въ 1740 г. изъ дѣла о покушеніи на жизнь фабриканта Затрапезнова видно, что у него рабочіе держались за провинности въ колодкахъ не малое время.

Колодки служили и для предупрежденія побѣговъ арестантовъ вмѣсто цѣпей, хотя уже въ XVII вѣкѣ пользованіе ими разсматривалось какъ злоупотребленіе: въ наказѣ верхотурскому воеводѣ было приказано: „велѣть ковать въ желѣзы, а въ колоду отнюдь не сажать“²⁾. Но несмотря на запрещеніе сажать въ колодки, въ нихъ продолжали держать арестантовъ не только въ XVIII в., какъ можно заключить по одной народной картинкѣ, относящейся къ половинѣ XVIII вѣка (на ней изображены арестанты въ колодкахъ)³⁾, но и въ XIX в.—въ послѣднемъ это было несомнѣнно и строго преслѣдуемое злоупотребленіе. По разсказу очевидца, (1814—19 г.) въ колодки былъ посаженъ разбойничій атаманъ, захваченный въ 50 верстахъ отъ Самары, которому забили въ нее руки и ноги такъ неудачно, что привезли въ городъ мертвымъ. Въ 1827 г. послѣдовалъ высочайшій указъ, запрещавшій употреблять для удержанія отъ побѣговъ арестантовъ мѣры, не указанныя закономъ, вызванный тѣмъ, что въ Малороссіи одного подсудимаго посадили: „въ какую то неподвижную колодку. . изъ дѣла видно

¹⁾ Будановъ, Хрестоматія стр. 132, 155 прим. 128.

²⁾ Лебедевъ, о. с. стр. 322. Доп. къ актамъ истор. VI, 17. г. 1670. Соловьевъ. т. XX. стр. 219.

³⁾ Ровинскій, о. с. т. V, стр. 323.

что онъ отъ того умеръ... событіе ужасное“. Въ 1847 г. запрещеніе пришлось повторить по поводу того, что на одного дворянина, обвиненнаго въ воровствѣ, надѣвали колодки ¹⁾.

Содержаніе въ цѣпяхъ и оковахъ, какъ наказаніе, было извѣстно въ XVII вѣкѣ главнымъ образомъ въ духовныхъ судахъ за неважныя провинности, одинаково примѣнялось оно и къ мірянамъ, это былъ видъ церковнаго смиренія, назначавшагося и въ дисциплинарномъ порядкѣ. Наказаніе это состояло въ посаженіи на опредѣленное время на цѣпь, по большей части, на небольшіе сроки: мѣсяць, 2 недѣли; такъ былъ наказанъ въ 1643 г. священникъ за непристойныя рѣчи. Оно практиковалось и въ XVIII в. ²⁾ въ Бѣлгородской епархіи въ 1797 г. одинъ монахъ содержался на стѣнной цѣпи въ конюшнѣ, въ 1805 г. священникъ за ругательства и обиды посаженъ былъ на сутки на цѣпь въ сторожевой избѣ. Свѣтское законодательство также знало эту мѣру. Указомъ 1840 г. допускалось въ составъ высшей кары для каторжныхъ прикованье къ стѣнѣ на 5—10 лѣтъ. ³⁾ Содержаніе въ оковахъ, какъ наказаніе, вносится впервые въ русское законодательство Военскимъ Уставомъ 1716 г., иногда даже безъ опредѣленія срока (Ар. 1, 12, 38, 48) или отъ однихъ до 14 сутокъ (Ар. 6, 10), назначалось и для матросовъ Морскимъ уставомъ 1720 г. (Кн. IV, гл. I, VIII, 100). При Петрѣ В. оно употреблялось и для гражданскихъ чиновниковъ, напр. въ 1719 г. предписано было кіевскаго вице-губернатора и прочихъ подчиненныхъ, которые до сего касаются (присылки прихода-расходной книги) „сковать за ноги и на шею наложить чепъ и держать въ приказѣ покамѣстъ вышеписанное исполнять“ ⁴⁾.

Впослѣдствіи наложеніе оковъ осталось какъ полицейская и дисциплинарная мѣра: для предупрежденія побѣговъ

¹⁾ Шиповъ, И. Н. Разказы бывшаго крѣпостнаго. Р. Ст. 1881. т. 31, стр. 138. П. С. З. 894. г. 1827, 21841 г. 1847.

²⁾ Акты истор. III, 223 г. 1643. Лебедевъ, о с. стр. 320 и слѣд.

³⁾ П. С. З. 13657 г. 1840. Въ 1851 г., напр., на Петровскомъ заводѣ было 4 прикованныхъ къ стѣнѣ на 10 лѣтъ. Максимовъ. Сибирь и каторга, т. I стр. 215

⁴⁾ Р. Ст. 1874. т. 11. стр. 241.

и наказанія провинившихся арестантовъ по Уставу о содерж. подъ стражею и о ссыльныхъ.

Оковы чувствовались чрезвычайно тяжело при передвиженіи ссыльныхъ до 1832 г., когда арестанты, направлявшіеся въ Сибирь, прикрѣплялись къ желѣзному пруту (указъ 1824 г. Апрѣля 4 и 1825 г. Мая 12), скрывалась вмѣстѣ цѣлая партія арестантовъ; наручни, сквозь которыя проходилъ прутъ должны были тѣсно облегать руку арестанта, для того чтобы ихъ нельзя было снять, вслѣдствіе чего рука натиралась до опухолей и ранъ во время ходьбы; при передвиженіи слабые арестанты не поспѣвали за сильными, высокіе тащили вверхъ руки малорослыхъ; особенно трудно было идти по неровной дорогѣ. Въ случаѣ болѣзни одного арестанта должна была задерживаться вся партія, такъ какъ унтеръ-офицеръ ни въ какомъ случаѣ не имѣлъ права отпереть замка и освободить отъ прута арестанта. Тяжело было положеніе арестантовъ и на ночлегахъ, гдѣ движенія одного мѣшали спать всѣмъ остальнымъ; если одному нужно было выйти, вся партія по необходимости сопровождала его. Въ виду этихъ неудобствъ и чрезмѣрной тягости для арестантовъ, московскій генераль губернаторъ по представленію попечительнаго комитета о тюрьмахъ вошелъ съ ходатайствомъ объ отбѣнѣ желѣзныхъ прутьевъ, которые и были въ 1832 г. замѣнены особенными наручниками. ¹⁾ Эта реформа была вызвана энергической дѣятельностью извѣстнаго филантропа доктора Гааза. (А. О. Кони. За послѣдніе годы. Спб. 1896. Предисловіе. Вѣстникъ Европы, 1897, 1, 2).

Цѣпи употреблялись весьма часто для наказанія помѣщиками и въ XVIII и в XIX въ несмотря на то, что это было строжайше запрещено указомъ 1809 г., оставались они при полицейскихъ управленіяхъ, гдѣ въ 1826 г. предписано уничтожить цѣпи и цѣпи со ступомъ ²⁾.

¹⁾ И. С. 12. 1641 г. 1827. 5202 г. 1832.

²⁾ Семейскій. Крѣпостные крестьяне при Екатеринѣ II. Р. Стар. 1876 г. т. 17. стр. 603—4. На шею одѣвался желѣзный ошейникъ, заправшійся на замокъ, къ ошейнику прикрѣплялась небольшая цѣпь, оканчивавшаяся огромнымъ деревяннымъ обручкомъ, который трудно было поднять; у ошейника прирѣзаны желѣзныя спицы, мѣшавшія наклонить голову; на ночь подъ заднія спицы под-

Къ предупредительнымъ мѣрамъ, носящимъ въ то же время и карательный характеръ придатка къ главному наказанію, принадлежитъ бритве половины головы. Въ 1825 г. повелѣно брить полъ-говы ссыльнымъ, препровождаемымъ въ Сибирь для удержанія отъ побѣговъ, равно какъ и у содержащихся въ острогахъ, кромѣ закованныхъ и должниковъ. ¹⁾ Сводъ предписывалъ производить ежемѣсячно бритве голову, содержащихся въ тюрьмахъ, кромѣ дворянъ, женщинъ и лицъ, приговоренныхъ къ аресту. (Сводъ XIV. У. о. с. п. стр. 89, 90). Теперь бритве половины головы примѣняется къ ссыльно-каторжнымъ мужчинамъ и въ качествѣ дисциплинарной мѣры въ арестантскихъ отдѣленіяхъ.

Наконецъ, русскому праву были извѣстны и другія малоупотребительныя наказанія. Воинскій Уставъ вводилъ: ношеніе ружья, хожденіе по колямъ, сажаніе на деревянную кобылу, содержаніе на хлѣбѣ и водѣ, и въ настоящее время сохранившееся въ тюрьмахъ въ качествѣ дисциплинарнаго взысканія.

кладывали подушку. Записки М. Я. Неврова. 1816—26. Р. Ст. стр. 439. П. С. З. 23.708. г. 1809. Платинскій, Генералъ Издворня. Др. и Нов. Россія 1876. III. стр. 274, 279. Матеріалы исторіи Россіи стр. 20. П. С. З. 198 г. 1826.

¹⁾ П. С. З. 30 211, 30419 г. 1825.

Важнѣйшія замѣченныя опечатки.

<i>Стр.</i>	<i>Строка.</i>	<i>Напечатано.</i>	<i>Слѣдуетъ.</i>
1	1 сверху	1) Подъ тѣлесными	Подъ тѣлесными
7	1 сверху	еоворшено	совершенно
8	3 сверху	содлиовъ	солидовъ
15	14 сверху	fecit	fecit.
66	18 сверху	лѣчить	лѣчить
136	3 сверху	вѣкѣ:	вѣкѣ
147	15 сверху	году.	году
160	18 сверху	бить	бить
160	1 внизу	площадь	площадь,
186	10 внизу	способы,	способы

00060873

ЮФ СПБГУ